

Лавриненков В.Д., Беловол Н.Н.

Шпага чести

Издание:

Владимир Дмитриевич Лавриненков Николай Николаевич Беловол Шпага чести. М.: Воениздат, 1988, тираж — 65000 — 270 с.

ISBN 5-203-00224-X

Аннотация издательства:

Книга посвящена боевому содружеству французских и советских авиаторов Один из авторов произведения, дважды Герой Советского Союза В. Д. Лавриненков на заключительном этапе Великой Отечественной войны крылом к крылу с французскими летчиками сбивал хваленых гитлеровских летчиков.

В основу книги положены воспоминания французских и советских ветеранов полка Нормандия — Неман.

Книга рассчитана на массового читателя.

4702010200-272 068(02)-88 ISBN5-203-00224-X

© Политиздат Украины, 1980 ~ © Воениздат, 1988

OCR и правка: Каргапольцев Сергей (aviatema@mail.ru)

ТРУДНЫЕ СБОРЫ

Господа! К сожалению, немцы не войдут в Москву так скоро, как мы рассчитывали. Я собрал вас, чтобы объявить: посольство уезжает во Францию.

Гастон Бержери — посол прогитлеровского вишистского правительства испытующим взглядом обвел присутствующих и поднял глаза к окну, за которым плавали блеклые осеннего цвета аэростаты, ставшие главной приметой военного московского неба.

— Когда отъезд? — спросил секретарь, отличавший особой вышколенностью и пунктуальностью.

— Через три дня! — отрубил Бержери.

— Господин посол, — подал голос военно-воздушный атташе полковник Лиге, — за столь короткое время мы сумеем свернуть все наши дела с советским правительством.

— С сегодняшнего дня у нас нет никаких дел с этим правительством! — последовал жесткий, категоричный ответ.

Сотрудники посольства молча разошлись и приступили к сборам.

В душевном смятении покинул кабинет посла полковник Лиге. Воспитанник высшей военной школы, патриот своей родины, он внутренне никак не мог смириться с политикой правительства Петена, продавшего Гитлеру Францию за право обосноваться и властвовать в ее южном городке Виши. Именно отсюда распространялись теперь профашистски зловонные идеи, которые с возмущением отвергал каждый честный француз. "Поражение мая — июня 1940 года, — писалось в одной из брошюр, изданных в Виши, — было крушением режима... Франция ждет нового режима, и, как это бывает после каждого большого поворота, мы, естественно, склоняемся к тому, чтобы учредить у нас режим, аналогичный существующему у наших победителей".

"Режим, аналогичный существующему у наших победителей". "К сожалению, немцы не войдут в Москву так скоро..." В одну -дуду, как говорят русские, дудят Петен и Бержери, подыгрывая оккупантам.

Лиге — офицер генерального штаба. Ему известны подробности позорной капитуляции французских правителей. Большого оскорбления его гордая, свободолюбивая отчизна не знала за всю свою историю. Напрашивается экскурс в прошлое. 11 ноября 1918 года французский маршал Фош прибыл в Компьенский лес и в белом салон-вагоне продиктовал условия перемирия побежденной Германии. А 22 июня 1940 года в том же лесу и в том же салон-вагоне, изъят по приказу Гитлера из музея, был подписан документ, повергший Францию на колени.

На церемонии подписания присутствовал сам фюрер.

Логика у нацистов садистская: унижать — так до конца. Петен ежедневно перечисляет на содержание германских войск 400 миллионов франков и при этом именуется: "Мы, маршал Франции, глава французского государства..."

Офицер генерального штаба Лиге знал и другое: на его — родине ширится, набирает силу движение Сопротивления, а за ее пределами действует патриотическая организация "Свободная Франция". Возглавляет ее эмигрировавший в Англию генерал де Голль. Премьер Великобритании Черчилль разрешил ему формировать французские вооруженные силы из числа добровольцев.

Логика генштабиста и сердце патриота подсказывали: судьба Франции не определилась в Компьенском лесу, ее окончательное решение — впереди.

Сейчас бы иметь Лиге надежного человека, чтобы излить душу, посоветоваться. Но рядом нет якогого, кому можно довериться.

"Путь из Москвы в Виши — кружной, длинный: через Стамбул. Времени для размышлений достаточно. Нет, после вылета будет поздно. Что-то предпринять, прийти к какому-то выводу нужно здесь, в Москве".

Через три дня персонал вишистского посольства спешно грузился в самолет, экипаж которого хлопотливо разогревал моторы.

Бержери приказал секретарю проверить, все ли на борту.

— Все, за исключением полковника Лиге, — доложил тот.

У Бержери удивленно поднялись брови.

— Вот, — протянул секретарь копию радиограммы. "Лондон. Командующему ВВС "Свободной Франции" Валену. Из Москвы следую к вам. Полковник Лиге".

— Мерзавец! — процедил бывший посол. Поступок Лиге был ему непонятен. Вопрос о судьбах Франции для Бержери не существовал. Он без оглядки следовал за Петеном, готовый ринуться за маршалом-изменником хоть в омут. Понять Лиге — выше его сил.

В Лондоне полковника встретили как крайне нужного человека, прекрасно осведомленного о положении на советско-германском фронте и хорошо знающего настроения русских, чему он в немалой степени обрадовался. Однако, хоть Марсель Вален и Шарль де Голль и помнили его как высококвалифицированного военно-воздушного атташе при посольстве в Москве, это еще не могло быть основанием для полного доверия ему в данной ситуации. Все прояснилось для Лиге после встречи с Альберо Мирле — старым добрым знакомым, который еще в 1940 году присоединился к "Свободной Франции".

Мирле — француз русского происхождения. Его родители нашли убежище во Франции от преследования царских сатрапов после революции 1905 года. Пронюхав об этом, гитлеровцы в октябре 1941-го расстреляли их. Альберо удалось эмигрировать в Англию. Здесь он, специалист, занимавшийся до войны проблемами борьбы с обледенением самолетов, после представления де Голлю был зачислен в африканскую группу, которая отправилась в Камерун для сборки бомбардировщиков. Тропический климат подорвал здоровье Мирле, и он снова оказался в Лондоне. Занялся разработкой тренажера летчика, а также приспособления для перерезания тросов заградительных аэростатов.

Полковник Шарль Лиге, которого Альберо Мирле откомендовал генералам де Голлю и Валену, был ими принят и внимательно выслушан. Оба до сих пор не имели вполне достоверной информации о делах на советско-германском фронте.

И де Голль, и Вален с пристрастием допытывались, как в России относятся к французскому народу, Франции, ко всему, что произошло и происходит с ней.

— Других чувств, кроме симпатии и сочувствия, я не заметил ни у простых людей, ни у членов правительства, — твердо сказал Лиге.

Де Голль и Вален переглянулись.

Не знал тогда полковник Лиге, что именно генерал Вален первым выступил с предложением послать в СССР боевое формирование французских летчиков. Не знал и того, что де Голль и Вален с нетерпением ждут признания организации "Свободная Франция" Советским правительством.

Новости, привезенные Лиге из Москвы, обнадеживали, вселяли уверенность в осуществлении задуманного.

— Ну что ж, — подвел итог разговору де Голль, — пора, пожалуй, переходить от слов к делу. Вы, Шарль Лиге, и вы, Альберо Мирле, хорошо знающие русский язык, выходите на контакты с советской военной миссией в Лондоне. В дальнейшем от этих контактов будет зависеть многое.

Так старые друзья-единомышленники приобщились к дипломатической деятельности, конечным итогом которой должно было быть заключение соглашения об отправке французских добровольцев в Советский Союз.

Лиге и Мирле не мешкали — вступили в переговоры с членами советской военной миссии в Лондоне, которые предложили подать французский проект в письменном виде.

Вскоре Национальный комитет "Свободной Франции" установил связь с советским послом при союзных правительствах в Лондоне А. Е. Богомоловым. Начались переговоры — медленные, трудные: все внове; приходилось взвешивать да взвешивать.

Нетерпеливый Вален торопил своих помощников Лиге и Мирле. Но что они могли поделать? Многое зависело не только от них и от советской стороны. На пути встал ряд непредвиденных осложнений, мешали враждебные силы. В авиационной катастрофе погибли советские дипломаты, с которыми велись переговоры. Генералу Валену пришлось срочно отправляться на Ближний Восток. Воспользовавшись его отсутствием, кто-то отозвал туда же Лиге.

Грустным было для него расставание с Мирле.

— Не все так просто, как думалось, — сказал Шарль.

— Не падай духом, мы еще поборемся, — ободрял Альберо.

— Сейчас надежда только на генерала де Голля.

— К сожалению, и он не всемогущ. Иден сообщил послу СССР в Англии Майскому, что Великобритания против отправки французов на советско-германский фронт.

— Чего мутят воду?! — вспыхнул Лиге.

— Высшая политика...

— Не сдавайся, Альберо. Доводи дело до конца. Во имя нашей родины.

— Я не отступлюсь.

— Я тоже, Альберо...

Несмотря на отрицательную позицию английского правительства, Национальный комитет "Свободной Франции" в марте 1942 года направил в Москву военную миссию во главе с бригадным генералом Эрнестом Пети. Миссия расположилась в отведенном ей особняке на Кропоткинской набережной. И стала ждать инструкций из Лондона. Они не поступали, и тому были причины.

Англия все еще противилась отправке французских летчиков в СССР: мы, мол, в своих ВВС готовим ваших пилотов, штурманов и вправе сами распоряжаться ими.

В отсутствие Валена временно исполняющий обязанности командующего ВВС "Свободной Франции" обратился к де Голлю с письмом, в котором убеждал, что отправка летчиков в Советский Союз — ненужная, неоправданная затея, и предлагал аннулировать предварительную договоренность об этом.

Де Голль долго размышлял над письмом. Ему очень не доставало Валена. Вдвоем они быстро заткнули бы глотки противникам начатого дела. А так приходится ждать. К тому же из России доходили вести о том, что представительства Национального комитета — военная миссия Пети в Москве и посольство во главе с Роже Гаро в Куйбышеве, где сосредоточился весь дипломатический корпус, — никак не поделят между собой власть,

не могут договориться о единстве действий.

Де Голль вызвал к себе Альберо Мирле. Этого человека он испытал на многих крутых поворотах начатой

борьбы и полностью доверял ему.

— Поедете в Москву, продолжите наши приготовления. Французская эскадрилья должна быть в России.

В который уже раз за последнее время Шарлю де Голлю приходится совершенно самостоятельно принимать исключительно важные, ответственные решения. Только развитое чувство дальновидности и врожденная решительность были подчас его советчиками. Дворянин по происхождению, он к началу описываемых событий прошел большую жизненную школу. Участвовал в первой мировой войне. Служил в армии на различных штабных и командных должностях. Опубликовал несколько военно-теоретических трудов, в которых обосновывал способы массированного применения танков во взаимодействии с пехотой и авиацией. В канун второй мировой войны в чине полковника командовал танковым полком 5-й армии в Эльзасе, а в мае 1940 года, уже в звании бригадного генерала, стал командиром танковой дивизии.

Назревал перелом, закончившийся вторжением германских войск. В этот критический момент Шарля де Голля назначили заместителем министра национальной обороны и направили в Лондон для связи с английским правительством.

14 июня в Париж, объявленный "свободным" городом, вступили гитлеровские захватчики. Через два дня к власти пришло капитулянтское правительство Петена. Оскорбленный в своих лучших патриотических чувствах, с ненавистью относящийся к самой идее сотрудничества с фашистами, де Голль 18 июня обращается по радио к французам с призывом продолжать борьбу против поработителей.

"Франция проиграла сражение, но не проиграла войну!" — провозгласил он и активно взялся за создание движения "Свободная Франция".

Петен и его свита обвинили де Голля в измене, трибунал 17-го военного округа заочно приговорил его к смертной казни.

Но де Голль тем упорнее продолжал начатое дело. К ноябрю он собрал под свои знамена 35 тысяч воинов-добровольцев, в том числе тысячу летчиков. В его распоряжение поступило 20 военно-морских судов, 60 транспортных кораблей и другие боевые средства. Базы расположения — Англия, некоторые африканские страны.

Генерал Шарль де Голль стал главнокомандующим вооруженными силами "Свободной Франции". Это стоило многих усилий, но первой цели он достиг. Теперь нужно было с наибольшей пользой для освобождения родины использовать собранные под его началом войска, которые к лету 1942 года составляли 70 тысяч человек и приняли название "Сражающаяся Франция".

"Поедете в Москву, продолжите наши приготовления. Французская эскадрилья должна быть в России".

Боллезненный Мирле не представлял себе, как перенесет столь далекое путешествие. Однако твердо сказал:

— Мой генерал! Я отправлюсь тотчас же и сделаю все, что будет в моих силах.

— Желаю успеха!

Альберо Мирле отбыл в плавание с конвоем английских судов, следовавших в Мурманск. До места назначения дошла лишь четвертая часть кораблей, остальные были потоплены гитлеровцами.

К прибытию Мирле генерал Пети вступил в контакт с советской стороной и предложил заключить соглашение о формировании в нашей стране французской авиационной эскадрильи.

Наконец-то дело сдвинулось с мертвой точки. Правда, оставалась уйма неутраченных "формальностей". Какими самолетами следует вооружать подразделение? Какие опознавательные знаки наносить на воздушные машины? Какую форму будут носить французские летчики? Какими удостоверениями снабдить их? Кто станет первыми волонтерами? Кто возглавит эскадрилью? Какие боевые задачи она станет решать?..

Вопросы сыпались на голову Альберо Мирле как из рога изобилия.

Мирле вплотную занялся разработкой статуса французской эскадрильи. И вскоре остановка была за малым — подобрать летчиков.

Жозеф Мари Пуликен, уроженец Сент-Мило, пришел в авиацию в ноябре 1917 года. В годы между первой и второй мировыми войнами большей частью заведовал отделом объявлений в ряде газет.

Неуютно чувствовал себя в родном городе, оккупированном фашистами. А куда денешься, что предпримешь? Вокруг — надменные гитлеровцы да вишисты. С кем бы поговорить? Кто бы подсказал, что делать?

Призыв де Голля дошел до него, как и до других честных французов. Но где эта "Свободная Франция"? Как найти ее штаб, как добраться к нему?

Пуликен вспомнил, что на авиабазе в центре сирийской пустыни, откуда он демобилизовался в свое время, остались его друзья, с которыми делил последний глоток воды. Да ради спасения Франции они тоже готовы пожертвовать собой! Надо пробираться к ним. Как? Жозеф не был бы газетчиком, если бы не нашел способ. Его охотно приняла лионская газета, в которой он когда-то работал.

— Что скажете, если я предложу отправить меня в

Африку для создания серии репортажей? — обратился он к редактору.

Предложение было принято. Снабженный надежными документами, Пуликен, сравнительно легко миновав многочисленные ловушки оккупантов, отправился в дальний путь. Чего стоили только названия пересеченных им стран — Алжир, Дагомея, Того, Гвинея, Либерия, Чад, Судан, Египет, Ливан!

В Бейруте он нашел то, к чему стремился, — штаб ВВС "Свободной Франции". О нем доложили в Лондон Валену.

"Поздравления капитану Пуликену! Готов ли он служить на Ближнем Востоке?" — радировал тот.

Жозефа зачислили в группу истребительной авиации "Эльзас-1", которая формировалась на авиабазе Раяк в Ливане.

Столь внезапно попасть под жгучее африканское солнце, готовиться в сорокаградусной жаре к участию в боевых действиях после довольно-таки длительного перерыва в полетах было далеко не просто.

— Чертова сковородка! — со злостью сплевывал Пуликен песок с зубов, уныло оглядывая бескрайнее желтое море. — Сюда бы вместо ада грешников засылать!

Мало-помалу он втягивался в новую жизнь, но в душе был твердо убежден: несмотря на то что раньше служил в этих краях, никогда не привыкнет к здешним условиям. Ведь тень, обыкновенную тень, которая укрывает от прямых, палящих лучей, можно найти лишь под крылом самолета. А мотор! Того и гляди, заклинит от перегрева, пока наберешь высоту.

Утешало одно: он сражается с ненавистными фашистами, терзающими его родину. Правда уж очень далеко от нее. Да и малоэффективна пока его борьба. Но надеждами жив человек.

Жозеф и его друзья ждали крутых перемен, однако то, что произойдут они в ближайшем будущем и будут столь неожиданными, никто предположить не мог.

Пока Пуликен со своей группой осваивал летное дело в ливийской пустыне, между Каиром, Лондоном и Москвой, где, соответственно, размещались штаб французских ВВС, Национальный комитет "Сражающейся Франции" и его военная миссия, возглавляемая генералом Пети, то и дело сновали тихоходные самолеты, частым пассажиром которых был связной офицер Мирле. Шли интенсивные переговоры об отправке в Россию французских летчиков-добровольцев.

Однажды Жозеф Пуликен, вернувшись с задания, выбрался из кабины и начал снимать летную куртку, но был остановлен окликом посыльного:

— Получите пакет!

Что бы это значило? Что кроется за размякшей от жары сургучной печатью?

Не спеша капитан отправился на излюбленное место — под крыло истребителя, поудобнее уселся на парашюте, вскрыл конверт.

От первых же слов зарябило в глазах:

"Создается группа истребительной авиации для отправки на русский фронт. Майору Пуликену предписывается заняться ее формированием".

Конечно, Жозефу было приятно получить известие о присвоении очередного воинского звания. Однако его значение меркло перед главным сообщением. Пуликен только на миг представил разницу между огнедышащим зноем и суровой русской зимой — и густо выступавшие капельки пота показались ледяными сосульками.

— Вот так фокус! — воскликнул он, вскакивая. — Из огня да в полымя, как говорил мой сосед Пьер, сражавшийся вместе с русскими в Испании.

Ничего не понявший посыльный неопределенно пожал плечами, козырнул, четко повернулся и ушел.

Майор Пуликен, как истинный военный, понимал, что приказ обсуждению не подлежит: в тот же день сдал все дела своему заместителю и улетел на базу. Был твердо настроен торопить события: не терпелось заняться настоящим боевым делом.

Держа по редким пустынным ориентирам курс на базу, думал; подобрать четырнадцать пилотов, бежавших от вишистов, будет несложно. Добровольцев предостаточно, важно не ошибиться в выборе. Но как-никак в людях он разбирается: у летчика-журналиста глаз вдвойне острый.

Приземлившись, Жозеф немедленно представился начальнику базы и тут же попросил личные дела на всех еще никуда не определившихся сограждан-летчиков.

Первой попалась под руку тонкая серая папка с немногими бумагами на имя Марселя Альбера. Уроженец Парижа. Рабочий-металлист завода "Рено". Закончил платные курсы пилотов. Служил в ВВС. Сбил Ме-109 и "Хейнкель-111".

"Отлично! — подумал Пуликен и жирно подчеркнул последнюю строку красным карандашом. — Есть боевой опыт. А как Марсель попал сюда?"

Командир формирующейся авиагруппы с интересом углубился в чтение нового документа, из которого явствовало, что Марсель Альбер, Марсель Лефевр и Альбер Дюран на самолетах "Девуатин-520" перелетели из вишистской Франции в Англию. Здесь они были приняты генералом де Голлем. В ходе беседы сказали: "Если встанет вопрос о посылке наших летчиков в Россию, не забудьте о нас".

— Великолепная тройка! Настоящие мушкетеры — Атос, Портос и Арамис. Быть бы мне для них д'Артаньяном! Они-то и составят ядро эскадрильи. Пуликен пригласил всех троих на беседу. Вошли стройные, поджарые, в шортах, четко представились. Марсель Альбер привлек внимание красивой и аккуратно подстриженной головой, строгими чертами лица, пронизательными светлыми глазами. У Марселя Лефевра — лицо продолговатое, крупный нос, широкий рот, слегка оттопыренные уши. Видно, знает цену себе. Альбер Дюран — подвижный, как ртуть: ни секунды спокойно на месте не устоит.

Все трое произвели на Жозефа благоприятное впечатление. Командир сразу же проникся к ним доверием — отпала необходимость во всевозможных уточнениях.

Единство духа рождает единство цели. Эти качества были бесценны для людей, собиравшихся в далекую опасную экспедицию, счастливое возвращение из которой никто не мог гарантировать.

— Вы подходите мне, — сказал Пуликен. — Подскажите, кого еще можно взять в группу?

— Мы рекомендуем, — начал перечислять, загибая пальцы, Марсель Альбер, — Ролана де ля Пуапа, Жозефа Риссо, Ива Бизьена, Ива Майе, Дидье Бегена, Альбера Литольфа, Жана Тюляна, Альбера Прециози, Ноеля Кастелена, Раймона Дервиля, Андре Познански. Наверное, достаточно?

— Вы точно осведомлены, сколько нужно? Откуда знаете всех? — спросил Пуликен, а сам подумал, что эти ребята все уже хорошенько взвесили, обо всем поразмыслили.

— Сюда следовали вместе из Англии. Было время узнать друг друга. У каждого за плечами — целая одиссея, достойная пера Александра Дюма, — ответил Марсель Лефевр.

— И вы можете поручиться за каждого?

— Как за самих себя! — ответила тройка хором.

— Прекрасно. Изучим их дела. Но нам нужны еще врач и переводчики.

— Можем порекомендовать, — засверкал глазами Альбер Дюран. — Меня лично лечил Жорж Лебединский.

— Он что, русский?

— Родился в Киеве. А жил и учился во Франции. Чтобы примкнуть к "Свободной Франции", проделал сюда путь через Португалию, Кубу, Соединенные Штаты Америки.

— Хороший врач?

— Судя по тому, как быстро избавил меня от ангины, — дело знает.

— От ангины? Это уже кое-что. В России нам не избежать простуд. А что он еще может? В технике хоть малость разбирается?

Летчики переглянулись.

— В технике — не знаем, а в игральных картах толк понимает. Вчера обыграл в покер одного местного дельца. Кругленькую сумму положил в банк, — ответил Марсель Альбер.

— Зачем?

— Говорит, после войны собственной клиникой обзаведется.

— Предусмотрительный. Ну что ж, тем лучше: чтобы самому выжить, будет о нас больше заботиться. Таков фронтовой закон. :

— Ваша правда, майор, — подтвердил Альбер Дюран. — Теперь разрешите предложить кандидатуры переводчиков. Тоже следовали с нами.

— Давайте.

— Мишель Шик и Александр Стакович.

— Несомненно, русские?

— Да. Их родители эмигрировали во Францию...

Обоих принимал де Голль, выразил им доверие. Оба могут летать на связном "потезе".

— Последнее немаловажно. Пожалуй, подойдут, — подытожил Пуликен.

— Разрешите еще предложить? — обратился Марсель Альбер.

— Пожалуйста,

— В дороге мы познакомились с лейтенантом Жаном де Панжем. Имеет опыт военного штурмана, правда, на истребителях не летал.

— Спасибо. Такой человек тоже нужен. А сейчас, друзья, отправляйтесь к механикам и подберите среди них умелых, энергичных помощников. Нам ведь на каждую машину потребуется три-четыре младших авиаспециалиста. Тут есть над чем поломать голову.

"Мушкетеры" ушли. А Пуликен погрузился в изучение личных дел рекомендованных. Чем внимательнее вчитывался в строки документов, тем более радовался. Десять сбитых фашистских самолетов на счету Альбера Литольфа, числились боевые победы за Роланом де ля Пуапом и Марселем Лефевром. Всего же члены формирующейся группы вогнали в землю 19 воздушных пиратов Гитлера. "Это составит начало традиций эскадрильи, которые предстоит приумножить в бескрайних просторах России", — подумал Жозеф.

Он отдавал себе отчет в том, с какими трудностями придется столкнуться на советско-германском фронте. Сложные условия воюющей страны, суровый климат, по всей вероятности, незнакомые самолеты... Но сознание, что его группе предстоит доселе неведомая миссия, придавало сил, вселяло твердое убеждение в ее исключительной важности, необходимости. Да, в круговороте войны, в которую втянуто множество стран, одна эскадрилья — песчинка в сравнении с масштабами действующих вооруженных сил. Но она — часть сражающейся Франции, носитель высокого духа свободолюбивой нации, не склонившей головы перед немецко-фашистскими оккупантами. Уже одним этим будут оправдываться все тяготы и лишения, все жертвы, приносимые на алтарь победы.

Пуликен раскрыл дело Ролана де ля Пуапа. На маленькой фотографии увидел простое лицо паренька с широким носом — картошкой. А вот объяснение тому, почему и как он примкнул к движению Сопротивления:

"В неразберихе, царившей во Франции, казалось, что У нас отняли право воевать за ее независимость". Пуап морем перебрался в Англию. Служил в королевских ВВС, участвовал в боях. Потом ему представилась возможность выбора: летать на штурмовку вражеских объектов с авианосца, базировавшегося в Средиземном море, или отправиться на советско-германский фронт. "Решился на большое русское приключение со снегами и неизвестностью", — объяснял Ролан свой выбор новым друзьям в Раяке. (Какой француз признается в истинных мотивах своего поведения?) На самом же деле он искал настоящих воздушных схваток. Своей шпагой чести Пуап жаждал орудовать в полную силу, а это возможно было только в России, где, твердо верил, никогда не пойдут на компромиссы с захватчиками.

Командир с удовлетворением отложил дело Пуапа к папкам с документами на "мушкетеров" и взялся за новое.

В одном из документов Жозефа Риссо кто-то уже подчеркнул строки: "Я не мог подчиниться наглому завоевателю, поэтому последовал призыву генерала де Голля..."

Правительство Виши приказало поставить все самолеты на "профилактику". О том, чтобы улететь из лагеря предателей французского народа на своей боевой машине, не могло быть и речи, так сильно их охраняли. Тогда Риссо обратил внимание на маленькую стрекозу "Самун", которая по утрам доставляла донесения в штаб, дислоцировавшийся в Оране.

Однажды Риссо с другом Никлосом, выбрав удачный момент, оседлал "Самун" и ускользнул с аэродрома.

Правда, добраться до Англии не удалось — из-за нехватки горючего пришлось садиться в Испании прямо на пляж, где обоих беглецов арестовали. Только через полтора месяца с большими мытарствами добрались в Англию. Потом желание действовать, сражаться привело Риссо в Раяк.

Следующее дело — лейтенанта Жана де Пашка. Мечтал стать истребителем, немного пилотировал учебный самолет. Затем школа приобрела штурманский профиль. В движение Сопротивления включился сразу, как только узнал о нем. В Лондоне случайно встретил давнего друга Альбера Мирле. Эта встреча решила его дальнейшую судьбу. Сделав десяток всевозможных медицинских прививок, облачившись в тропическую форму, он вместе с группой летчиков отправился в Раяк.

Раяк. Малоизвестное географическое название на Ближнем Востоке вдруг обрело значимость, стало символом, влекущим к себе честных, благородных, отважных пилотов французских ВВС. Попасть в Раяк — значило найти выход патриотическим чувствам, доказать свою приверженность делу "Сражающейся Франции".

Пулиken был доволен летчиками, которых зачислял в группу. А вот по поводу того, найдется ли необходимый контингент надежных авиаспециалистов, — волновался. Авиамеханики и техники почти никогда не сталкиваются с врагом лицом к лицу. Следовательно, у них мало шансов, чтобы удовлетворить душевные порывы и жажду мести оккупантам за поруганную честь родины. Поэтому далеко не каждый патриот согласится на сверхдальнее путешествие только во имя того, чтобы в условиях сурового русского климата обслуживать и без того

надоевшие самолеты.

Так думал Жозеф Пулиken. И глубоко ошибался. Утром следующего дня Марсель Альбер представил ему список шестидесяти авиамехаников и техников, изъявивших готовность следовать хоть на Северный полюс, лишь бы внести свой вклад в борьбу французского движения Сопротивления.

— Откуда их столько здесь? — растерянно спросил командир.

— Как и мы, добрались всеми возможными путями.

— Хорошо, прикажите построить, хочу лично познакомиться с ними.

Строй был не ахти какой. Разноцветные шорты; обуты — кто во что горазд, вместо головных уборов — носовые платки... На команду "Смирно!" почти не реагируют: стоят кто как, переговариваются. Отвыкли от армейских порядков, воинской дисциплины или просто не знакомы с ними?

Пулиken пошел вдоль шеренг. Взгляд его задержался на невысоком, сутуловатом брютете.

— Кто вы?

— Сержант Робер Карм. Механик по приборам.

— Как попали в Раяк?

— Служил матросом на торговом судне. В Бейруте сбежал, чтобы стать под знамя "Сражающейся Франции".

— Ясно.

Майор пошел дальше. Остановился напротив круглолицего паренька, обливающегося потом.

— Вы кто?

— Капрал Раймон Тролле. Механик по вооружению... Бежал из вишистской тюрьмы...

Обход открыл Пуликену глаза на атих, таких разных внешне, но объединенных единым стремлением людей.

Жан Дарнело, например, служил у вишистов, пока не убедился в продажности их политики.

Роже Туртелье организовал побег на самолете с авиабазы Пальмира в Сирии.

Анри Альберу чудом удалось спастись от расстрела.

Что ни человек — своя судьба, неповторимый жизненный путь.

1 сентября 1942 года эскадрилья, предназначенная для отправки в СССР, была сформирована. Жозефу Пуликену очень хотелось, чтобы она носила имя родного ему края — "Бретань", но так уже называлась одна из оперативных групп авиации. Решение нашли сообща. Марсель Лефевр предложил дать подразделению имя его родины — провинции Нормандия, наиболее пострадавшей от фашистской оккупации. Жан Тюлян и остальные летчики поддержали его. Пуликен тут же радировал об этом Валену. Тот был удовлетворен выбором названия и дал "добро". Оставалось позаботиться о вещевом и продовольственном снабжении личного состава да поработать над укреплением дисциплины, которая должна была сцементировать эскадрилью.

В дело включилась мадам Катру — жена посла "Сражающейся Франции" в СССР, находившаяся в то время в Ливане. С ее помощью удалось снабдить личный состав тремя комплектами обмундирования — рабочим, выходным и парадным.

И вот Пуликен доложил де Голлю, проводившему инспекцию войск в Дамаске, о том, что эскадрилья полностью подготовлена к отправке в Советский Союз. Генерал де Голль подробно расспросил о ней, вручил Жозефу Пуликену документы, подтверждающие его права на командование эскадрильей, а заодно — и свое фото с теплой дарственной надписью. В заключение сказал;

— Мой майор, прежде чем принять какое бы то ни было решение, еще раз спросите себя, что значит оно для интересов Франции.

Когда попрощались, к Пуликену подошел капитан Мирле:

— Я снова отправляюсь в Москву. Что передать от вас?

— Передайте: пусть готовят лучшие самолеты.

— Охотно исполню вашу просьбу.

Вот-вот надо было сниматься "с якоря". Но проходил день за днем, а все оставались на местах. Пуликен начал нервничать. Его успокаивал начальник базы полковник Жене.

— Не торопи события. Ведь у вас все впервые. Нет прецедента. Тут все решается на уровне посольств, министерств иностранных дел, правительств.

— Я солдат, — не переставал злиться Жозеф. — Пусть меня отправят в бой, а сами решают свои вопросы.

— Успеешь навоеваться. События принимают критический характер.

— Тем более нечего сидеть здесь без дела.

Вплоть до 10 ноября шли такие взвинчивающие друг друга разговоры. А в этот день все устроилось — генерал Пети радировал из Москвы: выезд разрешен.

Почетный караул. Оркестр. Полковник Жене, пытающийся незаметно смахнуть слезу со щеки. 15 летчиков, 42 авиатехника и механика, 4 штабных офицера поднимаются по трапам транспортных самолетов.

Долгожданные, волнующие мгновения.

Прощай, Раяк, пустынное пристанище!

ПОЛЕТ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Осень 1942 года. Фашистская Германия захватила огромные территории европейского континента от Ла-Манша до Волги, от Баренцева моря до Кавказа. Военные действия идут и в Африке. Многомиллионные массы

людей стонут под гнетом жесточайшего оккупационного режима. Молох третьего рейха неумолимо поглощает и разрушает национальные богатства многих стран.

В исключительно трудном положении находится Советский Союз. Враг прорвался к Волге и предгорьям Кавказа, находится в 150-200 километрах от Москвы, блокировал Ленинград. Линия советско-германского фронта достигла максимальной протяженности — 6200 километров. В боевых действиях с обеих сторон принимают участие около 12 миллионов человек, до 130 тысяч орудий и минометов, многие тысячи танков и самолетов.

Ценой колоссальных усилий и героического сопротивления советских воинов истощались наступательные возможности ударных группировок немецко-фашистского вермахта. Именно поэтому гитлеровский генералитет вскоре вынужден будет издать оперативный приказ о временном переходе германских войск к стратегической обороне.

В это тяжелейшее для нашей страны время в мире каждый день происходили разные — большие и малые — события, большинство из которых так или иначе подтверждало: пружина войны раскручивается не в пользу Германии.

8 ноября были прерваны дипломатические отношения между правительством Виши и США, на следующий день отозвала своих представителей Канада.

8-11 ноября англо-американские войска высадились на побережье Северо-Западной и Северной Африки. Вооруженные силы вишистов в Северной Африке прекратили сопротивление.

12 ноября были восстановлены дипломатические отношения между СССР и Мексикой.

15 ноября порвали все связи с правительством Виши Никарагуа, Гондурас и Бразилия.

19-20 ноября Красная Армия перешла в контрнаступление под Сталинградом.

25 ноября подписывается соглашение между Французской коммунистической партией и "Сражающейся Францией" о совместной программе боевых действий...

Тетива войны натягивалась все туже и туже. И все эти сдвиги объективно действовали против гитлеровской Германии. Многие честные люди земли были готовы вступить в смертельную схватку с фашизмом, тянулись к Стране Советов.

— Прошли Сирию, — сообщил бортрадист, выйдя из своей рубки. — Впереди — Ирак.

— Жаль, в Дамаске не пришлось побывать, — прокомментировал известие Марсель Альбер.

— Чего тебе жаль? — удивился Пуликен.

— Вина, которого не попили там. Все заулыбались.

— Наверстаешь упущенное в Багдаде, — бросил, смеясь, Ролан де ля Пуап.

— Там некогда будет, — ответил Марсель.

— Почему?

— Это же, наверное, будет последняя посадка перед Россией.

— Ну и что?

— Займусь погрузкой на борт бочек с вином. Про запас.

— Напрасные хлопоты, — вмешался врач Жорж Лебединский.

— Как это понимать? — вытаращил глаза Жан де Панж. — Что, в России нельзя будет после полета выпить по стаканчику доброго, старого вина?

— Там вино не пьют, — подключился Ив Майе. — Там механики в нем ветошь стирают.

— Стирают не стирают, а придется менять привычки, — подал голос переводчик Мишель Шик. — В России требуются градусы покрепче.

Как только речь зашла о холодах, все приуныли. Французы к жгучим морозам не привыкли.

Андре Познански встал, встряхнулся, расправил темно-синюю униформу, саркастически взглянул на свои изящные туфли с тонкой подошвой.

— Что делать там вот в этой обувке? — спросил озадаченно.

— Да не волнуйся, жарко будет от схваток с фашистами. Не прохлаждаться же едем, — вставил молчавший до сих пор Жозеф Риссо.

Ничего или почти ничего не знали о России французские добровольцы. И в этом неведомом крылась заманчивость. Поскорее бы прибыть к месту, соприкоснуться с другим народом — все возбуждало, интриговало, рождало интерес к недалекому будущему.

Резкие перемены в жизни не все воспринимают одинаково. Такое открытие сделал для себя Пуликен, наблюдавший за своими подопечными па борту транспортного самолета. Один молчит, другой чрезмерно говорлив, тот загрустил, а этого потянуло к остроумию. Что чувствует, переживает каждый из них? Может, кто-либо уже подумывает: не лучше ли было остаться в знойной пустыне, чем страдать от невероятных морозов?

Интересно, кто размышляет о Франции? Жозеф окинул взглядом лица летчиков, посмотрел в их глаза. Все думают! Каждый вспоминает свой дом, свою улицу, свой город, родных, друзей и знакомых. Но никто не заговаривает об этом. Сентиментальность несвойственна французам. Он сокровенное носит в себе, прикрывает его шуткой, прибауткой, улыбкой.

— Мой майор, — оживляется вдруг Ив Бизьен, — скажите, если нас посадят в русской тайге, разрешите нам увольнение?

— Зачем? — уставился на него Пуликен.

— На медведей поохотиться.

— Для чего?

— Да оденем всех в медвежьи шкуры — никакой мороз тогда не страшен.

— Медведиц стрелять не будем — станем на танцы приглашать, — включился в разговор Раймон Дервиль. По самолету прокатилась волна смеха. Масла в огонь подлил Андре Познански:

— А из медвежат летчиков сделаем — вот страха на фашиста нагоним!

— Ты и займешься их тренировкой. Тринадцать летчиков — тринадцать медведей-дублеров. Меня и моего заместителя — как-никак тоже пилотов — ими не подменишь, все-таки командовать надо. А летать и стрелять научить можно, — в тон ему ответил Пуликен.

— Тринадцать — несчастливое число, — вслух подумал Андре.

— Да-да, поддержали его Бизьен и Дервиль.

— Тогда готовьте "двойника" и Тюляну. Командир шутил и знал, что он и его люди готовы в

такой ситуации болтать о чем угодно, лишь бы уйти от собственных гложущих мыслей.

— Под нами — Ирак. В Багдаде посадка, — объявил бортрадист.

— Кто желает катать бочки с вином, приготовиться! — шутливо распорядился Марсель Альбер.

Рассчитывали на отдых. Но пришлось пересаживаться сначала на поезд, затем — на автомобили, направляясь через Месопотамскую низменность в Тегеран.

Там французских добровольцев ждали два наших самолета. Русские экипажи этих машин были готовы к немедленному вылету.

Командир Ли-2, предоставленного для части летчиков, с которыми следовали командир и штабные офицеры, — о круглолицый, общительный майор — приветствовал французов, пожелал им счастливого прибытия на советскую землю.

Мишель Шик перевел.

— Мерси, мерси! — все удовлетворенно закивали.

— Куда держим курс? — перевел их вопрос Шик.

— В Баку.

— Летчики интересуются: за что у вас награды? — Мишель показал на грудь командира Ли-2, украшенную двумя орденами Красной Звезды.

— За шесть сбитых фашистов.

— Где?

— Три в Испании, три над Киевом.

— А почему сейчас на транспортном?

— По состоянию здоровья. После тяжелого ранения. Общее любопытство удовлетворено.

В том, что в Баку эскадрилья будет доставлена без осложнений, не сомневался никто: за штурвалом — настоящий мастер летного дела!

Французы в своей оценке не ошиблись. Только вышли к Каспийскому морю, на пути встала, казалось, непреодолимая для Ли-2 преграда: многослойные, густые облака. Попытка пробиться сквозь них вверх ничего не дала:

машина имела довольно небольшой потолок. Тогда кавалер двух орденов Красной Звезды бросил тихход вниз, к воде. 500, 400, 300, 200 метров — не видно ни зги. Командир переглянулся со штурманом: "Как быть?" "Вниз", - кивнул тот. Дальше высоту теряли медленно, отсчитывая каждый метр. Вот уже посветлело. Да, вышли под нижнюю кромку туч. Море бушует, стремительно перекачивает огромные пенящиеся валы.

Пулиken взглянул в иллюминатор — и ему стало не по себе. Случись что с моторами, спасения не найти. Возможен совершенно бесславный конец "Нормандии" в самом начале ее существования.

Жозефа успокоила только уверенность, с которой вел машину твердо по курсу круглолицый русский командир. Вскоре к ней пристроился и второй Ли-2, па время потерявшийся в облаках.

Так, на высоте 100 метров прошли весь остающийся до Баку путь. Самолет невероятно болтало, резко накреняло, вздымало вверх и бросало вниз. Захватывало дыхание. Кое у кого на лицах сквозь ливанский загар выступила бледность,

Баку — далекий от войны город. Почувствовать здесь ее дыхание французским летчикам было непросто. Люди чем-то похожи на тех, кого видели в странах Ближнего Востока, — смуглые лица, черный цвет волос.

Климат тут более-менее приемлем. Только временами давал знать о себе острый запах нефти.

— Азербайджанская нефть — это бензин, которым будут заправлять и ваши самолеты, — объяснил советский офицер, сопровождающий "нормандцев" в короткой прогулке по городу.

Некоторые авиамеханики немало удивились тому, что жители Баку разговаривают на азербайджанском языке. Они были убеждены: в Советском Союзе живут только русские. И их первым большим открытием на нашей земле явилось то, что СССР — многонациональное государство, состоящее из равноправных суверенных республик. А неведение это объяснялось просто: в буржуазной Франции от простых людей всячески скрывали правду о советской действительности.

Пулиken помнил напутствие де Голля, что следует избегать какого-либо идеологического подчинения или влияния. Поэтому, узнав о таких вопросах подчиненных, вначале насторожился, а потом, поразмыслив, сам попросил организовать для личного состава эскадрильи цикл бесед о стране, в небе которой предстоит не на жизнь, а на смерть сражаться с фашистами.

Пришло время покидать гостеприимный Баку.

И вот — прощальный обед. На столе стояло отменное азербайджанское вино, которое французы уже успели по достоинству оценить. Однако на этот раз предложили налить водки.

— За ваше здоровье и ваши победы в воздухе! — был провозглашен тост.

— Вива! — дружно ответили французы, поднесли к губам, но лишь пригубили крепкий напиток.

— Предлагаю всем выпить до дна, — произнес русский офицер. — Ли-два не отапливается. Дальше будет холодно.

Мишель Шик перевел слово в слово.

Пересиливая себя, французские добровольцы — кто в два-три приема, кто залпом — осушили стаканы.

Как только поднялись в воздух и взяли курс на Гурьев, на борту стало холодно. Кто-то пошутил; "Будто в холодильнике".

— Что бы ты делал сейчас со своими бочками вина? — обратился Ив Майе к Марселю Альберу.

— Я же говорил, что здесь нужны градусы покрепче, — напомнил свои слова Мишель Шик.

— Да, тут все должно быть покрепче, — резюмировал Жозеф Пуликен.

Пока тихоходные Ли-2 покрывали тысячные расстояния, в Москве спешно утрясали последние пункты статуса эскадрильи "Нормандия" на советско-германском фронте.

Прибывший в Москву теперь уже майор Мирле застал дела в довольно плачевном состоянии. Военная миссия генерала Пети действовала, как говорили сами французы, по принципу "стеклянного дома", то есть вела все переговоры с советской стороной совершенно открыто, без каких-либо проволочек. Но в Куйбышеве, где находилось посольство с дипломатами старой традиционной школы, делали ставку на обстановку секретности и разные протокольные ухищрения.

А возникающие вопросы требовалось решать незамедлительно. Где разместить "Нормандию"? Как наладить снабжение ее всем необходимым? Кому поручить переучивание французских летчиков? Наконец, какие истребители им дать?..

По поручению генерала Пети майор Мирле устанавливает тесный контакт с представителем советских ВВС полковником С. Т. Левандовичем.

— Давайте вместе засядем и составим подробный перечень того, что нужно для "Нормандии", — предложил Левандович.

Одна за одной утрясались проблемы. В конце концов четко обрисовалось ближайшее будущее эскадрильи.

Местом ее первоначального базирования определен город Иваново. Дадут ей самолеты Як-1. Переучиванием французов займутся инструкторы 6-й запасной авиационной бригады. Все снабжение — безвозмездное.

...После кратковременного отдыха французских летчиков в Гурьеве Ли-2 взяли курс на Иваново через Москву.

— Смотрите, — шумел Ноель Кастелен, неотрывно глядя в иллюминатор, — тут та же пустыня, только совершенно белая.

— Ровная, как бильярдный стол, — добавил Дидье Беген. — Растет ли здесь что-нибудь летом?

— А что, тут и лето бывает? — простодушно удивился Альбер Дюран.

Он очень мерз, и ему казалось, что холода никогда не кончатся. "К ним нужно привыкать, как к нелюбимой жене", — думал Дюран, хотя о женах, как почти все "нормандцы", имел смутное представление. В эскадрилью набирали в основном холостяков во избежание трагических последствий в оккупированной Франции.

...Каждый четверг генерал Пети направлялся на студию "Радио-Москва" для участия в передаче "Сражающаяся Франция"-в Советском Союзе". Диктор Люсетт Моро, обаятельная молодая женщина, зачитав различные сообщения, предоставляла слово главе французской военной миссии в Москве. Пети всякий раз обращался ко всем честным французам, напоминал им о призыве генерала де Голля, рассказывал о тех, кто уже сражается под его знаменами на разных фронтах.

Закончив выступление, он часто приглашал Люсетт к себе на Кропоткинскую, где в компании советского секретаря-переводчицы мадам Мисраки и двух молодых сержантов-бретонцев Анри Бурвео и Жана Венеса они проводили длинные зимние вечера.

Люсетт Моро приехала в СССР в 1931 году. Ее отец — высококвалифицированный механик — прибыл в нашу страну еще раньше для участия в строительстве заводов в Магнитогорске. Когда в Париже умерла жена, он предложил семнадцатилетней дочери перебраться в Россию.

Люси согласилась. Но отец не стал звать ее на Урал, а устроил у знакомых в Москве. Девушка сразу же взялась за изучение русского языка и вскоре сносно овладела им. Работать пошла в одно из московских конструкторских бюро. Там Люси познакомилась с советским инженером, вышла за него замуж. А потом один из друзей свел ее с сотрудником радиовещания на франкоязычные страны. Пробы прошли успешно — Люсетт стала диктором. С первых дней войны ей пришлось пережить трагедию — на фронте погиб муж. Вскоре умер отец.

Пети знал, как Люсетт в своем одиночестве тосковала по Франции, видел, с каким трепетным волнением воспринимала каждую весточку, все, что так или иначе касалось далекой родины. И всегда старался принести хоть самую маленькую новость, которая могла бы обрадовать ее,

На этот раз у него был для Люси такой сюрприз, от которого она просто пустится в пляс. Но не хотел сразу

открывать карты.

— Дорогая Люсетт, сегодня обязательно приходите к нам. Будете очень довольны.

— А что произойдет?

— Вы запомните этот вечер на всю жизнь.

— Ладно, мой генерал, не стану расспрашивать, но прошу разрешения захватить с собой подругу.

— А кто она?

— Жиж? Человек такой же судьбы, как и я. Недавно познакомилась с ней. Живет в "Метрополе".

— Чем занимается?

— Работает на швейной фабрике. Очень хорошо вышивает.

— Вышивает, говорите? — Генерала осенила какая-то мысль. — Хорошо, пригодится. Приходите вдвоем! — заключил твердо.

Это был сюрприз, действительно потрясший Люси: ей и Жиж генерал Пети со всей галантностью представил их соотечественников — военных летчиков в полной национальной форме. В первые минуты взволнованные женщины ничего не могли сообразить. Откуда здесь эти парни со столь звучными французскими именами: Марсель Альбер, Дидье Беген, Ив Бизьен, Ролан де ля Пуап, Ноэль Кастелен, Раймон Дервиль? Как попали сюда, какая судьба привела их в Москву? Что им предстоит?

"Нормандцы" в свою очередь, увидев столь милых французов, искренне недоумевали: откуда они здесь? Какие пути-дороги привели их в военную миссию?

Обоюдные вопросы очень быстро сами собой разъяснились. Люсетт и Жинетт плакали, не стесняясь слез. Они видели перед собой людей, не сложивших оружие, благодаря чему начнется возрождение их родной, любимой Франции.

Летчики тоже не скрывали восторга, открыто выражали его Люси и Жиж, благодарили судьбу за то, что отныне в России у них есть свой уютный очаг на Кропоткинской и что, вспоминая компанию столь милых, добрых существ, можно будет хоть немного отдохнуть от боев, отвлечься от фронтовых забот и тревог.

Люси и Жиж были горды и счастливы. Здесь, в Москве, они как бы олицетворяли для лучших сыновей Франции, вставших на борьбу за ее честь и независимость, свою далекую родину.

Впервые почти всю ночь в особняке на Кропоткинской не стихала музыка. После долгих мытарств по свету, утомительного перелета из африканского зноя в российскую стужу

летчики наслаждались уютом, мирной передышкой. Передышкой недолгой, миром почти призрачным. Но всем удалось отвлечься, вспомнить такие недавние предвоенные годы, друзей, которых неизвестно куда разбросали военные ветры.

Люси, Жижи, мадам Мисраки не знали ни секунды покоя — да разве откажешь, когда приглашают к танцу эти brave, элегантные кавалеры, каждый из которых считал бы себя обойденным, если бы ему не удалось вновь и вновь закружить по блестящему паркету столь очаровательных партнеров.

Только один из них одиноко сидел в углу на мягком стуле и с завистью следил за весельем своих товарищей.

Генерал Пети, заботившийся, чтобы никто не скучал, сказал на ухо Люси:

— Вот тот парень, Ив Бизьен, умирает от желания потанцевать с вами. Но очень застенчив. Помогите преодолеть эту слабость — на фронте у него не будет лучшего воспоминания.

Люси ускользнула от красавца Марселя Альбера, подошедшего к ней с явным намерением пригласить к танцу, и направилась в дальний угол.

— Ив, дорогой, сегодня надо веселиться.

Спокойно взяла за руку вконец оробевшего Бизьена и вывела в центр зала.

Танцевали танго "Говорите мне о любви". Его почему-то очень часто ставил Жан Тюлян. Вот он завел патефон, оглянулся, увидел, что Люси, Жижи и мадам Мисраки уже заняты, сел верхом на стул, положил руки на спинку, уперся в них подбородком, уставился взглядом в одну точку и слушает, слушает... Похоже было, что он весь предался безмерно дорогим воспоминаниям. Кончилась мелодия, Тюлян механически переставил патефонную головку на край пластинки, и снова зал наполнился томным напевом с воркующими французскими словами "говорите мне о любви..."

Это было на руку Бизьену. Он не выпускал Люсетт, водил и водил ее по кругу, без конца о чем-то болтал, млея от счастья столь близкого общения с девушкой.

— Ив, летчик не должен быть таким стеснительным, — мягким, грудным голосом говорила Люси.

— Перед красивыми девушками я всегда теряюсь, — откровенно ответил он.

— В таком случае вам достанется в жены самая красивая на свете.

— Почему?

— Потому что женщины легко угадывают тех, кто может по достоинству оценить их красоту.

— Почему же тогда вы не угадали?

— Ого! — удивилась Люси. — Вы стеснительны, но наблюдательны...

Жан Тюлян перевернул пластинку — полилась какая-то полуцыганская мелодия.

Минутной паузой воспользовался Альбер Литольф — стройный, корректный, сдержанный.

— Разрешите! — обратился он к Люси.

Откровенно говоря, ей хотелось еще поговорить с Бизьеном — какой женщине не нравится, когда предметом приятного разговора становится она сама? Но Литольф умел себя поставить так, что ему трудно было отказать. Бизьену оставалось только снова отправиться в свой угол. За ним пошел и Пуликен. Дружески положил ему руку на плечо:

— Не надо грустить, дорогой Ив, вернемся во Францию — все навестаем.

— Вы правы, мой майор. Только когда это будет?

— Будет, Ив, обязательно будет.

Тюлян отошел от патефона — кто-то завел новое танго. Танцы продолжались. Они помогали Пуликену открывать подчиненных ему людей с совершенно неожиданных сторон. Никому раньше не приходило в голову, что так стеснителен Бизьен, легко поддается грусти Тюлян, холодно-корректен Литольф, весел и любезен Дюран, галантно-учтив Прециози, горяч, энергичен Риссо, светски предупредителен де ля Пуап, шутлив, неназойлив Мишель Шик...

Время от времени музыка прерывалась, все подходили к столу и стоя произносили тосты. За свободную Францию, за успех миссии "нормандцев", за столь неожиданную теплую встречу в Москве.

Вот наступил очередной антракт в танцах. Марсель Лефевр поднял наполненный искрящимся шампанским бокал:

— Друзья! Мы покинули свою поруганную родину, чтобы вернуться к ней победителями. Другого пути у нас нет. Выпьем за победу!

— Франция проиграла сражение, но не проиграла войну, — добавил Пети.

— Браво, генерал! — воскликнул Марсель Альбер.

— Не мне браво, дорогой, это сказал де Голль, — уточнил Пети.

— Браво де Голлю! — воскликнули хором обступившие стол летчики и, подождав, пока женщины пригубят бокалы, дружно опрокинули свои.

— Кстати, — вдруг обратился ко всем Риссо, — а кто слышал призыв Шарля де Голля к французскому народу? О нем много говорят, а вот точный текст его почти никому из нас неизвестен.

Через несколько минут генерал Пети показал присутствующим листовку и объяснил:

— Это и есть призыв де Голля, с которым он обратился к французскому народу по лондонскому радио восемнадцатого июня тысяча девятьсот сорокового года. В виде листовок он был разбросан через несколько дней над Францией. Люсетт, будьте добры, прочтите.

Хорошо поставленным голосом диктора, четко выговаривая каждое слово, Люси начала читать:

"Военачальники, возглавлявшие в течение многих лет французскую армию, сформировали правительство. Ссылаясь на поражение наших армий, это правительство вступило в переговоры с противником, чтобы прекратить борьбу. Но разве сказано последнее слово? Разве нет больше надежды? Разве нанесено окончательное поражение? Нет! Франция проиграла сражение, но не проиграла войну. Франция не одинока! Она не одинока! Эта война не ограничивается лишь многострадальной территорией нашей страны. Исход этой войны не решается битвой за Францию. Это мировая война... И хотя мы сейчас подавлены механизированными силами, в будущем мы сможем одержать победу при помощи превосходящих механизированных сил... Я, генерал де Голль, находящийся в настоящее время в Лондоне, обращаюсь к французским офицерам и солдатам, которые находятся на британской территории, к инженерам и рабочим, к специалистам по производству вооружения... с призывом установить контакт со мной. Что бы ни произошло, пламя французского сопротивления не должно погаснуть и не погаснет... Перед лицом смятения умов, охватившего французов, перед фактом ликвидации правительства, ставшего прислужником врага, и ввиду невозможности восстановить действие наших институтов я, генерал де Голль, французский солдат и командир, с полным сознанием долга говорю от имени Франции.

От имени Франции я твердо заявляю следующее:

абсолютным долгом всех французов, которые еще могут носить оружие, является продолжение сопротивления.

Солдаты Франции, где бы вы ни находились, поднимайтесь па борьбу!"

Люси закончила чтение. Никто не нарушал установившуюся тишину, глубоко осмысливая впервые услышанные слова призыва, исходящего от человека, решительно взявшего в свои руки национальное знамя поруганной Франции.

— Да здравствует де Голль, да здравствует Франция! — воскликнул Тюлян, преисполненный возвышенными патриотическими чувствами. — Мы, солдаты отчизны, поднимаемся на борьбу!

— Смерть Гитлеру и Петену! — добавил Дюран.

— Не Петен — пютен, — поправил Дюрай, изменив всего лишь один звук, отчего получилось французское слово "шлюха".

— Да. Только такого имени он и заслуживает, — согласился генерал Пети. — Завел нашу родину в тупик... А ведь де Голль ему весьма обязан за пророчество. Еще в 1926 году, представляя капитана де Голля слушателям Высшей военной школы, Петен, уже маршал, сказал: "Слушайте его внимательно, ибо настанет день, когда признательная Франция обратится к нему". Тогда в честь Петена де Голль назвал своего сына Филиппом.

— Вот что судьба делает с людьми! — удивился де ля Пуап.

— При чем тут судьба? — вмешался молчавший до сих пор Пуликен. — Человек сам строит свою судьбу. Вот мы с вами сейчас в Москве. А другие служат вишистам. Каждый избирает собственный путь.

— Разве обстоятельства в расчет не берутся? — спросил Прециози.

— Никакими обстоятельствами нельзя оправдать предательство! — вспыхнул обычно сдержанный командир эскадрильи. — Коль так, позволю себе зачитать еще один документ.

Он извлек из бокового кармана куртки толстый бумажник, порылся в нем и достал в несколько раз сложенную, потертую на сгибах газетную вырезку:

— Вот! Из "Пари-суар". Люси, прочтите, пожалуйста, и это.

Люсетт осторожно взяла листик, развернула с какой-то робостью, будто ожидая подвоха, стала читать:

— "С болью в сердце я говорю вам сегодня о том, что надо прекратить борьбу. Сегодня ночью я обратился к противнику для того, чтобы спросить его: готов ли он искать вместе со мною как солдат с солдатом после борьбы средства, сохраняя честь, положить конец военным действиям".

— Чьи это слова?! — раздалось несколько голосов.

— Это слова Петена, это язык гнусного предателя, — жестко ответил Пети. — Я согласен с Пуликеном: право выбора всегда остается за нами. Вы знаете, как непросто было вырваться де Голлю из Франции?

— Да нет, это нам неизвестно, — ответил за всех Пуликен.

— Петен установил за де Голлем тщательную слежку. Окруженный агентами, генерал шагу сделать не мог. Выручил английский генерал Спирс, оставленный Черчиллем в Париже для связи. Он улетал в Лондон. Де Голль провожал его. У самолета распрощались. И тут внезапно распахнулась бортовая дверь, несколько пар рук схватили де Голля и втащили в самолет, не дав опомниться его "охранникам". Так что, кто верен родине, тот найдет возможность ей служить, не то что этот пютен... Согласен с Пуликеном: право выбора всегда остается за нами. Петен выбрал путь предательства. Не думал, что еще когда-нибудь услышу его омерзительное изречение!

— Извините, мой генерал, я сохранил вырезку как обвинение. Придет же время предъявлять счет предателям. А я ведь газетчик...

— Молодец, Жозеф! В таком случае дарю тебе листовку с призывом де Голля.

— Это самый щедрый подарок из тех, которые мне довелось принимать. Благодарю, мой генерал!

Тексты обращений двух французских генералов легли рядом в толстом бумажнике Пуликена.

— Вот вам и судьба! — попытался сострить Дюран. — Снова оказались вместе.

Шутка была явно неудачной.

Все сделали вид, что не расслышали ее.

Прием подходил к концу. Опустошив бутылки, прокрутив все пластинки, французские летчики поочередно танцевали с дамами под аккомпанемент любимой песни:

О, Париж, мой Париж, Ты в синеве ночной Огнями яркими горишь. Париж, Париж, Всегда со мной, Везде со мной, Люблю тебя, Париж!

Всем хотелось, чтобы вечер этот никогда не кончался. Но перевалило за полночь. А ранним утром — вылет в Иваново. Не представилось возможности "нормандцам" побродить по Москве. Только сверху, в иллюминаторы, видели они Красную площадь, Кремль,

Мавзолей Ленина. Сожаление о столь кратком пребывании в столице СССР выразил Пуликен, когда благодарил генерала за чудесный приём.

— Надеемся, — сказал он, — что еще не раз побываем у вас на Кропоткинской и вы покажете нам Москву.

Генерал Эрнест Пети заверил майора Пуликена, что так и будет, пожелал всем успешно подготовиться к боевым действиям, проявить на русском фронте крепость французского духа.

— Не забудьте оставить адреса для наших милых дам, — добавил он. — Они многое могут сделать для вас. Для начала хотя бы вышить золотом нарукавные нашивки "Нормандия". Чтобы при вынужденной посадке русские люди могли определить вашу принадлежность к эскадрилье "Нормандия".

Раздались одобрителльные возгласы. Все снова сгрудились вокруг Люсетт, Жинетт и мадам Мисраки.

— Не волнуйтесь, — успокоила летчиков Люси, — все получите золотые нашивки. Пишите нам, делайте заказы, мы с Жижи всю Москву оббегаем, но достанем все, что потребуется.

Бизьен одиноко стоял в сторонке. Люси подошла к нему, ласково посмотрела в глаза:

— Вам, милый Ив, я вышлю нашивку первому.

Бизьен зарделся от нахлынувшей волны благодарности.

Утром грузились в те же неотапливаемые тихоходы Ли-2. На аэродром подъехал Мирле. Был он не в лучшем расположении духа. В Лондоне, из которого майор только что вернулся, дали согласие на вооружение "Нормандии" советскими истребителями. А представитель американского посольства в Москве адмирал Стенли недвусмысленно дал понять, что это решение является большой ошибкой. Мол, Британия поставляет в СССР "харрикейны", а Соединенные Штаты — "Белл Р-38". Стенли и его сторонники из английского посольства были взбешены, когда Мирле открыто заявил, что в настоящий момент лучших истребителей, чем "яки", нет ни у американцев, ни у англичан, ни у немцев, а французы должны воевать именно на лучших самолетах.

Обо всем этом Мирле доложил генералу Пети, рассказал майору Пуликену, который, как и все летчики "Нормандии", жаждал получить русские боевые машины.

— Как теперь все обернется? — беспокоился Мирле.

— Конечно, союзные посольства будут гнуть свою линию — престижа авиации их государств. Однако последнее слово за нами, французами. Думаю, все будет по-нашему, — сказал Пети.

— Я тоже уверен в этом, — поддержал генерала Мирле. — Придется побороться. Хорошо, что в советских ВВС мы имеем надежного друга полковника Левандовича. Он и другие поддержат нас.

На том и расстались. Ли-2 взяли курс на Иваново. Полет в неизвестность продолжался. Но он уже не холодил, как прежде, французские сердца. Потому что позади были гостеприимный Баку, приветливая Москва с военной миссией, генералом Пети, майором Мирле, очаровательными француженками. Постепенно неизвестность становилась все менее загадочной и тревожной.

Ли-2 ушли, а генерал Пети и майор Мирле еще долго вдыхали бодрящий морозный воздух подмосковного аэродрома, обсуждая далеко не простую проблему: как помочь "нормандцам" утвердиться на советской земле, создать вокруг них атмосферу симпатии и доброжелательства, дать почувствовать им внимание и заботу со стороны русских.

— Мой генерал, — обратился после долгого раздумья Мирле. — Я вспомнил сейчас один очень важный для нас момент из своей жизни: задолго до войны в эльзасской школе мне довелось некоторое время учиться вместе с дочерью советского писателя Ильи Эренбурга, жившего тогда в Париже. Разрешите воспользоваться этим обстоятельством, обратиться к Эренбургу.

— И что будет?

— Он — человек высочайшей культуры — до тончайших нюансов владеет нашим языком. Надо организовать его встречу с летчиками "Нормандии", а остальное сделает его золотое перо.

Генерал Пети знал об исключительной популярности писателя Эренбурга. Знал, что к нему питал ненависть сам Гитлер за его публицистические разоблачительные статьи в печати. Но он помнил указание де Голля: избегать идеологического подчинения. И это были не просто слова. Ведь приставка "де" — свидетельство дворянского происхождения. А всем известно, что под ледяной маской невозмутимости Шарля де Голля скрывается характер крайней полюсности — от стоической уравновешенности до нервной несдержанности. Можно предположить его примерную реакцию в зависимости от того, что напишет Эренбург. А что он напишет — не предугадаешь.

Мирле понял колебания генерала.

— В Лондоне в наших кругах высоко ценят Эренбурга, — принялся рассеивать сомнения генерала. — Он искренне любит Францию и, кроме пользы, ничего иного нам не принесет.

— Ну, хорошо, — согласился генерал, — нащупывайте дорожку к писателю, а там видно будет...

Пока Ли-2 находились в полете, пока Пети и Мирле вели разговоры, Люсетт и Жинетт объезжали московские магазины в поисках парчовых ниток для нарукавных нашивок "Нормандия".

БОЛЬШОЕ РУССКОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Всякому путешествию приходит конец. Наше тоже завершилось. Ви-ва! — провозгласил лейтенант де Панж, начальник штаба эскадрильи. Он тут же энергично открыл бортовую дверцу, решительно спрыгнул на аэродром, но испуганно забарахтался, оказавшись по пояс в снегу.

— Путешествие закончилось, а большое русское приключение начинается! — закричал Ролан де ля Пуап. Подобрал ноги, он "бомбочкой" выбросился из самолета — и "утонул" в сугробе с головой.

Вслед за ним посыпались остальные добровольцы. В один миг у самолета с прорытой узкой полоской для рулежки снежный покров превратился в сплошное бело-синее месиво, из которого во все стороны разлетались многочисленные снежки.

Французы еще были под впечатлением вчерашнего приема и не замечали того, что по логике вещей должно было привести в уныние: мороз — под сорок, сугробы — почти в человеческий рост. Ничего подобного прибывшие не знали и не видели, а ведь всякому известно: чего не испытал, то не обязательно настораживает, бывает наоборот — успокаивает, притупляет внимание.

Заморские гости лишь тогда опомнились, когда перед ними возник рослый, широкоплечий, стройный, подтянутый советский офицер. Он был весь в меху: унты, летная куртка, утепленные шлемофон и перчатки.

В такой форме одежды французы увидели летчика впервые. Взглянули на него, осмотрелись и сразу же почувствовали себя как бы голыми среди бескрайней снежной пустыни. Ну что значили для трескучего мороза, которого не выдерживал металл, их легонькие костюмы "а ля Африка", модные на тонкой подошве туфли, щегольские с трехцветными околышами фуражки?!

Всего несколько минут длилась веселая катавасия на снегу, но их было предостаточно, чтобы начисто вышибло остатки хмеля, крепко прихватило морозом руки, ноги, носы, уши, неимоверная дрожь пронизала до самой селезенки. '

Майор Пуликен попытался по всем воинским правилам доложить о прибытии эскадрильи "Нормандия" к месту назначения, но у него зуб на зуб не попадал, слова застывали прямо на губах. Видя это, наш офицер мягко улыбнулся, крепко обнял французского командира, затем жестом гостеприимного хозяина пригласил всех: мол, милости прошу следовать за мной.

О, русская зима! Наслышаны о ней все народы земли, а иные предки "нормандцев" даже испытали на себе ее суровый характер. Но что бы ни говорили о ней, все равно не поймешь ее, пока не почувствуешь на себе.

"Три мушкетера" Альбер, Лефевр и Дюран — первые весельчаки и заводилы — вдруг как бы окаменели. Ни слова, ни улыбки, ни выходки какой-нибудь. Дрожат осиновыми листиками на ветру, еле-еле переставляют ноги. Выступающие слезы тут же ледяными бисеринками повисают на веках.

Слово "казарма" само по себе не вызывает приятных эмоций. Однако для французов здание, обозначающее это понятие, показалось истинным раем. Как увидели они ряды аккуратно заправленных коек да почувствовали, что начинают отогреваться, — большего счастья им, казалось, не нужно было. И опять посыпались шутки. Вот уже подал голос Ив Бизьен:

— Люси! Забери меня обратно!

— Посмотрите на него, — отозвался Марсель Альбер, — в сосульку превратился, а просится не к маме, а к Люси.

— Мозги-то у него не замерзли, соображают, — уточнил Литольф.

По казарме прокатился смешок.

— Мозги, конечно, не замерзли, а левое ухо Иву прихватило, — заволновался врач Жорж Лебединский, который незаметно обошел почти всех добровольцев, проверяя, нет ли у кого признаков обморожения.

Бизьен схватился за совершенно бесчувственное ухо;

— Что же делать, Жорж? Оно отвалится!

— Да ничего страшного, — вмешался приведший их офицер. — Принесите поскорее снега. Лебединский бросился к выходу, а Бизьен, выпучив глаза, испуганно заорал:

— Зачем снег?! Зачем снег? Грелка, нужна грелка!

— Что он говорит? — недоуменно поднял брови офицер.

— Не понимает, зачем снег нужен. Требуется грелку, — объяснил Шик.

— Вы говорите по-русски?

— Да, я — переводчик. Тогда скажите, что именно снегом мы спасем ему ухо.

Шик, хоть и родился в России, подобных тонкостей не знал. Успокаивая Бизьена, внушал ему:

— Все будет хорошо. Положат на ухо снежный компресс — оно и отойдет.

— Шик, в своем ли ты уме? — недоуменно переспросил Ив.

Вернулся Лебединский с большим снежным комом в руках, протянул его нашему офицеру.

Тот с улыбкой взял пригоршню снега, подошел к оторопевшему Бизьену и стал сильно растирать ему ухо. Ив кривился, корчился, ворочал во все стороны ничего не понимающими глазами, на скулах напряженно ходили желваки. Но терпеливо ждал окончания странной процедуры.

— Все! — удовлетворенно сказал окружившим его французам новоиспеченный лекарь. — Ухо в целости и сохранности.

И все увидели, что оно действительно налилось кровью, на глазах приобретая нормальный цвет.

— Вот теперь можешь проситься к Люси, — резюмировал Литольф. — А то отыскался тут... Пьер Безухов.

Казарма наполнилась смехом.

"Ну что ж, кажется, гости отогрелись, отошли, можно знакомиться ближе", — решил наш офицер.

— Я — капитан Друзенков, Павел Иванович, — сказал громко, чтобы все слышали. — Инспектор авиабригады по технике пилотирования. Буду учить вас летать на советских истребителях.

Эти слова возымели магическое действие. Все обступили Друзенкова, засыпали его вопросами, главным из которых был: "Когда же мы приступим к полетам?"

— Сначала изучим самолет, инструкции, наставления...

— Какой самолет?

— Какой выберете, облюбуете.

— Нам предоставят это право?

— Уже предоставили.

— Так пошли выбирать! — завелся Бизьен.

— А как же Люси?

— При чем тут она?

— Хотите еще и нос отморозить?

Ив снова, под общее веселье, испуганно ухватился за ухо. Спросил озадаченно:

— Так что же мы, пока не спадет мороз, из казармы на свет божий не вылезем?

— Вылезем, вылезем, только сначала оденем вас как следует. А сейчас — отдых.

Осваивайтесь, устраивайтесь, располагайтесь. На ужин вас пригласят.

Друзенков ушел, а французы, успевшие проголодаться, дали волю воображению.

— Нам подадут красное вино, сыр, луковый суп, крокет из сельдерея, — глотая слюнки, объявил Ролан де ля Пуап.

— Еще моллюски в рыбном соусе, — добавил Дервиль.

— А вместо чая — настой из мяты или ромашки. Любимый напиток маркизов, — съязвил Бизьен, намекая на происхождение Пуапа.

Тот собирался отразить этот выпад, но раздался спокойный, рассудительный голос Тюляна:

— Урезоньтесь, ребята, вы, вероятно, забыли нашу пословицу: кто рассчитывает на чужую похлебку, рискует остаться со своим хорошим аппетитом.

Он как в воду глядел.

На ужин не было подано ни французских, ни русских разносолов. По несколько ложек гречневой каши-размазни да по одной тощей котлетке. Ограниченно — серый хлеб, неограниченно — чай.

Французы не знают обеда без вина и сыра. Обедают они поздно, после рабочего дня. Этих привычек "нормандцы" придерживались вплоть до самой Москвы. А теперь надо отказаться от них, жить и питаться, как русские.

Ужин проходил скучно. Даже неистощимые шутники — "три мушкетера" приуныли. Главная беда — каша. Во французской кухне она вообще не значит. Не варят и не едят французы ее. Овощи-это да! Но откуда им взяться здесь?

— Знали бы, прихватили бы с собой в Раяке бананов и апельсинов, — процедил сквозь зубы Дервиль, жуя постную котлету.

— Конечно, была бы закуска к тем бочкам вина, которые кое-кто намеревался взять, — в тон ему ответил Беген Дидье.

Прециози, наблюдая, с какой миной ест котлету Дервиль, подлил масла в огонь:

— При слове "котлета" французы представляют себе отличный, в меру жирный кусочек баранины, хорошенько прожаренный с обеих сторон и поданный с жареным картофелем.

Андре даже поперхнулся от воспоминаний.

— Друзья, немного фантазии, и мы такой пир закатим, что всем чертям будет тошно, — внес разрядку Ив Майе. — Разливайте по кружкам чай — это вино, ломтики хлеба — бананы. Пьем, закусываем, танцуем и поем!

Француз быстро зажигается. Кружки с чаем тут же взлетели и сомкнулись над столом, стены казармы впервые услышали веселую песню:

О, Париж, мой Париж,

Ты в синеве ночной

Огнями яркими горишь...

Прихлебывая горячий чай, летчики, авиаспециалисты начали пританцовывать вокруг длинного стола. Все их уныние как рукой сняло. Можно было подумать, что они снова попали в родную стихию, что впереди ждет их не война, а полная веселых приключений жизнь.

— Ну вот, вы уже совсем освоились, — раздался звонкий голос Друзенкова. — С таким настроением можно хоть завтра в бой.

Окинул взглядом стол, и ему стало не по себе: к каше никто не притронулся.

Почувствовал себя так, словно именно он был виноват в том, что французов не угостили деликатесами.

На выручку пришли "мушкетеры":

— Не тревожьтесь, мы еще питаемся воспоминаниями, — сказал Альбер Дюран.

— Управимся с ними, возьмемся за русскую кашу, — добавил Марсель Лефевр.

— И увидите, что тогда у вас крупы не хватит, — подытожил Марсель Альбер.

— Воистину французы сохраняют склонность к шутке при любых обстоятельствах, — резюмировал майор Пуликен. — И это помогает им выживать. Генерал Пети рассказал мне, как боши хотели задобрить парижан: привезли из Австрии и торжественно погребли во Дворце инвалидов прах сына Наполеона — герцога Рейхштадтского. И тогда по голодному Парижу сразу же полетела из уст в уста острота; "Мы ждали мяса, а нам привезли костей".

Даже сдержанный Друзенков не утерпел, расхохотался со всеми. "Ну и французы, веселый народ!" — подумал он, а вслух сказал:

— Теперь можете и обо мне сказать: мы ждали мяса, а он привез нам меха.

— Что, уже можно переодеваться? — спросил Пуликен.

— Да, вас ожидает каптенармус Катя Иванова, у которой подберете, себе утепленную одежду.

— А она ничего? — полюбопытствовал лейтенант Дервиль.

— Одежда? Высшего качества.

— Нет-нет, Катя Иванова?

— Ах, сержант... Сами увидите. В каптерку надо было идти по узкому полутемному коридору, которым отделялась спальная часть казармы от служебной.

Дервиль — обладатель горячего сердца — очень хотел быть первым в очереди на получение зимнего русского обмундирования. И это ему удалось. Взглянув на сержанта Катю — круглолицую, белокурую, с озорными светло-голубыми глазами, — он щегольски щелкнул каблуками, взял под козырек, представился.

Иванова улыбнулась, сверкнув ровными бело-мраморными зубами. Увидев, что за Дервилем уже толпятся такие же галантно-учтивые французские парни, она скороговоркой, по-волжски окая, затараторила:

— Товарищи-господа, прошу соблюдать дисциплину, в порядке живой очереди получать, примерять, подбирать обувь, одежду да побыстрей поворачиваться, время уже позднее, — она бросила на Дервиля пристальный взгляд, привычно определяя, какой размер обмундирования ему подойдет, — время уже позднее, пора ужинать, пойдем кушать.

Где-то замешкался переводчик Шик, летчики ничего не поняли из сказанного Катей, но Дервиль уловил слово "кушать".

— Кушетт? — переспросил он.

— Кушать, кушать, — улыбочиво ответила Иванова и сунула ему охапку вещей — унты, меховые брюки, куртку, шапку, перчатки. '

Дервиль сразу оживился. — Кушетт, кушетт, кушетт! — нараспев повторял про себя Дервиль, по очереди натягивая на себя унты, куртку, шапку.

Он понял, что ему все подходит в аккурат. Видела это и Катя. И она немало удивлялась тому, что лейтенант без конца просил дать ему обмундирование то на размер больше, то на размер меньше, отложив нужное в сторонку. Дервиль, занимаясь примеркой, явно ожидал, пока пройдет вся очередь.

А его товарищи, получив вещи, как сговорились, рассыпались перед каптенармусом бесконечными комплиментами, что бесило Дервиля.

— Что-то вы начали заговариваться, проходите быстрее! — не выдержал он.

— А ты чего прикипел к этому месту? — спросил Прециози.

— Не видишь, у меня фигура нестандартная, нужен особый размер одежды.

— Выбирать наедине с Катей, что ли?

— А это уж как богу будет угодно.

— Душе твоей, поди-ка, угодно?..

Иванова ничего не понимала из перепалки, но чувствовала, что речь идет о ней. "И что этот долговязый вбил себе в голову?" — подумала о Дервиле.

Наконец, летчики, взяв полученное имущество, ушли в казарму. Оставался только Дервиль, делая вид, что не может застегнуть пуговицу на куртке.

Катя надела ватник, захлопнула дверь каптерки, закрыла ее на замок.

— Ухожу кушать, — сказала на ходу и направилась к выходу.

— Кушетт, кушетт — хорошо, Катя! — вслед за ней кинулся Дервиль, взвалив на себя все свои вещи.

Девушка, обутая в валенки, бодро шагала по снежному насту, раскраснелась-разрумянилась на крепком морозе, а Дервиль семенил за ней в тонких лакированных

туфельках, грея себя тайной надеждой, что за все страдания последнего дня будет вознагражден девичьей лаской, любовью. Ведь по-французски "кушетт" — кровать. А если двое не знают языка друг друга, порой достаточно одного слова, чтобы объясниться. Так думал Дервиль, имевший опыт общения с женщинами во Франции и ближневосточных странах.

Как носильщик, с огромным узлом за спиной, он проследовал за Катей в какой-то переулок на окраине города. У черной покосившейся калитки Иванова остановилась, поблагодарила Дервиля за то, что проводил ее, и сказала, сопровождая слова весьма выразительным жестом: "Беги ужинать, кушать".

Дервиль, казалось, так и сел в снег с раскрытым от разочарования ртом. Только теперь до него дошло, что "кушать" по-русски означает "есть". Только теперь стала ясна безнадёжность его возжеланных мечтаний.

Всякого он успел повидать, скитаясь по белу свету, но, чтобы попасть впросак с русским сержантом Катей, такое не могло и присниться. "В казарму теперь хоть не иди — засмеют!" — зло подумал. И действительно, не успел переступить порог и сбросить ношу, как под общий хохот раздался громкий голос Прециози:

— Возвращение блудного сына, то бишь Наполеона, после поражения в России...

Казарма имела центральное отопление, однако температура выше двенадцати-тринадцати градусов в ней не поднималась, потому что в топку котелен бросали не уголь, а дрова. Уже с первого подъема "нормандцы" поняли, что самым тяжелым в их новой жизни будет пробуждение. После теплой Франции и жаркой Африки вылезать из-под одеял в холодной казарме, казалось, было выше их сил. Особенно страдал маркиз Ролан де ля Пуап, баловень жизни. Но надо отдать должное: именно он нашел в себе мужество первым выскользнуть из-под двух солдатских одеял, размяться и загреметь умывальником в туалетной комнате.

За ним потянулись остальные. Что же касается майора Пуликена, лейтенанта де Панжа, Стаковича, Шика и Лебединского, то можно было подумать, что они вовсе не ложились спать: в командирской комнате, обложившись инструкциями, методическими пособиями, словарями, усердно занимались переводом летно-технической документации с русского на французский. Им помогал Друзенков. Дело мало-помалу двигалось, благо в авиационной терминологии много слов французского происхождения или же просто ставших интернациональными: фюзеляж, лонжерон, мотор, капот, шасси, киль, элерон, пропеллер, бензин... Перво-наперво переводили самые необходимые главы из наставления по производству полетов. Общие теоретические занятия было трудно проводить лишь с помощью Стаковича и Шика. Правда, некоторую документацию обещал генерал Пети. Вскоре он сдержал слово и переслал на французском языке описание штурмовика Ил-2. Но о нем никто в эскадрилье и слышать не хотел: все мечтали о штурвале истребителя.

Друзенков направился к командиру авиабригады:

— Мы управимся с переводами в кратчайший срок, но нам нужно точно знать, что именно переводить.

— Как это понимать?

— Дайте возможность французам выбрать себе самолет, на котором они захотят летать. Тогда будем знать, какая потребуется специальная литература.

— Дельное предложение. Завтра же устроим нашим гостям выставку всей имеющейся у нас техники. Смотрины, так сказать.

Когда Друзенков сообщил об этом "нормандцам", они обрадованно, как дети, бросились в пляс, начали петь.

Их можно было понять: боевой самолет — единственное, чем могли они утешиться в данной ситуации.

Утром французские летчики и механики, одетые в добротное зимнее обмундирование, с замирающими от волнения сердцами проследовали на аэродром. Их взорам предстали три советских истребителя Як-1.

— Советское правительство готово предоставить вам "харрикейны", "спитфайры", Як-1. Какой самолет выберете, такими и будет вооружена эскадрилья, — сказал Друзенков.

— Выбор большой, — ответил Пуликен. — Вот только о "яке" мало знаем, хотя внешне — красавец.

Шик, переводя его слова, вперил взгляд в Як-1. Все знали, что он учился на пилота, понимал толк в авиационной технике, к тому же обладал утонченным чувством гармонии.

"Неспроста он уставился на эту машину", — подумал Жозеф и пошел к "яку". Самолет, действительно, отличался совершенством форм, четкостью, изяществом линий. Именно этим он привлек к себе внимание всех членов эскадрильи. Почтительность ко всему красивому — национальная черта французов. Естественно, в таком серьезном деле, как выбор боевого самолета, она не могла не сказаться.

— Уж если выбирать, — бросил на ходу Дервиль, — то как женщину: самую лучшую.

— Ты здесь уже одну выбрал, только полеты не состоялись, — кольнул его Литольф.

— Не та была погода, — попробовал отшутиться Раймон.

— Конечно, не та: слишком морозная...

— Ладно, хватит перепалок, — вмешался Пуликен, — давайте серьезно решать, на каком самолете остановимся.

— По внешнему виду самый привлекательный "як", — сказал Ролан де ля Пуап. — Но надо, как говорится, посмотреть коню в зубы да испытать его на ходу.

Маркиз де ля Пуап еще в далекой Франции увлекался конным спортом, был неплохим наездником. С той поры много воды утекло, а привычка "смотреть коню в зубы" осталась.

Что касается этих самых "зубов", то сравнивать было с чем.

Русские техники самолетов через переводчика объяснили: Як-1 — смешанной конструкции — имеет вес 2660 килограммов, скорость — 580 километров в час. Эти данные лучше, чем у "Харрикейна" и "Спитфайра". В воздушном бою чем машина легче, тем маневреннее, больше боеприпасов можно взять на борт. А если еще и скорость приличная, тогда о чем говорить — другого самолета не надо. Французы жаждали драться, а не просто утюжить воздух. И по тактико-техническим данным их больше устраивал Як-1.

На том и порешили.

— Когда же испробуем его в воздухе? — спросил Литольф.

— Всему свое время, — урезонил Пуликен.

Он понимал и разделял настроение своего подчиненного — одного из лучших летчиков французских ВВС, человека, чьим кредо было "ничего не отдано, если не отдано все". Литольф на "харрикейнах" сражался в Греции с "юнкерсами", участвовал в боях против Роммеля в Ливии, имел на своем счету десять воздушных побед, был ранен в руку. Он давненько уже не видел в перекрестии прицела немецкий самолет, и ему явно не по душе была эта тянучка, которая закончится неизвестно когда.

— Всему свое время, Альбер, — повторил Пуликен, мысленно прикидывая, сколь многое ему предстоит еще организовать, проделать.

Пока что более-менее решены вопросы устройства, обмундирования, питания людей. Уже есть на французском языке наставления, инструкции. Теперь надо срочно перевести все пособия по Як-1, наладить обучение техников, механиков и летчиков, приступить к тренировочным полетам на УТ-2.

Работы через край. Утешало лишь то, что есть надежные помощники — де Панж, Лебединский, Шик, Стакович, есть и летчики, на которых можно опереться. Это Литольф, "три мушкетера" — Альбер, Дюран, Лефевр. Из этой троицы особенно отличился Альбер, успевший проделать путь от ученика подмастерья на заводе Рено до настоящего воздушного аса. Летному делу учился за свой счет, выкраивая необходимые суммы из небольшого заработка. Стеснительный, без причин краснеющий, он обладал незаурядной волей, завидным упорством, большой настойчивостью.

Особую ставку делал Пуликен на майора Жана Тюляна — летчика божьей милостью. Он вырос в семье авиаторов — отец и два родных дяди летали еще в первую мировую войну. Жан закончил популярное в ту пору во Франции училище в Сен-Сире, в котором, кстати, учился и де Голль. Затем прошел полный курс летной школы в Версале. Его отличали превосходная военная выправка, четкость, собранность, аккуратность; он как бы представлял собой образец строевого офицера. Это обстоятельство, опыт боев в Ливии, отличные летные характеристики послужили основанием для того, чтобы Пуликен выбрал его в качестве своего заместителя.

Тюлян, Литольф, Лефевр, Альбер, Дюран, де ля Пуап — ядро группы. Этих ребят не нужно убеждать в мнимости хваленного превосходства фашистских воздушных разбойников, их не запугать "мессерами" и "фокке-вульфами". Они и в строй войдут, и приступят к боевым действиям быстрее других.

...4 декабря 1942 года из штаба 6-й запасной авиабригады пришла радостная для всех весть: в Москве подписан приказ о включении эскадрильи "Нормандия" в состав Советских Военно-Воздушных Сил.

— По этому поводу, — возбужденно произнес де ля Пуап, — не помешали бы чашечка консьоме, пулярка и бутылка шабли.

Марсель Альбер, выросший в парижских предместьях, был далек от изысканных вкусов маркиза; не поняв, о чем идет речь, вопросительно взглянул на де ля Пуапа.

Того выручил друг Дюран:

— В данном случае это означает ничто иное, как скорее пополучить консоли, солярку для обогрева машин на аэродроме и крепкие шасси.

Такая неожиданная интерпретация слов Ролана не могла не рассмешить всех. Француз без шуток, что рыбак без рыбы.

До этого дня как французы ни бодрились, как ни изощрялись в шутках, все же чувствовали себя неуверенно. Иное дело сейчас, когда их пребывание узаконено государственным актом, позволяющим осознать себя личностью, наделенной всеми необходимыми обязанностями и правами. До сего дня "нормандцы" представлялись себе потерянными песчинками, заброшенными бурей войны в бескрайние заснеженные просторы России. Отныне они — в составе ВВС Красной Армии! Отныне каждая минута их жизни сопряжена с жизнью всего советского народа, ведущего титаническую борьбу с ненавистным фашизмом!

Все добровольцы "Нормандии" — истинные патриоты Франции — тосковали по родине, даже во сне видели ее, поруганную, израненную, с жадностью ловили каждую скудную и малоутешительную весточку о родных краях. Но теперь, с вступлением в строи вооруженных бойцов, их грустное, меланхолическое настроение сменилось оптимистическим: жди нас, любимая родина, мы принесем тебе свободу на крыльях с красными звездами и трехцветными — национальными — коками винтов!

Все они, пятнадцать летчиков, первые посланцы французского движения Сопротивления в Советском Союзе, мечтали о победном возвращении домой. К большому сожалению, выживут и вернутся только трое...

В круговороте занятий веселее побежали дни. Из штаба авиабригады приехали разные специалисты. Сначала в плохо отапливаемых классах, затем прямо на аэродроме стали учить "нормандцев" всему, что знали и умели сами. Языковой барьер преодолевался не только с помощью переводчиков, но и понятными всем авиаторам мира выразительными жестами. А поскольку для летчика и механика, хорошо знающих хотя бы один тип самолета, не составляет особого труда освоить другой — ведь в принципе все, за исключением конструкции узлов, деталей и агрегатов, одинаково, — то переучивание пошло полным ходом,

Лейтенант Жан де Панж еле управлялся с составлением расписаний и учетом успеваемости. Должность начальника штаба его не совсем устраивала, поэтому просил о

переводе в летную группу в качестве пилота связной машины. Но такого самолета пока не было.

Лейтенант де Панж досадовал: всю жизнь не удавалось прочно захватить в руки штурвал. В девятнадцать лет ему, как и Марселю Альберу, дала путевку в небо единственная в то время во Франции женщина-инструктор Ивон Журжон. Но когда его призвали на службу в военно-воздушные силы, на гражданский значок пилота никто не обратил внимания. Набирали курсантов в школу штурманов. Он и подал заявление, не зная того, что штурман может потом учиться чему угодно — игре на скрипке, цветоводству, слесарному делу, — но никогда не сможет одного: стать пилотом. Так уже укоренилось в мировой авиационной практике. Когда де Панж раскусил эту жестокую истину, было поздно: стал офицером-штурманом. В этом качестве он участвовал в боях против гитлеровцев в составе бомбардировочной группы № 1 "Лотарингия", практически побывал на всех аэродромах ВВС "Сражающаяся Франция" в Африке.

Наверное, не видать бы ему "Нормандии", не случись встретиться со старым другом Альбером Мирле. Как-то за ужином последний рассказал об отправке в Россию группы французских летчиков-истребителей.

Эту новость де Панж пропустил мимо ушей: его, штурмана, она не касалась и, естественно, не могла взволновать.

Но вот Альбер сказал:

— Там у нас будет четырнадцать истребителей и один связной самолет.

Жана как током ударило:

— Связной? Возьмите меня!

На аэродроме в Иваново самым настырным оказался лейтенант де Панж. Кто бы ни появлялся из штаба авиабригады, даже сам комбриг Шумов, первым атаковал его Жан:

— Когда пришлют связную машину?

Несмотря на настойчивость, в судьбе лейтенанта пока ничто не менялось. Он занимался делом, в какой-то степени близким к штурманскому. Его всегда аккуратно подстриженную черноволосую голову ежедневно видели склоненной над документами, отработкой которых майор Пуликен всегда оставался доволен.

Пользуясь каждой свободной минутой, начальнику штаба помогал сержант Жан Калорб — механик самолета майора Тюляна. Он обладал красивым почерком и умел писать плакаты. Узнав об этом, Литольф, отличавшийся афористичностью мышления, не отстал, пока "художник" не написал на бумажной ленте, растянутой во всю стену казармы: "Победа достанется тому, кто ее более настойчиво добивается!" Друзенков только улыбнулся этому, а про себя подумал: "Вот тебе и партийно-политическая работа на французский манер".

Жан Калорб — стройный, шустрый паренек — все чаще и чаще заглядывал в канцелярию: не столько для того, чтобы поработать здесь, сколько отогреться от жгучего мороза. Не у каждого механика была такая возможность, и многие завидовали ему.

Однажды сержант примчался в штаб бледный, перепуганный — не может слова произнести. Только головой трясет. Панж присмотрелся — батюшки! — к губам "прикипела" гайка. Бросился отдирать — не поддается. Пришлось наклонить юношу над железной печуркой — гайка сама отпала.

Все еще трясаясь от случившегося, Калорб подобрал ее и спрятал в карман.

— Заберу с собой во Францию в качестве русского сувенира. Иначе там не поверят. Хотел продуть, коснулся губами...

Усилиями Панжа и Калорба эскадрилья сравнительно быстро обзавелась четким делопроизводством.

Пуликен как-то сказал:

— Вы задаете тон всем нам: закладываете основы порядка и организованности. Если бы так слаженно шло переучивание, нам бы не было о чем печалиться.

Теоретическая учеба особой тревоги ни у кого не вызывала. Французским летчикам, техникам и механикам дважды одно и то же объяснять не приходилось. В принципе они хорошо знали авиационную технику, умели обслуживать самолеты многих марок,

— Одной машиной больше, одной меньше — для нас не столь существенно, — справедливо заметил Калорб. — Труднее привыкнуть обслуживать их в такие морозы. Да, это действительно была проблема.

Пришли "яки" со спаренным управлением — для восстановления летчиками навыков техники пилотирования с помощью инструкторов.

Первыми их облепили техники и механики. Все осмотрели, прощупали, опробовали.

— Завтра с утра начнете тренироваться в подготовке машин к полетам, — объявил Пуликен.

Но "завтра" началось совсем не с того, что намечалось. За ночь навалило столько снега, что на ослепительно белом фоне торчали одни концы винтов и килей.

— Для полноты впечатления недостает только лошади барона Мюнхгаузена, привязанной к кресту церкви, — мрачновато проворчал Жозеф Риссо.

Он успел повидать свет, а с такой зимой встретился впервые. И он, и все остальные просто впали в уныние. Положение казалось им безвыходным. Никто понятия не имел, как можно вырвать из снежного плена боевые машины, наладить тренировочные полеты.

— Что ж, теперь остается до весны засесть в покер, — прокомментировал ситуацию Литольф.

Однако странно: картина заваленного снегом аэродрома, поразившая французов, нисколько не смутила русских. Спокойно, по-деловому, вооружившись лопатами и метлами, они начали пробивать в сугробах проходы от жилых помещений к самолетам, столовой, складским помещениям. На расчистку снега вышли солдаты, офицеры, члены их семей.

— Отставить покер! — скомандовал Пуликен рассаживавшимся по койкам летчикам. — Пойдем раздобывать орудия труда.

Командование гарнизона не рассчитывало на помощь "нормандцев", зная, как тяжело переносят они период акклиматизации. Но французы включились в общую работу.

— Так мало-помалу привыкнут к коллективному труду, — сказал Друзенков.

— Смотри, станут у тебя все коммунистами, как перед де Голлем оправдаешься? — пошутил начальник гарнизона.

— Станут или не станут, — отвечал майор, — а во Францию многие вернутся другими. Это уж точно.

Да, оснований считать так у него было более чем достаточно. Любознательные французы все больше проникались уважением к незнакомой стране, ее народу. То, что им казалось обычным, рядовым, примелькавшимся, у них вызывало восхищение. Вот и сейчас французы не перестают удивляться тому, что на борьбу со снегом вы*шло все, от мала до велика, население приаэродромного городка. У них, во Франции, подобными работами занимались специальные службы, а чаще при обильном о снегопаде жизнь на аэродромах вообще замирала.

— А если снова занесет, как тогда? — спросил Дервиль.

— Так же, как и сегодня. Аэродром должен функционировать в любой ситуации — таково решение командира авиабригады, — ответил ему Шик.

Свои "яки" французы откопали сами. Они же проложили широкие, в размах крыльев рулежные дорожки к уже почти расчищенной взлетно-посадочной полосе.

Летчики в казарму, техники и механики в барак вернулись поздним вечером. И впервые им вкуснее всяких яств на свете показались чуть-чуть промасленная гречневая каша, пригоревшая котлетка и обыкновенный, жиденькой заварки, чай.

Подъем — на рассвете. После личного туалета — время опробования самолетов.

Когда летчики пришли на стоянку, там уже копошились механики. Мороз — под 40° С. Перчатки снять невозможно. А в них к чему подберешься? Тяжелые чехлы будто приклеились к обшивке. Винты не провернешь.

Что делать?

— Была бы незамерзающая жидкость, никаких проблем не возникало бы, — мечтательно сказал Андре Ларриве, механик самолета Литольфа.

— Хотя бы горячей воды иметь достаточно. И моторы, и руки отогревали бы, — отозвался Люмброзо.

Горячую воду привозили в цистернах, ее едва хватало для моторов. И то, зальешь систему охлаждения — не зевай, иначе разморозится сердце боевой машины.

Глядя на страдания механиков, Литольф сочувственно произнес:

— Да, чтобы здесь обслуживать самолеты, нужно родиться русским.

Летчик имел в виду невероятные морозы и то, что

младшие боевые помощники одевались, питались и жили в условиях похуже пилотов.

Они, правда, не роптали. Понимали разницу между аэродромным трудом и летной работой.

Даже подшучивали над своим перекошенным, наполовину вросшим в землю бараком, отапливаемым самодельными, из бензиновых бочек, печками. Техники и механики вполне приспособились спать, не раздеваясь, на соломе.

Улучшить питание для технического персонала не было возможности. Их паек (№ 7) предусматривал черный хлеб, рыбу, мясо, крупу. О рыбе вообще не заходили разговоры, мясо выдавали только консервированное — нужду терпела вся воюющая страна.

Раз в неделю механики получали по лепешке из белой муки. Она была настолько тонкой, что Робер Карм предлагал на спор прочесть сквозь нее газету. Тем не менее лепешки берегли к празднику — на десерт.

Иногда летчики "баловали" механиков. Их паек 1 (№ 9) был покалорийнее: выдавали белый хлеб, немного сливочного масла, побольше доставалось и мяса. И пилоты старались выкроить из своей порции хоть что-нибудь авиаспециалистам, как правило, девятнадцатидвадцатилетним юношам, которые тяжелее переносили недоедание.

Перекачав цистерну горячей воды, более трети часа поворочав винт, механики, наконец, запустили мотор учебно-тренировочного самолета.

Первый провозной полет предстоял командиру эскадрильи.

Друзенков и Пуликен заняли места в кабинах, стали рулить на взлетную полосу. Радио на борту нет. Инструктор видит в зеркальце лицо проверяемого: тот спокоен, уверен в себе. Сейчас подопечный увеличит обороты, отпустит тормоза — начнется взлет.

Все сделал Пуликен неплохо, но, когда машина рванулась с места, Друзенков вдруг увидел лицо, перекошенное гримасой боли.

Инструктор, тут же взяв управление на себя, прекратил взлет, зарулил обратно.

Летчики вытащили из кабины своего тяжело дышащего командира.

— Думал, после ранения все прошло, но смещенный позвонок снова напомнил о себе, — еле выдавливая слова, произнес Пуликен.

Опираясь на плечи боевых товарищей — нести себя не позволил, — он заковылял в казарму.

— Такое уже было. Это пройдет, — уверял себя и других в пути.

— Подлечим, все будет в порядке, — пробовал утешать командира Лебединский.

— В госпитале мне то же самое говорили... Пока отлежусь, командовать эскадрильей будет Тюлян.

Неудачно начатые контрольно-провозные полеты продолжились: было жаль зачехлять с трудом прогретый мотор самолета.

Два круга над аэродромом Друзенков сделал с Тюля-

ном и убедился, что тот вполне владеет машиной, больше того, может сам проверять других. Беспокоило одно;

как с ориентировкой над бесконечной белой целиной? Не заблудится ли? Поговорили об этом на земле.

— Очертания аэродрома и вокруг лежащей местности запомнил хорошо. А дальше пока летать не будем. Постепенно привыкнем к снежной пустыне, — сказал майор Тюлян.

Труженик УТ-2 весь день то и дело взлетал да садился. Каждому из 14 летчиков перед тем, как перейти на учебно-тренировочный Як-7, предоставлялось по два-три круга.

Все летали на твердые "четверки". Некоторые "нормандцы" откровенно удивлялись: более полугода не держали штурвал в руках, а, поди-ка, только сели в кабину — сразу все вспомнилось.

— Это потому, что памятью обладает не только мозг, но и руки, ноги, спина, — пояснил Тюлян.

— Итак, первый барьер взят, — заключил Ролан де ля Пуап. — Теперь надо объезжать нового рысака.

— Як-семь, судя по всему, поновистее, — продолжал Ив Бизьен.

Будто напорочил.

На десятом самостоятельном полете, во время посадки, машина вышла из его подчинения, начала "козлить" и, неуправляемая, как необузданная лошадь, сломала "ноги"-шасси, повредила еще кое-что. Самолет отбуксировали в мастерские, а Ив Бизьен, расстроенный, бледный, стоя перед Тюляном, невнятно оправдывался:

— Отвлекся от земли на посадке — и вот беда.

— Было бы на что отвлекаться — снежная целина вокруг! Наверное, Люси вспомнил некстати.

— Нет, командир, этого не было. Просто не привык к белому покрову. Увидел на нем что-то темное, кустарник, вероятно, задержал взгляд...

— Что-то темное может быть только вражеской целью. Но не здесь, а на фронте. Вы утверждали, что у вас триста часов налета. Не верится. Дай вам волю, вы побьете больше самолетов, чем враг.

Присутствовавший при этом неприятном разговоре Павел Друзенков сдерживал распалившегося Тюляна:

— С каждым может случиться подобное. Это будет уроком...

Тюлян смягчился:

— До чего же вы, русские, терпеливы и мягкосердечны!.. Вам, Бизьен, как только восстановят машину, — пятнадцать взлетов и посадок подряд! ,

Вечером происходил разбор полетов. Ошибка Ива, чуть не стоившая ему жизни, анализировалась со всех сторон.

Это тоже было внове для французов. У них обычно все ограничивалось строгим внушением на месте происшествия с дисциплинарным взысканием и возмещением материального убытка. А в Советских ВВС — свои порядки, они постепенно приживаются и в "Нормандии".

Жозеф Пуликен очень страдал от того, что не может летать, и понимал, каково ему в таком состоянии здоровья полной мерой осуществлять командирские функции. Свою главную миссию, думал дальше, он выполнил — скомплектовал эскадрилью, доставил ее в Иваново, наладил переучивание. Помня слова де Голля: "Мой майор, прежде чем принять какое бы то ни было решение, еще раз спросите себя, что значит оно для интересов Франции?", Пуликен решил, что пришло время, когда в интересах его родины руководство эскадрильей целесообразно полностью передать молодому, здоровому, энергичному Жану Тюляну. Предыдущая деятельность в качестве комэска и полеты в декабрьскую стужу показали, что Тюлян вполне справится с новой для него должностью, сможет успешно продолжить его, Пуликена, дело.

Жозеф не страдал честолубием, сам был себе строгим судьей. Конечно, нелегко расставаться с людьми, с которыми столько пережил и лелеял столько надежд.

Пуликен бросил взгляд на висевшую в его кабинете карту европейской части СССР. Мишель Шик, слушая сводки Совинформбюро, аккуратно наносил на ней все изменения линии фронта. Правда, в последнее время они были очень малы. Огромные противоборствующие силы как бы застыли. Кто-кто, а майор отлично знал, что самое бурное

воображение не могло полностью представить весь тот ад, который творился на местах их соприкосновения.

Вот взгляд Жозефа сосредоточился на схеме пилотажных зон, потом — на графике переучивания летчиков. Все тут до боли свое, ко всему приложены ум, сердце, руки.

"Чему быть, того не миновать", — вспомнил русскую пословицу, услышанную от пожилого повара летной столовой. Прав старик, целиком прав.

Он макнул перо в чернила и на листе чистой бумаги начал писать рапорт генералу Пети.

Пуликен уже не чувствовал себя командиром, Тюлян еще не считал себя таковым. А Альбер Анри, механик самолета Жозефа Риссо и одновременно парашютоук-Ладчик эскадрильи, с 1936 года занимавшийся планеризмом и парашютным спортом, — хотел во что бы то ни стало испробовать себя в русском небе.

Испробовать, но как? Планеров под рукой не имелось, тщательно уложенные для каждого летчика парашюты покоились в отведенных для них мешках: никто не прыгал с ними — жаждущих испытать свои спасательные средства без нужды не обнаруживалось. Объяснение простое: летающий народ всего мира никогда не проявлял особой любви к шелковому куполу.

Сержанту Анри охота проявить себя. А дикие морозы? Пока спустишься на землю, чего доброго — в сосульку превратишься.

Все это понимал Альбер. Но перед глазами стоял пример, потрясший его воображение.

Когда "нормандцы" из Ливана прилетели через Баку в Куйбышев, там их застала такая непогода, о которой французы в один голос сказали: "Да это же репетиция конца света!"

Такого жуткого завывания кинжально-холодного ветра, поднимавшего с земли и бросавшего на нее снежные тучи, они отродясь не слышали и не видели.

Вдруг к вою пурги приметался гул авиационных двигателей. Сначала французы не поверили своим ушам, подумали: мерещится. Однако нет! На посадку заходил четырехмоторный самолет. Расчет был произведен точнейшим образом, приземление произошло с каким-то шиком, можно сказать, изяществом.

Добровольцы поразились столь высокому искусству и смелости экипажа. Но когда открылась бортовая дверь и по лестнице спустился командир корабля, они были шокированы: тяжелой машиной управляла женщина.

С тех пор в сознании Альбера Анри произошла переоценка ценностей, он пришел к выводу, что в России невозможного не бывает.

Сержанту очень хотелось чем-то походить на русских, поступать по их образу и подобию. И он решил сделать ход конем.

Как-то во время укладки парашюта к нему подошел Тюлян. Анри воспользовался этим:

— Господин майор! Летчикам придется выполнять тренировочные прыжки. Разрешите мне сделать один демонстрационный, убедить их в том, что в России они не менее безопасны, чем в Африке.

Тюляну бы все хорошенько обдумать, посоветоваться о Пуликеном, но он зажегся идеей парашютиста.

— А что, блестящий замысел, Анри! — запальчиво ответил он. — Готовься, я подниму тебя в воздух и сфотографирую в момент прыжка. — Жан никогда не расставался с фотокамерой и никому не отказывал в съемке.

На том и порешили.

Ясным морозным утром, когда вся эскадрилья была на аэродроме, УТ-2 поднялся в небо. На высоте 1000 метров Анри вылез на крыло, занял позу для толчка. Тюлян несколько раз щелкнул затвором аппарата, извлеченного из-за пазухи — иначе покрылся бы изморозью объектив.

Пока шла съемка, машину отнесло в сторону от центра летного поля. Насквозь продрогший Анри вынужден был вернуться в кабину. Тюлян пошел на новый круг.

Пуликен появился на аэродроме как раз тогда, когда Анри выбрался на крыло вторично.

— Что происходит?! — спросил взволнованно.

— Да похоже, что наш спортсмен-парашютист собирается испытать пробиваемость снежного покрова, — ответил Литольф.

— А кто управляет?

— Майор Тюлян.

Жозеф скрипнул зубами. Не хватало еще этой самодеятельности! Но повлиять на развитие событий он уже не мог.

Анри никому не признавался, что ни разу в жизни не дергал кольцо парашюта — за него всегда срабатывала автоматика. В данном случае ее не было, приходилось надеяться только на себя. Где-то в глубине сознания импульсом мелькнула мысль: "А вдруг не сработает?" И Анри судорожно потянулся к вытяжному кольцу. Рука в перчатке. Пока нащупал, надежно захватил и дернул — набрал большую скорость падения. От резкого наполнения воздухом купол буквально выстрелил. Анри с огромной силой дернуло вверх. А его сапоги — его так выручавшие русские утепленные сапоги! — полетели вниз. Ноги железными клещами схватил тридцатиградусный мороз. Купол ветром понесло за пределы аэродрома, управлять им не было никакой мочи.

Все, наблюдавшие с земли, рванулись по снежному насту в направлении движения парашютиста. Да разве угонишься?

Это было первое серьезное обморожение в эскадрилье. Грозил ампутация ног, но, к счастью, все обошлось благополучно. Жорж Лебединский получил хорошую практику, а Тюлян — серьезный урок и взбучку Пуликена.

Демонстрационный прыжок Анри еще больше отбил охоту летчиков к обычным тренировочным. Дервиль, Кастелен, Беген и другие пилоты категорически заявили, что предпочитают прыжкам полеты, а если и воспользуются парашютом, то только тогда, когда лишатся обоих крыльев.

Приближался новый, 1943 год.

У французов улучшалось настроение. Они любили праздники, умели их отмечать и, конечно, мечтали повеселиться и на этот раз. Но что мог предоставить им командир? Друзенков подсказал: по русскому обычаю можно нарядить елку, вокруг нее, мол, все само собой образуется.

Непоседливые "мушкетеры" — Альбер, Лефевр и Дюран — предложили:

— Давайте в канун праздника съездим в Иваново, говорят, там неплохой цирк.

В городе особых достопримечательностей, открытых для осмотра, не было. Текстильный комбинат хотя и привлекал французов — здесь, в основном, трудились женщины, — однако он работал на нужды фронта, поэтому экскурсия тоже исключалась.

В цирке "нормандцев" ожидал сюрприз. Ведущий программы обратился к ним с приветствием на чистейшем французском языке. Зал взорвался аплодисментами. Все зрители искренне отдавали дань уважения стройным, подтянутым парням в незнакомой темно-синей униформе, по долгу чести своей родины влившимся в ряды Советских ВВС. Гости были тронуты до глубины души, отвечали дружными продолжительными рукоплесканиями. В цирке установилась теплая, благожелательная атмосфера. Представление прошло на высшем уровне — артисты превзошли самих себя.

Вечер на многое открыл "нормандцам" глаза. До него им приходилось общаться только с военными. Отношения наладились — лучше желать нечего. Но тут все ясно: общее оружие, общая цель борьбы с фашизмом. А как гражданское население, которое бедствует, перебивается на воде да на сухарях, все отдавая армии, фронту? Каково его отношение к представителям Франции, ведь с ними тоже необходимо делиться всем?

Искренность и признательность — вот что почувствовали "нормандцы". И это придало особую значимость их пребыванию в Советском Союзе.

В этом французы еще более утвердились, когда под самый Новый год к ним нагрянули гости — пресс-атташе французского посольства господин Жан Шампенуа и видный советский писатель, преданный друг народа Франции Илья Эренбург.

Мирле сдержал-таки слово.

За праздничным столом, несмотря на его скромность, было шумно и весело. Эренбург оказался чрезвычайно компанейским и остроумным человеком. Он буквально сыпал каламбурами, шутками, совершенно свободно изъясняясь на французском языке. И только наиболее наблюдательные могли изредка заметить, как цепко задерживался его взгляд на том или ином лице, как чутко прислушивался он к разговорам: писатель не извлекал из кармана записную книжку и карандаш, но все заслуживающее внимания фиксировал в памяти.

Встретив в Эренбурге еще одного друга, по-настоящему заинтересованного в делах "Нормандии", Ив Майе, Андре Познански, Альбер Прециози пожаловались ему на то, что их слишком долго держат на "приколе". Надоело, мол, как бы ускорить отправку на фронт?

— Узнаю французов, узнаю! — ответил писатель, мягко улыбаясь. — Они все, как солдаты Наполеона в лучшие времена: я ворчу, но я иду.

— В данной ситуации точнее было бы сказать: мы ворчим, но мы ждем, — подсказал Литольф.

— Господа, — внес ясность пресс-атташе. — Хочу вас обрадовать: в начале января вы получите десять самолетов Як-один.

— Спасибо! — вскочили "мушкетеры". — За ваше оружие чести — вива! — провозгласили тост.

Затем кто-то запиликал на губной гармошке, кто-то застучал ложками, и вдруг взвилась песня: "О, Париж, мой Париж..." Вместе с "нормандцами" пели Илья Эренбург, Павел Друзенков, все присутствующие из русских.

Шампенуа сказал не все. Он приберег еще одно не о менее приятное сообщение, чтобы объявить о нем ближе к двенадцати. И когда нужное время подоспело, открыл свой портфель, извлек оттуда шелковый мешочек с вышитой на нем желтой надписью: "Летчикам "Нормандии", высоко поднял его над головой.

— Это, господа, вместе с новогодним поздравлением передали вам Люсетт и Жинетт!

Что тут началось! Буря восторгов. Французы от радости прыгали, как мальчишки, отовсюду неслись возгласы:

— Вива Люси и Жижи! Прекрасные девушки! Помнят о нас! Настоящие француженки! Да здравствует свободная Франция!

Когда все приутихло, Шампенуа развязал шнурок мешочка и высыпал на стол золотые нарукавные нашивки, созданные девичьими руками.

Летчики мигом расхватили их, начали рассматривать, примерять к рукавам.

Замешкавшемуся Бизьену нашивки не досталось. Он стоял у стола, растерянно глядя на Шампенуа.

— Кто здесь Ив Бизьен? — вдруг спросил тот.

— Я! — встрепенулся "обиженный".

— Простите, немного забылся. Для вас есть нашивка персональная.

Шампенуа извлек из нагрудного кармана что-то наподобие шоколадки в блестящей фольге,

— Белено передать лично вам.

Воссиявший от счастья Ив бережно развернул фольгу и увидел такую же, как у всех, нашивку, с той лишь разницей, что на оборотной стороне скромной белой ниткой было выстроено имя, ставшее вдруг дорогим и родным: "Люси".

Ив был вне себя от радости. Летчики откровенно завидовали "мальшу Бизьену", сумевшему пленить сердце первой же француженки, встретившейся ему в России.

Никто не думал тогда, что изображение нарукавной нашивки: два золотистых льва на красном фоне — герб провинции Нормандия — станет вскоре эмблемой эскадрильи. Вместе с добротой девушки подарили соотечественникам символ преданности своей любимой родине.

"Мушкетеры" умудрились незаметно прикрепить нашивки к рукавам, чем заслужили право ровно в двенадцать часов по московскому времени провозгласить тост за Францию, за ее освобождение от злобного, коварного врага.

Новогодний вечер удался на славу. Он влил в "нормандцев" новый заряд бодрости и энергии, дал еще раз почувствовать, что в "далекой холодной России" они не одиноки, с ними все, кому ненавистен фашизм.

Уезжая, Шампепуа вручил Пуликену пакет. Сказал:

— Вскроете потом.

Илья Эренбург обратился ко всем сразу:

— Следите за "Правдой" и "Красной звездой". Скоро о вас узнает весь мир.

Желанные гости отбыли.

Зайдя в кабинет, Пуликен вскрыл пакет, вынул из него и развернул аккуратно сложенный лист меловой бумаги. Прочитал машинописный текст: "Майору Жозефу Пуликену. Ваш рапорт рассмотрен. Будет удовлетворен после полной подготовки эскадрильи к боевым действиям. Генерал Пети".

— Все правильно, — произнес вполголоса. — Дело должно быть доведено до конца.

Через три дня на аэродроме приземлились 10 новеньких, только что с завода Як-1. Тюлян, Литольф, де ля Пуап загорячились:

— Давайте сразу летать на них.

— Нет-нет! — отрезал Пуликен. — Сначала — на Як-семь. Вы, Тюлян, сделаете на нем контрольные полеты со всеми, лично дадите каждому допуск к боевой машине. За это время ваш механик Жан Калорб покрасит коки винтов в сине-бело-красный цвет,

Тюлян приступил к делу незамедлительно. Подъем для авиаспециалистов был объявлен раньше. Бедняги коченели на жгучем ветру, пока удавалось запустить двигатели. А потом, до прихода летчиков, они, сидя в кабинах, поддерживали работу двигателей на малых оборотах.

Майор Тюлян — худой, жилистый, с вечно блуждающей улыбкой, торопил время. Одного за другим сажал в кабину учебно-тренировочного "яка" пилотов, по очереди передавал им управление самолетом: вырубайте, взлетайте... Если в первом полете по кругу летчик действовал нормально, разрешал ему пересест на Як-1 — отрабатывать управление на вырубании, взлете...

Запущенный Тюляном учебный конвейер работал четко, слаженно и уже к первой половине февраля стало возможным представлять эскадрилью на проверку.

Пуликен рапортовал генералу Пети: "После выполнения каждым летчиком сорока учебно-тренировочных и пятнадцати самостоятельных полетов переучивание на Як-1 считаю законченным".

22 февраля, согласно приказу, эскадрилья расставалась со своим первым командиром майором Жозефом Пулиkenом. Командование принимал майор Жан Луи Тюлян.

Жозеф не сомневался в своем преемнике. Он знал, что передает эскадрилью в надежные руки. Но предостерегал Жана от излишней горячности:

— Не надо спешить. Не устраивай гонок. Авиация не терпит суеты.

Тюляну не лишне было внять этому совету, ведь он отныне становился ответственным за все.

Когда Пуликен в последний раз проходил перед строем эскадрильи и крепко пожимал каждому соотечественнику руку, на его глазах выступали слезы. Лично для него "большое русское приключение" заканчивалось, он переходил на службу в военную миссию — непосредственно под начало генерала Пети.

"Большое русское приключение" продолжат его сподвижники-патриоты, которых Илья Эренбург уже назвал в газете "Правда" гордыми посланниками французского мужества.

БОЕВОЕ "КРЕЩЕНИЕ"

Жозеф Риссо и другие летчики, в свое время летавшие на черном ночном истребителе "харрикейн", пересели на Як-1 — машину белого цвета: цвета русской зимы. Им предоставилась возможность сравнивать, оценивать.

Риссо перечислял достоинства "яка", а Ноель Касте-лен загибал пальцы рук: шины низкого давления — любая площадка годится для взлета и посадки; немногочисленные, совсем не сложные в пользовании пилотажно-навигационные приборы; круговой обзор из кабины;

элементарная система управления двигателем — "газ", шаг винта и еще несколько крайне необходимых рычагов;

отсутствуют капризные сервомеханизмы; стрельба из пушки ведется через ось редуктора мотора... Помимо перечисленного, у этого, тогда самого легкого в мире истребителя имелось немало технических новшеств, которые облегчали пилотам управление самолетом.

— А хочешь, Ноель, я попробую на "месте" развернуться?

— Это ты, Жозеф, загнул!

— Ну пусть не совсем на "месте", а за тридцать секунд сделаю полный вираж.

— Не удастся.

— Давай на пари?

— Что ж, по рукам! Проигравший раздобудет в городе пиво.

— Идет.

Пошли к Тюляну. Тот, помня выговор Пуликена от* носительно скоропалительных решений, обстоятельно поразмыслив, пришел к выводу, что дело стоящее; пусть ребята проверят и себя, и машину.

Судьями выступала вся эскадрилья. Жозеф Риссо совершил полный глубокий вираж не за 30, а за 14 секунд. Ноель Кастелен проиграл.

— Выходит, в бою за одну минуту можно сделать четыре разворота на триста шестьдесят градусов, — резюмировал Тюлян. — На таких вертких машинах летать мне еще не приходилось.

— Юркий и вооружение солидное. Истребитель что надо, — подключился Литольф.

— Кстати, вы напомнили о вооружении. Надо же пристрелять пушки и пулеметы. Кто у пас мастер этого дела? — спросил после паузы майор.

— Механик самолета Дервиля — капрал Раймон Троллье.

Его тут же вызвали и поставили задачу: отрегулировать и пристрелять вооружение своей машины, а затем научить этому всех остальных механиков.

Троллье с энтузиазмом взялся за дело. Он хорошо усвоил существенные особенности "яка": при одновременном ведении огня из пушки и пулемета траектории снарядов — и пули должны пересекаться только на расстоянии 400 метров от места стрельбы. Траектории пулемета, установленного слева под капотом, пересекающие плоскость винта, могут разнести вдребезги его лопасти, если в нужный момент лопасти не будут автоматически проворачиваться на 20° относительно своей оси. Такое "взаимодействие" винта и пулемета обеспечивается специальным синхронизатором, а также системой рычагов и тяг, которые под воздействием резкого перепада температур и больших механических нагрузок деформируются, а поэтому время от времени нуждаются в регулировках.

В данной ситуации, когда самолеты только прибыли с завода, ничего подобного делать не требовалось. Но Троллье, впервые столкнувшийся с такой системой, решил все проверить лично. Взяв в помощники механиков Видаля и Вейля, он снял капот, полностью, как ему показалось, разрядил пулемет.

— Проворачивайте потихоньку винт, — скомандовал, положив палец на кнопку открытия огня.

Видаль и Вейль — крепкие парни — без особых усилий сдвинули с места винт застывшего мотора. Как только одна из лопастей встала против створа пулемета, Тролле нажал кнопку — раздался сухой щелчок, и в тот же миг винт повернулся на положенный угол.

— Смотрите, и в самом деле замечательный фокус! — воскликнул он в кабине.

— Здорово сработано! — подтвердили помощники. Под характерные щелчки спуска затвора Видаль и Вейль потихоньку продолжали вращать винт. И вдруг оба словно испарились.

— Эй, что случилось?! — крикнул Тролле.

Молчание. Не на шутку встревожившись, капрал выскочил из кабины и увидел помощников, лежащих на снегу с перекошенными от страха лицами, а над их головами-зияющую в лопасти дыру от пули.

Первым примчался лейтенант Дервиль. Схватился руками за голову:

— О, боже мой! Что же я делать буду?! Подбежал майор Тюлян. Поджарый, весь как на пружинах, желваки мечутся на скулах.

— Что вы натворили, капрал Тролле?!

— Он меня без ножа зарезал, — показал Дервиль на пробитую лопасть.

— Как это случилось?!-негодую, спросил майор.

— Сам понять не могу, — понутив голову, отвечал Тролле. — Я ведь отлично помню, что кассеты разрядил полностью.

— Помню, помню! Вы что же думаете, на складе у нас винты навалом свалены?!-распекал командир эскадрильи.

Это "навалом свалены" повторялось и повторялось в ушах механика. Он четко представил себе перспективу лейтенанта Дервиля: ждать новой лопасти можно три года, а, судя по всему, скоро предстоит отправка на фронт.

О происшествии доложили в штаб дивизии. Ее командир, полковник С. П. Андреев, рассудил так: механик конечно же виноват — до конца не произвел разрядку. Но ведь и система не сработала, значит, есть в ней дефект. Он тут же распорядился послать специалистов на проверку вооружения всех самолетов эскадрильи.

Как говорится, не было счастья, так несчастье помогло. В итоге на "яке" Дервиля заменили пулемет, лопасть, и все наладилось. Ввиду удачного для капрала поворота событий его репутация хорошего специалиста не поколебалась. Именно поэтому Тюлян снова поручил ему производить пристрелку.

Отбуксировали машину на край летного поля, выровняли ее по горизонту, подставив под хвост пустую бочку из-под бензина, колодки — под колеса. Затем Тролле тщательно отмерил 400 метров. В точке пересечения трасс, у кустарника, росшего в стороне от аэродрома, была установлена деревянная мишень.

Вернувшись к самолету, Тролле доложил лейтенанту Дервилю, что все готово. Тот занял место в кабине, дал очередь из девяти-десяти одновременных пушечных и пулеметных выстрелов.

Тролле бросился к мишени. Пулевые попадания есть, снаряды же ушли в "молоко",

Механик — бегом назад, к регулировочным устройствам. Его спринтерский бег повторялся раз десять, пока, в конце концов, не была достигнута нужная точность и кучность огня.

Дело было уже сделано, когда со стороны мишени показалась толпа людей — преимущественно женщин, с каким-то подобием флага в руках.

— Не стреляйте! Не стреляйте! — кричали они.

— Тролле, — сокрушенно обратился Дервиль. — Ты опять что-то натворил?! Наверное, там, за кустами, деревня!

— Мой командир, клянусь богом, сколько глазу видно — бугристый пустырь!

— Бугристый?

— Да, какие-то насыпи.

— Чего же не доложил?

— Так ведь людьми там и не пахло. Откуда они — в толк не возьму.

Тем временем толпа приближалась. В руках-наполненные чем-то ведра, лукошки.

— Троллье, кажется, нам несут угощение. Хотят поздравить с отличной пристрелкой оружия!

Люди приблизились к самолету. Старик с седой окладистой бородой, идущий впереди всех, заговорил: :

— Хлопцы, что же вы стреляете по... — и умолк, уставившись на необычную фуражку Дервиля с трехцветным околышем.

— Франсьон, франсьон, — попытался объяснить лейтенант.

Услышав незнакомую речь, дед сделался мрачнее тучи.

— Бабы, а ну окружай!

Ничего не понявшие "нормандцы", увидев на лицах пришельцев бескомпромиссную решимость, побледнели и подняли руки вверх.

Обстановка осложнилась, когда дед увидел на борту истребителя красные звезды.

— Диверсанты! Собирались угнать наш самолет! Ну-а, Пелагея, одна нога здесь-другая в штабе!..

Самая молодая и приткая Пелагея, оставив наполненное бураками ведро, словно вихрь помчалась через аэродром.

— Мы — Советский ВВС, "Нормандия", ля франсе, — снова пробовал объяснить Дервиль.

— Документы! — строго потребовал дед.

— Документ еще но...

— Но-но. Стоять на месте, не двигаться! Пелагея вскоре вернулась с Павлом Ивановичем Друренковым.

— Что, папаша, шпионов поймал?

— Да кто их знает, кто они! Самолет наш захватили, стреляют. Спросил документы — нокают, не имеют, значит.

— Правильно, папаша. Идет война, смотреть нужно в оба. Но в данном случае — это наши французские друзья. Вместе против Гитлера и его своры выступаем.

— Откуда нам знать, кто они? — сконфузился старик.

— А как вы здесь оказались? — спросил Друзенков.

— Кагаты, бурты то есть с бураками на зиму окапывали.

— А картошки у вас не найдется?

— Есть немного.

— Ну что ж, нет худа без добра. Поделитесь с нами картошкой и бураками, а мы вам тоже чем-то поможем.

— Вы бы нам дохтура и лектура прислали: больных много, и что в мире делается, не знаем.

— Договорились. Будут у вас и доктор, и лектор, и газеты, и кино.

Так, благодаря происшедшему, у "нормандцев" стал более разнообразным стол, а у крестьян соседствующей с аэродромом деревеньки появились новые друзья — французские летчики. Они помогли механикам выбрать наиболее подходящее место для пристрелки бортового оружия. Под руководством капрала эта операция через несколько дней была завершена, после чего ему и другим отличившимся авиаспециалистам предоставили увольнение в город.

Друзья Троллье воспользовались поощрением незамедлительно, он же, наведя лоск, отправился к "шефам", после чего французы шутили:

— Что, Раймон, Пелагея так же сразу подняла руки, как ты перед ней?

Троллье помалкивал.

Прошли боевые стрельбы на земле и в воздухе. Майор Друзенков и майор Тюлян пришли к заключению, что эскадрилью можно представлять на инспекционную проверку.

Солнечным мартовским днем к "нормандцам" прибыли генерал Пети, представитель Советских ВВС полковник Левандович и майор Мирле. Последний привез французам удостоверения личности, внешне ничем не отличавшиеся от тех, которые были у наших летчиков. В них, согласно статусу, значилось, что такой-то является представителем "Нормандии", сражающейся на стороне Красной Армии.

Вручением удостоверений как бы окончательно узаконивалось пребывание французских авиаторов в Советском Союзе.

— Теперь тебе никакие деды не страшны, — поддел Дервиля Литольф.

— Зато вы можете легко обходиться без удостоверения, — прищурившись, пустил стрелу обратно Раймон.

Лейтенант имел в виду исключительный аскетизм Литольфа: тот не курил, не пил спиртного, не увлекался женщинами. Он всецело был поглощен одной-единственной идеей — спроектировать такой самолет, который летал бы выше, дальше и быстрее всех существующих. Углубившись в излюбленные расчеты, Литольф никого и ничего не замечал, поэтому, наверное, с ним никогда не случалось ни смешного, ни грустного.

При всех своих странностях Литольф отличался исключительной лихостью в воздухе. Казалось, только там, отрешившись от формул и цифр, он давал себе полную волю, вкладывал в пилотирование все чувства и эмоции и тем самым создавал особый, ни с чьим не схожий летный почерк. Именно эта черта характера выдвинула его в заместители Тюляна.

Отныне командиру и его заместителю предстояло первыми продемонстрировать, чему научились французы за три месяца пребывания на советской земле. От них во многом зависел срок отправки эскадрильи на фронт. Ведь отлично подготовленные командиры всегда сумеют подтянуть подчиненных до своего уровня.

14 летчиков выстроились перед высокой комиссией. Открывает строй рослый капитан Альбер Литольф, замыкает приземистый лейтенант Жан де Панж. Да, Жан де Панж. Он не летал на Як-7, не осваивал Як-1, но получил, наконец, свой долгожданный связной У-2. Лефевр и Дюран — добровольные инструкторы — совершили с ним тренировочные полеты общей сложностью три с половиной часа, затем технику его пилотирования проверил Литольф, который, "не заметив" зигзагов на посадке, дал "добро".

Теперь начальник штаба с полным основанием занимал место в строю летчиков, сознавая, что и на его долю, пусть и без участия в воздушных боях, выпадет немало хлопот и забот.

— Эскадрилья "Нормандия" к инспекторской проверке готова! — четко доложил Тюлян,

— Майор Тюлян — на старт! — командует генерал Пети.

Трещит тридцатиградусный мороз. Снег под ногами поскрипывает, рассыпается, будто сахар. Пар от дыхания сизым инеем оседает на меховых воротниках курток.

— Мой командир, самолет к вылету готов! — взял под козырек сержант Калорб.

— Отлично, Жан! Сейчас проверим твою работу в воздухе.

— Надеюсь, останетесь довольны.

— Посмотрим.

Это "посмотрим" в свое время в корне изменило судьбу Жана. В Раяке он служил в бомбардировочной авиации. Как-то Тюляну случилось наблюдать его работу. Понравилась.

— Мне потребуется такой механик в России, — сказал он.

— Исключено, — ответил Калорб. — Никто меня в группу истребителей не отпустит и не зачислит.

— Посмотрим.

Тюлян доказал, что он человек дела, слов на ветер не бросает. Так жизненные пути двух Жанов скрестились па советском самолете.

Комэск занял место в кабине, механик помог ему надеть и пристегнуть лямки парашюта, закрыл фонарь. Хорошо прогретый мотор завелся сразу. Тюлян опробовал его на низких режимах, разведя руки в стороны, показал: "Убрать колодки!" И вот уже, оставляя за собой высокий снежный шлейф, машина устремилась на старт.

Волнующий момент! Переживает Калорб — не подвел бы двигатель. Тревожатся летчики — не сорвался бы пилотаж. Озабочены члены комиссии — все ли пройдет благополучно? Как-никак впервые в истории французские летчики держат экзамен перед представителем советского командования. Полковник Левандович думает:

"Нормандцы" — народ честолюбивый; Тюлян весь выложится, но покажет себя". А Жан, взмывая в небо, размышлял! "Русские люди добрые, участливые, но, когда требуют интересы дела, их принципиальность ничто не поколеблет: подавай товар лицом — и все тут".

Управляемый твердой рукой, Як-1 стрелой вонзается в голубую высь, легко достигает трехтысячестровой высоты. Там, резко опрокинувшись, истребитель под прямым углом камнем несется к земле. Такого крутого пикирования многие из присутствующих вообще никогда не видели. Может, что случилось? Или еще случится? Ведь неспроста существуют различные ограничения в скорости и перегрузках.

А Тюлян, упоенный полетом, сознавая, что ему подвластна высота, ощущая легкость управления машиной, как будто забыл обо всех допусках инструкции. Когда, казалось, еще несколько секунд — и неминуемо машина врежется в землю, Як-1 вдруг резко изменил траекторию и, дав просадку, снова взвился вверх, ушел на "горку", которую завершил перевернутой петлей, далеко не простой для исполнения из такого положения. Затем последовал каскад других фигур сложного пилотажа. На земле раздались аплодисменты. — Отлично подготовлен командир эскадрильи! — удовлетворенно констатировал Левандович. — Если и остальные так летают, можно советовать врагу избегать схваток с французами...

В следующее мгновение полковник осекся, встревоженно умолк. Тюлян, заходивший на посадку, начал вытворять невероятное: с выпущенным шасси на бреющем снова принялся за пилотаж. "Бочка", еще одна, боевой разворот, переворот через крыло, "мертвая петля". Это было сродни цирковым трюкам. На аэродроме все затаили дыхание. Переживали и за исход рискованных экспериментов, и за то, какой будет реакция членов комиссии.

Но вот Тюлян прямо с петли пошел на посадку.

Генерал Пети, увлеченный столь необычным зрелищем, забывшись, восхищенно захлопал в ладоши. Он не знал авиации, не представлял в ней границ дозволенного. Но никто, в том числе и полковник Левандович, не захотел его разочаровывать, разъяснять, что к чему. Так воздушные проделки сошли Тюляну с рук.

Сошли они и Литольфу, который повторил все, что делал комэск, но со своим, особым шиком. Скупые, ювелирные движения рулями, тончайший расчет, исключительный глазомер, железная выдержка... Ему на роду написано быть истребителем.

Дервиль, Прециози, Дидье, Кастелен, де ля Пуап, Майе, Риссо, Познански, Бизьен, "мушкетеры" — Альбер, Лефевр, Дюран — все как один успешно выдержали проверку на право отправляться на фронт.

В честь этого события под трепетание трехцветного французского флага, развеваемого русскими ветрами, был дан салют из винтовок.

— Соколы мои, сыны Франции! — обратился в летчикам Пети. — От имени генерала де Голля, военной миссии, нашего посольства в СССР сердечно поздравляю вас с завершением переучивания и предстоящим началом боевых действий. Выражаю уверенность в том, что вложенная в ваши мужественные руки шпага чести надежно послужит святому делу скорейшего освобождения нашей, преданной вишистами, родины. Сегодня вы доказали нам, что в совершенстве владеете своим оружием. Пусть же оно никогда не подводит вас, пусть вам сопутствует удача в боях. Да здравствует свободная Франция!

Ответное слово взял майор Жан Луи Тюлян.

— Мы получили самолеты, о которых и мечтать не могли, — лучшие советские истребители Як-один. Это действительно острые, неотразимо разящие шпаги чести. Пусть же осеняет нас исконное французское мужество! Мы не сложим оружие, пока хоть один фашист будет топтать землю России и нашу родную землю!

Итак, все трудности сборов, формирования перелетов, учебы, позади. Все выдержали, все вынесли "нормандцы" и пришли к заветному дню, когда наступил черед прокладывать курс к новому, фронтовому аэродрому.

Без особой грусти покидали Иваново французы. Причиной тому были война и невероятно холодная зима.

С легким сердцем летчики расселись по боевым самолетам, техники и механики со всем имуществом погрузились в Ли-2 и навсегда покинули место своей первой дислокации.

Истребителей ведет пикирующий бомбардировщик Пе-2. Четким строем, по звеньям, "яки" следуют за лидером на аэродром — Полотняный завод, под Калугой. Всего час полета! Но совсем другая ситуация — ситуация боевой, наполненной тревогами жизни, которой так давно не приходилось испытывать.

Ив Бизьен, правой рукой удерживая машину в строю, левой нащупал в кармане меховых брюк шелковый платочек, пропитанный тонким ароматом французских духов. Ну где Люси и Жижи только раздобыли их? И надо же додуматься, каждому сшили платочек с надписью разноцветной вязью: "Боевого счастья!" А у Бизьена, лишь у него, еще два слова: "...Возвращайся с победой!"

Когда майор Мирле вручал эти пахнущие родиной платочки, у летчиков на глазах появились слезы.

Все другие пилоты тоже с восторгом нащупывали дорогой подарок. И все немного завидовали Иву, "Малыш Бизьен пленил большое сердце Люсетт", — поговаривали они перед вылетом.

14 "яков", Ли-2 и несколько позже-связной У-2 благополучно приземлились на незнакомом летном поле. Здесь во всем чувствовалась близость фронта. Тюлян приказал рассредоточить самолеты подальше друг от друга. Личный состав эскадрильи поселили в землянках с бревенчатыми стенами и печками-"буржуйками". В этих помещениях сыро, но тепло.

— Комфорта маловато, зато укрытие надежное, бом — ' ба не прошибет, — дал им оценку Ролан де ля Пуап.

— Все это не столь важно. Главное — скоро в бой. Может быть, даже завтра, — сказал Дервиль.

— Не спешите, — раздался спокойный голос Тюля-на. — Мы же совсем незнакомы с районом полетов. Улететь — улетим, а вернуться не сможем.

— Выходит, снова за учебу? — возбужденно спросил Андре Познански.

— Ну не совсем так, — успокоил его Тюлян, — однако поработать немного придется.

— Над чем?

— Хотя бы над картами.

Весь следующий день рисовали карты-схемы района полетов. Павел Друзенков читал названия населенных пунктов, железнодорожных станций, рек, а французы наносили все это на своем языке. Ив Бизьен никак не мог понять, что означает и как писать Спас-Деменск. Друзенков с помощью Шика толковывал ему:

— Кто-то когда-то спас здесь какого-то Демьяна. Ну, при пожаре или из речки вытащил. Вот и получился Спас-Деменск, пишется через черточку, с больших букв.

— Интересно взглянуть на город, — размышлял Дервиль.

— Посмотрим. Когда полетим за линию фронта, тогда и поглядим, — вставил Познански.

Никто не предполагал тогда, что Спас-Деменску будет суждено стать последним пунктом на жизненном пути этих троих "нормандцев".

С утра следующего дня — полет над участком фронта от Сухиничей до Калуги, лидер — тот самый Пе-2. Тут вполне реальной могла быть встреча с фашистскими самолетами. Поэтому истребители снарядили полным боекомплектом снарядов и патронов. Однако никто не сделал ни одного выстрела.

Следующий полет — по тому же курсу, только обратный путь самостоятельно, без сопровождающего.

Бережно, осторожно вводило командование эскадрилью во фронтовую обстановку, заботясь о том, чтобы ничто не омрачило начала ее боевой деятельности.

Решены все вопросы. А тут злую шутку сыграла погода — началась ранняя бурная, многоводная весна. Машины пришлось расставлять по более-менее сухим бугоркам. Оттуда своим ходом они никак не могли вырваться на взлетно-посадочную полосу. Техникам и механикам приходилось после заправки и осмотра волочить их 600— 800 метров буквально по колено в грязи. Морозная зима теперь вспоминалась всем как благо, которое никто не ценил.

Чрезмерное напряжение, сырость, недоедание выводили из строя авиаспециалистов. У одного — ангина, у другого — головные боли... Наконец, пришел момент, когда срочно потребовалась помощь де Панжа. У меха-пика по радио, старшего сержанта Робера Карма, резко обострилась язвенная болезнь. Лобс-динский ничем не мог унять его боли в желудке, требовалась срочная госпитализация. И тогда все взоры обратились к Жану: сможет ли он доставить Карма в Москву?

Начальник штаба сперва растерялся. Маршрут совершенно незнакомый. В Москве аэродромов не знает. Да и разрешат ли полет ему?

Тюлян связался непосредственно с командующим 1-й воздушной армией генералом Худяковым. Тот понял, что дело не терпит отлагательства. "Пусть де Панж летит. В Москве его встретят. Помогут" — таков был ответ.

Жан был вне себя от радости: наконец-то и к нему пришло настоящее дело! Конечно, и волновался. Ведь предстоял не просто перелет на аэродром подскока, а в самую Москву. Надо как следует подготовиться.

Пользуясь оказией, Тюлян вручил де Панжу для передачи генералу Пети подробный отчет обо всем проделанном эскадрильей. Отчет затребовал сам де Голль.

Прослышав о том, что де Панж посетит военную миссию, Ив Бизьен примчался к нему, сунул в карман запечатанный конверт.

— Передашь Люси, — сказал скороговоркой. — Только не забудь. Учти, это очень важно для нас обоих.

— Малыш Бизьен хочет навсегда заполучить любвеобильное сердце Люсетт? — не удержался де Панж.

— Не забудь же, обязательно передай, — повторил Ив, сделав вид, что не расслышал слов Жана. А потом валом повалили другие летчики:

— Люси и Жижки — наш фронтовой привет! Пусть ждут нас с победами.

На зорьке следующего дня связной У-2 взял курс на Москву. И через несколько часов Робер Карм очутился на операционном столе госпиталя в Сокольниках.

Улетал де Панж — его провожали чуть ли не все летчики и авиаспециалисты. А возвратился — почти никто не заметил. И была тому особая причина. За время отсутствия начальника штаба в эскадрилье произошло событие, затмившее все остальное.

Нередко то, чего очень и очень ждешь, однажды приходит просто, буднично, почти незаметно.

Получена шифрограмма, предписывающая поочередно отправить две пары истребителей на прикрытие пикирующих бомбардировщиков Пе-2.

Задание несложное. Но оно приобрело особую исключительность ввиду того, что эскадрилье оказали большое доверие, и она приступает к боевым действиям.

Чести выполнить первый боевой приказ удостоились Дюран, Прециози, Майе и Альбер. Вначале стартовали Дюран и Прециози. Ушли на задание ничем не выделявшиеся летчики, а вернулись героями дня: сбили по одному "Фокке-Вульф-190". Сбили! Об этом радировали благодарные бомбардировщики.

Дюрана и Прециози ждала восторженная встреча. Их буквально выхватили из кабин и начали подбрасывать, скандируя: "Вива! Bravo! Вива!"

В столовой им преподнесли фронтовые сто граммов.

— Знали бы о таком угощении, сбили бы еще по парочке, — пошутил Дюран.

— Немцы, видно, нюхом прочуяли, что нам могут преподнести такой дополнительный "паек": больше на глаза не попадались, — в тон ему прибавил Прециози.

— Шутки шутками, а дело-то как было? — спросил Тюлян.

— Сопровождаем Пе-два, подходим к линии фронта, смотрим — навстречу два самолета, — начал рассказывать Дюран.

— Я сначала подумал, что возвращаются с задания советские, — перебил его Прециози.

— А я всмотрелся — контуры не те, на "фоккер" смахивают, — продолжал Дюран. — Передаю ведомому по радио. А дальше все пошло само собой. Фашисты ринулись в атаку на Пе-два. Одного из них я взял на себя, другого поручил Прециози. Крутым виражом заходим гитлеровцам в хвост. Гляжу и глазам своим не верю: Прециози дал очередь и, представьте себе, прямо по кабине. Фонарь — вдребезги, самолет — вверх колесами. Я увлекся этим зрелищем, потерял из виду "своего". А тот, видя такое дело, давай удирать. Вот тут-то я и проверил "яка". Дал полный газ, настиг фашиста, взял на прицел. Честно говоря, не надеялся сразить. Уж слишком быстро, скоротечно, легко и просто все вышло.

— Легко и просто? — спросил Тюлян. — А помнишь канатоходцев в цирке? Ведь не ходят, порхают. Легкость и простота зависят от мастерства. Поздравляю вас с первой победой! — Комэк обвел всех пристальным взглядом острых серых глаз, — Советую всем еще и еще расспросить Дюрана и Прециози о перипетиях боя, это вам пригодится. Они первыми прошли боевое "крещение", ими открыт счет воздушным разбойникам Гитлера, сбитым "Нормандией". Всем надлежит умножать этот счет. Даст бог, Майе с Альбером также вернутся сегодня с победой.

— Кстати, им уже двадцать минут назад следовало быть здесь, — обеспокоенно вставил Литольф,

— Ив самом деле, — озаботился Тюлян, взглянув на часы. — Неужели что-то случилось?

Радость первых боевых удач начала сменяться тревогой за судьбу товарищей. Они тоже ушли на прикрытие Пе-2, но по более далекому маршруту — в тыл противника. А если учесть, что истребители прикрытия без конца маневрируют, их путь становится намного длиннее. Необходимо помнить также, что в воздушных схватках пилоты с расходом горючего не считаются. Стало быть, очень вероятна вынужденная посадка.

Под вечер над аэродромом появился самолет Пе-2. Все вышли встречать его. Командир полка бомбардировщиков прилетел лично поблагодарить Дюрана и Прециози. Чуть позже пришла радиограмма от командарма — тоже с благодарностью за отличное прикрытие.

Все сразу почувствовали, что некоторая сдержанность и сухость, наблюдавшаяся со стороны русских до сих пор, сменяется теплотой, полным доверием. Такой поворот в отношениях поднимал настроение, окрылял.

Однако ни у кого из головы не выходили Майе и Аль-бер. Что с ними? Где они? Неужели за успех боевого вылета первой пары пришлось заплатить жизнью двух других летчиков?

Проходил час за часом — никаких вестей. Спать легли с надеждой: утро вечера мудренее — все прояснится. Никому не хотелось верить в гибель веселого, всегда оптимистичного Ива Майе и одного из бравых "мушкетеров" Марсея Альбера.

Надежды на лучший исход оправдались. Какими каналами шло сообщение, сейчас трудно сказать, но в конце концов в штабе "Нормандии" раздался долгожданный телефонный звонок. Лейтенант Жан де Панж поднял трубку и принял для себя приказ: погрузить на У-2 несколько канистр с бензином, запасной винт и отправиться на выручку пилотов, совершивших вынужденную посадку.

Майе, заправив машину горючим, взлетел и прибыл на аэродром раньше. С Альбером же пришлось повозиться — меняли в истребителе сломанный винт, в селе рядом раздобывали лошадей, чтобы вытащить "як" из грязи на более-менее укатанную дорогу.

Последним, естественно, вернулся тихоход де Панжа. Вернулся с приключением: барахлил мотор, лейтенанту довелось садиться у какого-то населенного пункта, где его

арестовали вооруженные винтовками люди. Теперь-то "нормандцы" и его встречали как героя! Еще бы! Ведь он спас больного механика, выручил из беды двух пилотов!

— Жан, ты становишься популярной личностью, — заметил Жозеф Риссо. — Заберешься на вершину славы, смотри, не забудь старых друзей.

— Выше вас, истребителей, мне на У-два все равно не взобраться. Так что из-за меня вашей славы не убудет, — парировал де Папж.

— Прекращайте перепалку! — вмешался Дервиль. — Пришло время послушать, как поживают в Москве наши очаровательные девушки.

— Вот это другой разговор! — оживился лейтенант. — Жаль только, новостей у меня нет: пакет взяли прямо на аэродроме.

Больше всех от такого оборота дела страдал Бизьен. Он был единственным, кто вчера встречал Жана — ждал ответной весточки от Люси. Но узнал, что письмо тоже передано через третьи руки. Дойдет ли? Сейчас Ив стоял в сторонке с грустным видом. Никто из остальных не трогал его. Понимали: не тот случай;

— А что слышно о Жозефе Пуликене? — поинтересовался Тюлян.

— Он сейчас в Лондоне, — ответил де Панж.

Властно вступала в права первая в жизни "нормандцев" дружная русская весна. Летчики и авиаспециалисты не переставали удивляться ее неудержимому натиску. Сначала все вокруг с невероятной быстротой превратилось в сплошное море и непроходимую грязь. Потом так же внезапно паводок спал, и сразу местность начала покрываться изумрудной зеленью. Подобных резких превращений в природе французам еще не приходилось наблюдать нигде. А повидали они света о-го-го! Но лишь в России почувствовали, какое это великое торжество — приход весны!

Правда, времени для лирических вздохов в связи с происходящими вокруг переменами почти по оставалось:

вместе с бурным наступлением весны нарастала и боевая активность эскадрильи. Тому было простое объяснение: подсыхали освободившиеся от снега аэродромы и с обеих противостоящих сторон с каждым днем, несмотря на стратегическую паузу, наступившую после сокрушительного разгрома гитлеровцев под Сталинградом, увеличивалось количество самолето-вылетов. Всем было ясно: идет обоюдное накопление сил и средств для новых жесточайших боев. Самый верный признак этому — все учащающееся появление немецких авиационных разведчиков и вообще самолетов, в том числе и нового типа — "Фокке-Вульф-190А", имевших мощное вооружение.

Офицер штаба дивизии, который побывал в эскадрилье, в беседе с летчиками сказал, что главные события летней кампании, возможно, разыграются в районе Курска и Белгорода, где образовался огромный выступ, удерживаемый войсками Центрального и Воронежского фронтов. А еще он сказал, что в Красной Армии помимо "Нормандии" действует отдельный чехословацкий батальон и создается Первая польская дивизия имени Тадеуша Костюшко.

Все эти новости возбудили у французов предчувствие больших и важных событий, помогли им еще раз утвердиться в сознании, что они сражаются за правое дело, коль теперь у них есть собратья по оружию из других поработанных фашистами стран.

Весна великих ожиданий — так впоследствии скажут об атом периоде истории.

Весна невосполнимых утрат — так будут говорить потом "нормандцы".

13 апреля — день как день. Но ведь тринадцатое.

Ни Бизьен, ни Дервиль, ни Познански не любили это число. И, конечно, предпочли бы отсидеться в такой день на земле. Когда по дороге на аэродром показалась черная кошка, летчики отвернулись и сразу сникли духом. Друзенков посоветовал французам, улыбаясь: мол, сплюньте трижды через левое плечо, и все будет в порядке. Суеверием, так сказать, ударьте по суеверию.

Механики, как всегда, с трех часов утра, хлебнув чаю — "а-ля рюс" — вприкуску, начали готовить машины. Они не знали, что именно сегодня произойдет первый крупный бой в небе и некоторым из них придется принимать новые самолеты — на аэродром возвратятся не все.

В 6.00 поступил приказ: шестеркой "яков" прикрыть наши войска, находящиеся на марше. Группу возглавил сам командир эскадрильи.

Тюлян уже несколько раз водил истребителей на воздушные схватки с противником. Но только его механик Жан Калорб, заместитель комэска Литольф и его механик Андре Ларриве знали, что на счету майора уже есть сбитый "месс".

Еще в конце марта Тюлян с Литольфом отправились знакомиться с районом предстоящих полетов. В их задачу совершенно не входило появляться в опасных зонах. И все же смельчаки не удержались, отклонились к линии фронта. Прошлись над передним краем, начали возвращаться назад. Вдруг за ними увязалось несколько Ме-109. Избежать схватки не представлялось возможным. "Будь что будет", — сказал себе Тюлян, развернулся и пошел в атаку. Литольф тоже ввязался в схватку.

Действовали по принципу: "каждый за себя, один бог — за всех", издавна заведенному во французской авиации и прочно укоренившемуся в сознании "нормандцев". Вначале, опешив от энергичных действий "яков", фашисты растерялись. Один из них, пытаясь изменить маневр, подставил "брюхо" под прицел Тюляна. Длинная очередь — и гитлеровец, не выходя из крепа, закувыркался к земле.

Мастерство или случайность выручили майора, он и сам не знал. В следующую минуту Жан увидел, что Литольф отбивается от двух "мессеров". Бросился на выручку, а навстречу — еще один воздушный пират. Тюлян нажал кнопку огня — и пушка, и пулемет молчат. Кончился боезапас!

Туго, очень туго пришлось бы командиру и его заместителю, если бы, откуда ни возмись, не появились "лавочкины".

Французы приземлились на аэродром с небольшим опозданием. На это никто не обратил внимания. Пилоты во избежание взбучки от русского командования о своих приключениях умолчали. Жан Калорб и Андре Ларриве, осмотрев самолеты, не поверили своим глазам: весь боекомплект израсходован. Литольф, увидев замешательство помощников, тихо сказал:

— Для одного "месса", сбитого комэском, это, конечно, многовато, но если будете держать язык за зубами, обещаем исправиться: расходовать снаряды и патроны с большей эффективностью.

Помня тот случай, Тюлян перед вылетом во главе шестерки, в которую вошли и Бизьен, Дервиль и Поз-напски, всех предупредил:

— При схватках не увлекаться, строго соблюдать правила осмотрительности, стрелять короткими очередями, попусту в белый свет не палить.

О групповой тактике, взаимодействии и выручке в бою не было сказано ни слова. Такие термины еще никак не могли войти в лексикон "нормандцев". Им ближе и привычнее оставалась пока тактика индивидуальных действий, за которую, к сожалению, приходилось платить очень дорогой ценой.

Шестерка стартовала. Пошла в район Спас-Деменска.

Вскоре из-за облаков вывалились 10 "фоккеров".

— Алло, "Нормандия"! Четыреста сорок четыре! — дает предупреждение Тюлян. "444" — условный радиосигнал: "Вижу противника".

— Понятно, — звучит в ответ.

До сих пор была группа истребителей Як-1 из трех боевых пар. Как только они сошлись вплотную с фашистами, стало шесть самостоятельных истребителей. Их пилоты отважны, решительны, самоотверженны, но действующие в одиночку, как кому вздумается, и заботящиеся только о том, чтобы любой ценой сбить врага. "Нормандцы" тогда еще не знали знаменитых строк советского поэта: "Врага уничтожить — большая заслуга, но друга спасти — это высшая честь!" Воздушный бой воспринимался ими как стихия, в которой ты выигрываешь или проигрываешь в зависимости от выучки и самой обыкновенной удачи.

Согласно этой теории в воздухе и разыгрался неуправляемый бой — без какого-либо тактического замысла и взаимопомощи между летчиками.

В смертельной схватке вертится ревуший моторами, изрыгающий огненные трассы клубок, из которого то и дело выпадают и, кувыряясь, несутся к земле охваченные пламенем машины. Кто как действует, чья жизнь оборвалась — трудно, пожалуй, невозможно разобраться.

Ожесточенная схватка длилась ровно столько, на сколько хватило запаса горючего и боеприпасов. После этого стороны разошлись. Немцы недосчитались трех "фоккеров" — их сбили Тюлян, Майе и Дюран. Комэск ведет назад только три "яка". С ним нет Ива Бизьена, Раймона Дервиля, Андре Познански.

На исходе второй недели боевых действий — траур, черный день в жизни эскадрильи.

— Попробуй-ка теперь не верить в это проклятое "тринадцать", — горестно произносит Литольф.

К "нормандцам" прибывает командарм — генерал-лейтенант авиации С. А. Худяков. Он долго говорит с Тюляном, выясняя причины столь больших потерь. Внушает ему, на одной смелости "домой" не прилетишь. Самым виртуозным пилотажным и огневым мастерством воздушного превосходства не достигнешь.

— Нам не нужны победы такой дорогой ценой, — говорит бывалый генерал. — Вы должны научиться коллективным методам боя, стоять друг за друга горой, иначе от эскадрильи может остаться лишь название. Только сражаться начали, а вас уже осталось одиннадцать!

Мишель Шик переводил слово в слово. Трудно, очень трудно воспринял Тюлян советскую науку побеждать.

Внимательно выслушав командарма, Жан сказал:

— Мы учтем ваши советы, генерал. Но есть и к вам просьба — дать нам возможность заниматься настоящей работой истребителей. А эти сопровождения, прикрытия, опять сопровождения...

— Хорошо, подумаем над этим, — заверил Худяков. — Однако и вы как следует помозжьте. Надо беречь людей.

— Задача ясна!

С напутствием командарма Тюлян направился к летчикам. Войдя в помещение, застал их за делом, смысл которого до него не сразу дошел.

— Пачка сигарет? — мрачно вопрошал Ив Майе.

— Марселю Альберу, — распоряжался Жозеф Риссо.

— Получай, дружище, — говорил Майе, наклонялся, брал из чемодана что-то другое и продолжал; — Перочинный нож немецкого производства?

— Ноелю Кастелену.

— Получай да о друге помни. Шелковый платочек с вышивкой?

— С какой вышивкой? — строго спросил Тюлян, догадываясь, что здесь происходит.

— "Сыну Раймону на счастье", --прочитал Майе"

— Ну и кому же велите вручить его, Жозеф? — Комэск круто повернулся к Риссо.

— Мой командир, давайте реально, без сантиментов, посмотрим на положение дел. Куда девать вещи погибших? Во Францию не отошлешь. Пропадут ведь. Вот мы и решили поделить их между собой.

— Авось кто-либо из нас выживет, хоть что-нибудь привезет родным после войны, — вставил Литольф.

— А до тех пор вещи друзей будут напоминать нам о них и взывать к мщению, — заключил Ролан де ля Пуап,

Майор Тюлян задумался. Прикинув так и этак, он сказал:

— В ваших рассуждениях есть своя логика. Только больно тяжело она воспринимается.

— Другого выхода нет, командир.

— Так уж и нет. Давайте-ка вещи павших в бою, составляющие семейные реликвии, учитывать и сдавать на хранение де Панжу и Жоржу Лебединскому.

— В этом есть резон, — согласился де ля Пуап. — Первым следует сдать Жану шелковый платочек Дервиля с вышивкой его матери.

— Следующее — серебряный портсигар Андре Познански с монограммой, — добавил Ив Майе. — А кому отдать авторучку Бизьена с золотым пером?

— Жан Луи Тюляну, — предписал Риссо.

— Получите, мой командир.

Майор долго печально смотрел на доставшуюся вещь, молча положил ее в нагрудный карман. По скулам ком-эска бегали желваки.

Генерал С. А. Худяков, вернувшись в штаб армии, собрал Военный совет.

— "Нормандцы" потеряли сразу трех лучших летчиков. Эскадрилью следует научить сражаться по нашему принципу: один за всех и все за одного. Какие будут предложения?

Слова попросил полковник С. П. Андреев, командир 404-й бомбардировочной дивизии:

— Обучить их тактике группового воздушного боя непросто. У французов некому ее показывать. А одними словами смельчаков-одиночек не проймешь.

— Где же выход? — спросил командарм.

— Приписать "нормандцев" к истребительной дивизии, пусть воюют с нашими мастерами воздушного боя. Живой пример, наглядность — лучший метод обучения.

— Генерал Захаров, как вы смотрите на это предложение? — обратился Худяков к командиру 303-й истребительной дивизии.

— Следует попробовать.

— А что думает ваш комиссар?

Встал начальник политотдела полковник Богданов:

— Здесь, товарищ командующий, двух мнений быть не может. Истребители должны летать с истребителями. Пусть им запрещено наше идеологическое воздействие, но воевать по-нашенски соратников по борьбе с гитлеризмом научим.

— Коль так, триста третья, то считайте, что отныне "Нормандия" передается под ваше оперативное подчинение.

Новость об этом привела летчиков эскадрильи в восторг. Вот когда они займутся настоящим делом! Свободная охота, кинжальные стычки с "мессами", что может быть лучше?!

17 апреля состоялся первый боевой вылет совместно с летчиками 18-го гвардейского полка. Предстояла штурмовка центрального аэродрома Сещенского аэроузла. "Якам" надлежало блокировать вражеских истребителей, пока Пе-2 будут наносить удары по четырём точкам базирования немецких бомбардировщиков. Операция сложная, имеющая далеко идущие последствия. В ее обеспечении, о чем, естественно, знали только те, кому положено, участвовали сещенские подпольщики и партизаны.

"Нормандцы" великолепно справились с возложенной задачей, проявив при этом незаурядное мужество и мастерство — уже с элементами коллективизма. Коль так, решило командование, эскадрилье можно давать больше самостоятельности. Тем более что обеспечивать авиацией все участки фронта становилось все сложнее; на счету были буквально каждый летчик и каждая боевая машина. Безусловно, совместные вылеты должны быть преобладающими. Нужно ненавязчиво, исподволь учить "нормандцев" советской школе воздушного боя. Любой урок хорош лишь тогда, когда его закрепляешь на практике.

Пришло известие, посеявшее тревогу за судьбы посланников французского мужества. Радио "Виши" передало сообщение о том, что Кейтель подписал приказ, согласно которому летчики "Нормандии" причислялись к франтирерам, то есть к партизанам, и посему в случае пленения подлежали расстрелу.

Эту новость сообщил прибывший Мирле. Сначала он рассказал о ней только Тюляну — не знал, как ее преподнести и как она будет воспринята.

— Ого, Гитлер набивает нам цену! — так среагировал комэск. — Выходит, мы уже стали ему костью поперек горла. Пошли к летчикам, расскажешь, пусть порадуются!

Эскадрилья отнеслась к услышанному так же, как и ее командир.

— Откуда же немцы узнали о нас? — погода спросил Литольф.

— Во-первых, из вашего пребывания в СССР никто тайны не делал. Во-вторых, вы ведете в воздухе радиоразговоры на родном языке. И, наконец, в "Правде" всему миру рассказал о вас Илья Эренбург, — ответил Мирле.

— А не пленен ли кто-либо из троих невернувшихся: Бизьен, Дервиль или Познапски?

— Об этом геббельсовская пропаганда ничего не передавала. Но даже если все трое погибли, их документы могли кое-что рассказать врагу.

— Как бы то ни было, — вслух размышлял Тюлян, — отныне никому из нас не улыбается перспектива попадать в плен. Фактически нам уже вынесен смертный приговор.

— Ну и что ж, — раздался слегка простуженный голос де ля Пуапа, — русские говорят, нет худа без добра. Своим приказом Кейтель вынуждает нас драться с предельной жестокостью. И мы будем так поступать.

— Правильно, Ролан! — резюмировал Тюлян.

В тот день "нормандцы" впервые самостоятельно штурмовали немецкий аэродром в Спас-Демепске. Все шло как по маслу: внезапно налетели, обрушили на землю шквал огня, подожгли несколько самолетов, благополучно взяли обратный курс. Но недосчитались Майе, того самого Ива, который лишь недавно делил имущество невернувшихся товарищей.

Тюлян бросает взгляд назад и видит ужасную картину: подбитая, вероятно, зенитным снарядом машина, оставляя за собой черный дымный след, идет на вынужденную посадку на оккупированной, изрытой траншеями территории.

Он поворачивает группу обратно, молит бога, чтобы Ив живым не приземлился: зачем дважды переживать смерть, притом последнюю — с нечеловеческими мучениями от издевательств садистов-гитлеровцев?

Но Майе тяжело ранен. У него хватает сил лишь сорвать с себя знаки принадлежности к "Нормандии", извлечь из бокового кармана удостоверение личности и все это выбросить за борт.

Группа Тюляна, встав в круг над пылающим, с горем пополам севшим самолетом, видит, как отовсюду к нему стекаются фашисты. Полоснуть бы по ним изо всего бортового оружия, так нет боезапаса. От собственного бессилия Тюлян лишь до посинения пальцев сжал штурвал.

Оккупанты прикладами разбивают остекление фонаря, извлекают истекающего кровью Ива, бросают его на броневики.

Группа Тюляна, грустно качнув крыльями, уходит домой.

Майе уже распрощался с жизнью. Но решил, что умереть всегда успеет. Избрал тактику молчания. Как будто все происшедшее отшибло ему речь. Ведь одного французского слова достаточно, чтобы понять, кто он есть.

Ив не учел только вот чего: гитлеровцам бросился в глаза трехцветный кок советского истребителя. Вражеские пехотинцы в этих тонкостях не разбирались, однако с немецкой педантичностью занесли результат осмотра машины в протокол. Молчащего пилота бросали из карцера в карцер, пока протокол не попал в руки более осведомленного следователя. И тогда Майе предъявили удостоверения личности Бизьена, Дервиля, Поз-нански. Все они были полуобгоревшими, с пятнами крови. Майе смотрел на фотографии дорогих друзей и понимал: это все, что осталось от них.

— Вы знали этих людей?! — орет в ухо толстый, мордастый следователь.

Ив, не выражая никаких эмоций, отрицательно качает головой. Его заставляют писать ответы, да обгоревшие пальцы не держат карандаш.

Майе бросают в концлагерь для советских военнопленных, которые, в конце концов, и спасли его: под приказ Кейтеля Ив не попал.

Ничего этого не ведали "нормандцы". Разделив небогатые пожитки Ива, отдав самое ценное на сохранение в штаб, они продолжали полную тревог, трудностей и опасностей боевую деятельность.

Пришло письмо из подмосковного госпиталя о выздоровлении Робера Карма.

За ним посылают Жана де Панжа. Место во второй кабине занимает Мишель Шик, направляющийся с поручением Тюляна в военную миссию.

В Москве де Панж внезапно заболел — продуло в самолете. Он остался в госпитале, а Шик вместе с Кар-мом явился к Пети:

— Что нам делать?

— Лететь.

— Каким образом?

— Садиться в кабину и лететь.

Генерал, в общем-то далекий от авиации человек, полагал, что все без исключения "нормандцы" умеют управлять самолетами различных типов.

Шик не стал разубеждать его. В свое время, читатель знает об этом, он учился в летной школе, имел в общей сложности 12 часов налета, правда, большую часть — с инструктором, но никогда не порывал с мечтой стать пилотом-профессионалом. А тут такой случай!

— Слушаюсь, мой генерал! — отчеканил он и вместе с Робером Кармом отправился на аэродром.

У-2 в конечном счете был сходен со стареньким "Потез-25", на котором Мишель начинал летную "карьеру". Шик решительно занял место в передней кабине, завел мотор, вырулил на старт, ушел на взлет. Набрав высоту 50 метров, — больше не полагалось, как объяснял де Панж, — он весело закричал:

— Ну что, Робер, и в самом деле не святые горшки лепят?!

Не слыша никакого ответа, оглянулся и... обомлел; задняя кабина оказалась пустой.

— Какая-то чертовщина, — испуганно проворчал Мишель. — Неужели со страху выпрыгнул. Так вроде не слышно было.

Гадать бесполезно. Надо возвращаться. Легко сказать! Ведь целых два года не сажал самолет. А тут подмосковный аэродром — техники на земле и в воздухе неупрокорот. "Что делать? Лететь дальше? А как доложу, куда пропал Робер? И дернул меня леший согласиться! На всю жизнь наживу неприятностей".

"Пойду все же назад. Наломая дров — будет легче с генералом Пети объясняться".

Развернулся — увидел очертания аэродрома: благо, не успел далеко уйти. С какой же стороны заходить на посадку? Направление ветра, вспомнился инструктаж, можно определить по авиационному флагу, поднятому над крышей командно-стартового пункта. Ага, вот и он, покрашенный в черно-белую шашечку. Висит без движения. Значит, безветрие. Уже хорошо.

У Шика взмокла спина, вспотели руки. Глаза лихорадочно ищут посадочную полосу, он с трудом определяет расстояние до земли. По мере снижения машины возрастает его напряжение. Шик готов к самому худшему, что может произойти в следующую секунду,

Но недаром русские летчики говорили: посади на У-2 медведя, он приземлится, только не мешай самолету. Двукрылая "стрекоза" действительно "сама" сделала свое: легко ткнулась колесами в землю и, подпрыгивая, совершила пробежку. Теперь оставалось срулить с полосы на прежнее место. Что-что, а это Шик сумеет сделать с настоящим шиком, тут премудрости особой не надо. Жаль, никто не увидит его триумфа!

Но вот Мишель начал вылезать из кабины, и за спиной раздалось:

— Браво, Шик! Молодец, Мишель! — возбужденно жестикулируя, в восторге кричал Робер.

Пилот спрыгнул с крыла, чуть ли не с кулаками набросился на Карма:

— Ты почему не сел? Почему не летел? Зачем остался на земле?!

— Мой командир, — оторопело отвечал Робер, — вы же ничего не сказали. Я думал, сначала попробуете сами...

— Значит, пусть Шик убивается, а я погляжу, как это произойдет? Ну и друга же я нашел себе! — все больше распалялся Мишель.

— Мой командир, если бы сказали-... Наконец Шик сообразил: сколько ни шуми, все без пользы.

— Садитесь, сержант! — зло приказал он и подумал, Что все предстоит переживать сначала.

Взлетели. Теперь для пилота самым страшным оказались поиски своего аэродрома. Он знал курс, расстояние, время полета. Но как точно определить местонахождение нужной посадочной полосы? За какой ориентир уцепиться? До сих пор такими вопросами не занимался:

было ни к чему. Начал мысленно перебирать все, что видел вокруг летного поля. Небольшая речушка. Заводская труба. Лесок на западе от аэродрома. Маловато. Все это есть или может быть почти у каждого поселка. Что ж, не выйдет сразу к месту посадки, будет осматривать все вокруг, пока хватит горючего. Главное сейчас — точно выдерживать курс, поглядывать на часы.

Хотя Шик обладал самыми элементарными познаниями и навыками пилотирования, все же сумел еще издали определить, что идет правильно: впереди как на ладони лежал аэродром. Повезло, что не встретился вражеский самолет, посчастливилось и здесь — безветрие.

Довольный, преисполненный законной гордости, Мишель сравнительно благополучно посадил У-2. Стал рулить-что такое? Одни Пе-2, никаких тебе "яков"! Неужели успели перебазироваться?

Остановился, выключил двигатель, смотрит, со всех сторон к его "стрекозе" стекаются офицеры, старшины и сержанты в... юбках. Себе не поверил — протер глаза. Точно, женщины. Вот так штука!

Увидев французскую военную форму, а Карм был в парадной — с пышными витыми аксельбантами, летчицы устроили обоим восторженный прием. Особые почести воздавались Роберу, которого "хозяйки" приняли за прибывшего по делам взаимодействия генерала. Сержант неловко переминался с ноги на ногу, не зная, как объяснить, что его принимают не за того, кто он есть на самом деле, что с ним подобное уже приключалось в Москве: на улице первыми отдали честь два советских полковника, а в ресторане "Москва", куда заходил за сигаретами, какая-то старуха назвала швейцаром.

Выручил Мишель. На чистом русском языке представился:

— Младший лейтенант Мишель Шик, переводчик аскадрильи "Нормандия".

Транспортирую сержанта Карма, — указал на Робера, — возвращающегося из госпиталя. С кем имею честь?..

Вперед выступила летчица в звании майора:

— Вы попали в женский бомбардировочный полк, экипажи которого ваши друзья не раз сопровождали на задания.

— Так это о вас наши истребители рассказывают легенды? Ну и женщины!

— Почему легенды? У нас действительно служат герои — посмотри не на награды.

Мишель обвел взглядом собравшихся — у каждой сияли ордена и медали.

— Слово "легенды" я употребил в лучшем понимании и вообще преклоняюсь, — расшаркался Шик. Он уже понял, что попал не на свой аэродром. Но как признаться в этом... женщинам?

— Милые девушки и дамы, — нашелся Шик, — мы приземлились, чтобы пополнить горючее. Будьте добры, выручите взаимнообразно.

— Конечно, заправим. А пока милости просим на обед.

Это было очень кстати: оба изрядно проголодались.

В столовой летчицы с шутками-прибаутками рассказали о себе, расспрашивали о французах.

— А как зовут такого круглолицего, добродушного, с большими голубыми глазами? — спросила симпатичная блондинка с аккуратной короткой прической.

— Наташа, когда и где ты успела так рассмотреть его? — не без умысла спросила быстроглазая подруга.

— Да понимаешь, шел рядом на задание очень близко, лицо было задумчивое, опечаленное. Шик догадался, о ком речь.

— Звали его Ив Бизьен Как и я, был он аспирантом, то есть младшим лейтенантом.

— Почему "звали"? Почему "был"?

— Бизьен не вернулся с полета. Тринадцатого апреля.

Тут как током ударило Карма:

— Ты говоришь об Иве? О Бизьене? Что с ним? Погиб? Пропал без вести?

— Да. А что?

— Да письмо ему везу. Люси проводывала меня в передала.

— Милый Робер, она уже знает обо всем, а о своем письме, вероятно, умолчала. Что теперь делать с ним?

— Подумаем сообща.

Сердечно, ласково провожали летчицы неожиданных гостей. Топливозаправщица хитро подмигнула:

— Горючего-то у вас полбака, а лететь всего двадцать минут, — показала рукой на запад.

— Да ото просто повод, чтобы па вас, красавиц, посмотреть, — отшутился Шик, а сам мысленно поблагодарил девушку за подсказку, в каком направлении и сколько лететь.

"Вот уж удивлю "нормандцев" новостью, что они не раз сопровождали летчиц на бомбежку!" — потирая руки от удовольствия, думал Мишель.

Взлет, полет и посадка теперь были для него парой пустяков. Однако последним, кого он буквально сразил, был комэск Тюлян.

Вскочив на крыло У-2 и увидев в первой кабине Шика, он не нашел ничего лучшего, как ошарашенно спросить:

— Ч-то в-вы з-здесь д-делаете? Мишель с достоинством выбрался из кабины, стал по стойке "смирно" и внятно доложил:

— Мой майор, лейтенант Жан де Панж простудился — лежит в госпитале. Генерал Пети распорядился доставить в эскадрилью сержанта Карма.

— А если бы он распорядился с-стать за ш-штурвал п-подводной лодки?

— Этого я совсем не умею, мой майор.

— Разрешите представиться по случаю возвращения из госпиталя для прохождения дальнейшей службы? — прервал диалог вылезший из задней кабины Робер. Отдохнувший, посвежевший, сияющий в новенькой парадной форме, он размягчил сердце вышедшего из себя командира.

Тем и закончилась одиссея Мишеля Шика, в которой, как шутили потом "нормандцы", были рогатые черти и голубоглазые сирены. А самое важное, все убедились: Мишель не лыком шит.

Жозеф Риссо высказал . по этому поводу общую мысль:

— Можешь считать себя прирожденным асом, пилот без диплома.

После этого долговязая, нескладная фигура приобрела стройность и целеустремленную подвижность. Естественно, сознание собственного достоинства возвышает человека.

За ужином Карм вынул из карманов туго завязанный полотняный мешочек и потертый конверт.

Все сосредоточили взгляд на первом.

— Что это, Робер?

— Да понимаете, — судорожно глотнул воздух, — тут особая история. Лежал я в палате с русскими офицерами. Все хорошо, только ужасными были часы посещений. Ко всем кто-то идет, что-то несут, а' я одинок как перст. Но однажды, уже перед выпиской, вошли в палату мальчик и девочка с красными галстуками и направились прямо ко мне. Думаю, ошибка, конечно. Кто здесь вспомнит обо мне? Нет, идут к моей кровати, четко отдают пионерский салют, произносят на нашем языке "бонжур" и вручают вот это. Меня вихрем смело с постели, хотя и чувствовал себя еще неважно. Обнял ребят, расцеловал, без конца восклицал "мерси". Дети смотрели на меня ясными, широко открытыми глазенками и счастливо

улыбались, а у меня по щекам катились горошины слез. Я решил не раскрывать мешочек до возвращения к вам. Очень хотел, чтобы вы пережили то же, что и я.

Глубоко тронутым "нормандцам" не терпелось увидеть подарок.

Карм бережно развязал шнурок, высыпал содержимое мешочка на стол. Пачка папирос, кулек с леденцами, сушеные сливы, печенье и кисет, на котором старательно вышито красной нитью: "Нашему дорогому бойцу".

— Вот страна, вот люди, — задумчиво произнес маркиз Ролан де ля Пуап. — Самим есть нечего, из последних сил выбиваются, а для нас, своих друзей, ничего не жалеют. Вечная загадка этот русский народ, необыкновенная у него душа!

Еще не улеглось волнение, как Робер объявил о письме Люсетт для Бизьена.

— Ума не приложу, что с ним делать теперь? — Карм поднял, со стола конверт и растерянно уставился на всех.

Выход подсказал Ноель Кастелен:

— Лебединский — один из хранителей семейных реликвий погибших, так сказать, доверенное лицо их родственников. Пусть, уединясь, прочтает письмо, чтобы знать, нет ли в нем каких-либо просьб, поручений и приветов нам. Следует выполнить все, чему представится возможность. Желательно также пересказать нам содержание письма, если оно не слишком интимно.

— Пожалуй, это приемлемо, — согласился Тюлян. Жорж бережно взял конверт и ушел в соседнюю комнату. Вернулся оттуда расстроенный.

— Конечно, всем нам приветы. А к вам, командир, — обратился к Жану Тюляну, — просьба: быть свидетелем со стороны Бизьена при оформлении брака Ива с Люси.

Все тяжело вздохнули, потупили взор.

— Такова сила большой, настоящей любви, — нарушил молчание Беген Дидье, — ее свет, как от погасшей звезды, еще долго виден людям.

— Да, — вспомнил Шик русскую летчицу, спрашивавшую о Бизьене, — вы знаете, что один из полков Пе-два, который вы часто сопровождали на бомбежку, — женский.

— Как это женский?

— Очень просто, в нем служат одни девушки и дамы. , — Не может быть! — возразил Альбер.

— Почему? — спросил Лефевр. — Разве ты не обращал внимания на то, как нежно водят они бомбардировщики, как ласково сбрасывают бомбы на головы врага?

Все засмеялись, только Шик сохранял серьезность,

— Я не шучу. В двадцати минутах полета от нас базируется женский полк. Вот и Карм подтвердит, — выпалил Мишель и осекся, поняв, что проговорился и "нормандцы" узнают, как он блуждал в воздухе.

Пути к отступлению были отрезаны. Пришлось рассказывать все по порядку.

— Вернется де Панж, отправим его для установления связи с этой воинской частью, — решил Тюляп.

— Кого сопровождали в воздухе, с теми не грех побродить по земле, — заявил Дюран.

Комэск бросил на пего колючий взгляд;

— Спать! Завтра снова бой.

Крепким сном спали под русским небом французские летчики, а в это самое время на их родине разыгрывалось остро драматическое событие, касающееся "Нормандии".

Грубый, бесцеремонный стук в дверь разбудил семью Ива Бизьена.

— Кто там? — испуганно спросил отец.

— Гестапо. Немедленно откройте! В комнату ввалились двое в гражданском с пистолетами и один в форме — с автоматом наготове.

— Где ваш фотоальбом?

Ничего не понимая, старик трясущимися руками достал из ящика стола толстый, в кожаном переплете альбом.

— Так, — начал лихорадочно листать страницы старший. — Ага, вот. Ну-ка, сличим.

Од достал из бокового кармана снимок, приложил к тому, что хранился дома. На обоих — улыбающийся Ив, в комбинезоне, возле учебно-тренировочного самолета.

— Где ваш сын?! — рявкнул гестаповец.

— Не могу знать, то есть вовсе не знаю, — пролепетал отец. — Последнее письмо было из базы Верней.

— Верней? Он предатель! Переметнулся к русским.

— Что с ним? Где мой сыночек? — вскричала мать.

— Все узнаете. Одевайтесь!

Отец, мать, старший брат Ива начали сборы. За каждым движением пристально следили агенты.

Никто из Бизьенов ничего не понимал. Думали, это простое недоразумение, их допросят и отпустят. Но они никогда не вернулись в свой дом. Их увезли в комиссариат полиции Дьеппа, а затем — в тюрьму Руана.

На рассвете те же гестаповцы ввалились в больницу, расположенную в тридцати пяти километрах от Дьеппа, где лежал с нарывом на плече младший брат Ива — Андре. Его схватили и увезли в тот же застеноч, несмотря на высокую температуру больного и протесты дежурного врача.

Наутро всех привели в канцелярию тюрьмы.

— Вот удостоверение личности Ива Бизьена. — Худой, бледный, в очках с толстенными стеклами следователь показал раскрытый документ. — Ваш сын и брат служил в эскадрилье "Нормандия". Согласно приказу Кейтеля все, кто служит в этой эскадрилье, в случае пленения, подлежат расстрелу как франтиреры. Иву Бизьену чудовищно повезло: попал к нам мертвым. Но рассчитывать за него будете вы. Мы сделаем все, чтобы о том узнали в "Нормандии". Пусть там подумают, выгодно ли сражаться против нас.

Членов семьи французского патриота оккупанты отправили в концентрационный лагерь в Компьене, позже, в вагонах для перевозки скота, — в Бухенвальд. Там их разлучили. Андре попал в лагерь Дора, на подземный завод, где производились снаряды Фау-1 и Фау-2. По бои. Допросы. Издевательства под музыку. Один за другим погибли родные Ива. Выжил только младший брат Андре.

Рассвет унес к линии фронта Тюляна, Бегена, закадычных друзей Литольфа и Кастелена. Они ушли на так называемую свободную охоту, право которой им было предоставлено командиром 18-го гвардейского истребительного полка подполковником Голубовым и подтверждено командиром 303-й авиадивизии генералом Захаровым.

Свободная охота — это поиск и стремительная атака. Пары действуют самостоятельно, не скованы в выборе решений и маневра, связаны только по радио — ведущий с ведомым. Так "нормандцев" учили русские, так тренировали их в воздухе.

Казалось бы, все ясно. Однако...

Пары разошлись по заранее обусловленным секторам. Цели искать долго не пришлось: противник тоже чуть свет поднимался в небо.

По всем правилам построив маневр, пары со стороны солнца пошли в атаку: Тюлян и Беген — на "фокке-вульфов", Литольф и Кастелен — на "мессов". Первые огненные трассы. Рассыпающийся строй. Закручивающиеся карусели. Беген вначале как привязанный держится за ведущим, надежно прикрывает его. Но вот в прицел подворачивается "фоккер". Поддавшись азарту, обо всем забыв, он бросает Тюляна и устремляется на врага. А тут, как назло, отказывает бортовое оружие. Беген из охотника превращается в зайца. Гитлеровец быстро сообразил, что к чему, и стал нагло, ведя огонь, преследовать его. У Бегена кончается горючее. На аэродроме оцепенели от ужаса, видя, как пират расправляется с их летчиком. Никто ничем не в состоянии помочь ему. И тут откуда ни возьмись появляется Тюлян. Он вышел из боя и поспешил на выручку товарищу. "Фоккер", выпустив по идущему на посадку истребителю очередь, вынужден ретироваться.

Точно такая же картина, только с другим исходом, произошла у Литольфа с Кастеленом. Последний, как и Беген, не осилил соблазна самому сразить "месса", увлекся и все-таки

вогнал его в землю. А Литольф-то остался без прикрытия. Не обладай он столь высокой выучкой, ему бы пришлось туго.

В конце концов все четверо вернулись целыми, невредимыми. Кастелен даже открыл личный боевой счет. Однако бой прошел сумбурно, скомканно, неорганизованно.

У французов предполетной подготовки, то есть инструктажа, не было, не проводили они и разбора полетов. Но сама жизнь, бесконечная цепь потерь подводили их к перенятию опыта организации полетов у русских. На этот раз помочь разобраться в недостатках пригласили лучших истребителей 18-го гвардейского полка — капитанов Сибирина и Федорова. Те со всех сторон проанализировали действия пар и подсказали, какие варианты боя могли быть наиболее эффективными. В конце разбора Литольф спросил:

— А как русские наказывают тех, кто бросает ведущих?

— У нас таких случаев почти не бывает. За это предусмотрено самое строгое наказание, — ответил Федоров.

Кастелену и Бегену пришлось коротать некоторое время в размышлениях под арестом. И случилось это как раз тогда, когда эскадрилья уже перебазировалась на аэродром, где стоял и женский бомбардировочный полк.

Пока устанавливались контакты и проводились совместные вечера отдыха, Беген и Кастелен отсиживались.

Так внедрялась в сознание "нормандцев" необходимость приобретения навыков группового воздушного боя.

О подвиге майора Тюляна, спасшего своего ведомого, о славных делах Литольфа, Дюрана, Лефевра рассказал в "Правде" Илья Эренбург. Он, как добрая фея, незримо летал с "нормандцами" и публицистическими выступлениями поднимал их патриотический дух, помогал эскадрилье в боевом становлении.

А французов удручало одно — с каждым днем редели ряды бойцов. Осталось в строю 10 пилотов: Тюлян, Литольф, Риссо, де ля Пуап, Прециози, Кастелен, Беген и "мушкетеры" — Альбер, Дюран, Лефевр.

Помнится, в последний приезд майор Мирле намекал/на ожидаемое пополнение. Но ничего конкретного им сказано не было. Так что перспектива оставалась мало утешительной.

Однако вскоре над аэродромом Хатенки появился Ли-2. Не зная, по какому поводу он прилетел, никто не обратил на него особого внимания. А он приземляется, рулит к покрашенным зеленым "якам" с трехцветными коками. Останавливается, выключает моторы, открывается дверца — и на землю в новенькой, с иголочки, парадной форме один за другим соскакивают французские летчики.

Тюлян глазам своим не поверил.

— Это кто? — подвернулся Дюран.

— Да подожди ты, — отмахнулся комэск, — дай самому разобраться.

В то же мгновение Дюран увидел, как удивленно расширились зрачки Тюляна.

— Неужели это ты, Пьер?! — воскликнул он, бросившись навстречу коренастому майору, на простом открытом лице которого под высоким лбом выделялись широкие вразлет брови, крупный выразительный нос.

— Жан, дорогой, конечно же это я, Пуйяд! — радостно закричал тот, заключая друга в крепкие объятия. Все молча наблюдали трогательную сцену.

— Откуда? Как? С какой миссией? — взволнованно спрашивал Тюлян.

— Привез тебе, дорогой, пополнение. — Пьер указал на молодых щеголей. — Прямо из Африки. Знакомся, — стал представлять прибывших с ним офицеров, — лейтенанты Андриен Бернавон, Морис Бон, Александр Лоран, Лндре Бальку, Лео Барбье, Анри Буб, Поль де Форж, Жеральд Леон, Жак Матис, Жан де Тедеско, Фирмен Вермей, Андре Ларжо, младший лейтенант — секретарь-переводчик Анатолий Коро.

— Пьер, — на глазах Тюляна выступили слезы, — ты даже не представляешь, как вовремя прибыл к нам с пополнением. Скоро убедишься: все, что было до России, — цветочки, а ягодки увидишь здесь.

— Неужели так трудно?

— Не то слово. Трудности не страшны, к ним привыкаешь.

— Что же тогда?

— Мы никогда раньше не теряли столько людей. А ты подбросил целую эскадрилью. Да каких ребят! Эх, и заживем теперь! Дай-ка расцелую тебя: у русских это высшая степень выражения благодарности.

Обоюдной радости не было предела. Тюлян уже прикидывал в уме, что "нормандцев" можно разбить на две группы, "перемешав" "стариков" с новичками. Вторым отрядом станет командовать Литольф.

Сначала же по поводу такого события следовало устроить хороший обед. Прибытие пополнения — случай столь значительный, что не мешало бы разориться на марсельский суп из устриц и омаров, да о них сейчас можно было только мечтать. Правда, Шик и Стакович невесть где раздобыли барана, а механик Ив Жакье доложил, что на ближайшей скотоводческой ферме достал фасоли. "Представьте себе, русские кормят нашим лакомством животных!" — с ужасом говорил он.

— Дю мутон авэк арико — баранина с фасолью — лучшего угощения сейчас не придумаешь. Готовьте! — проговорил Тюлян.

Пока новичкам рассказывали о не столь длинной, однако полной героизма истории эскадрильи, пока летчики знакомились друг с другом, механик Андре Ларриве потрошил барана, вовсю раскалял кухонную плиту.

Все бы ничего, да что-то чересчур долго фасоль не уваривается. Дрова неважные. К тому же горе-поварам невдомек, что фасоль совсем не та, которую едят во Франции. Чтобы ускорить дело, Жакье прикатил баллон со сжатым кислородом, с помощью которого продували и заводили моторы. Поддали в топку кислорода, сами отошли в сторонку перекурить.

Летчики, весело переговариваясь, уже направлялись в столовую, когда вблизи раздался глухой взрыв.

— Подождите, ребята, посмотрю, что там произошло, — молвил Тюлян.

За столовой он увидел удручающую картину: плита и навес разворочены, вокруг на земле валяются куски мяса вперемешку с фасолью.

Взгляд остановился на разорванном баллоне, и комэск все понял.

— Ну, спасибо, накормили, — только и сказал отряхивающимся Жакье и Ларриве.

И все же праздничный обед состоялся: не вся баранина была заложена в котел. Оставшуюся Ив и Андре быстренько поджарили и подали с салатом из... одуванчиков, который привел вновь прибывших в умиление. Оказалось, что Жакье, Ларриве и другие механики давно употребляют в пищу одуванчики, культивируемые во Франции как огородное растение. Сначала одуванчики кипятят, чтобы удалить горечь, затем листья освобождают от черенков, моют, нарезают, солят — через шесть-семь часов только пальчики облизывай. Таким образом боролись с весенним авитаминозом. Правда, летчикам о том не говорили: не было времени собирать и для них необходимое количество растений. А на этот раз решили хоть одуванчиками загладить оплошность. Врач Лебединский приказал отныне заготавливать и подавать всем на стол салат "а ля Жакье — Ларриве".

За обедом Тюлян с интересом слушал и рассматривал новичков. "Все они полны романтических устремлений, жаждут необычайных приключений. Такими были и мы", — не без удовольствия отметил про себя комэск.

В разговорах выяснилось, что многие имеют немалый боевой опыт. Вот Поль де Форж. Еще в 1939 году сражался под руководством Марселя Валена. Был сбит, взят гитлеровцами в плен. Позже — репатрирован в связи с серьезным ранением, исключавшим, по мнению немецких медиков, его возвращение в строй. Однако он уже в 1942 году, покинув родные места, предстал перед командующим ВВС "Сражающейся Франции" генералом Марселем Валеном.

— Хочу снова стать истребителем.

— В Россию поедете?

— Сочту для себя за честь.

Под стать де Форжу были и другие парни.

— Ну, а как ты, Пьер, попал к нам? — спросил Тюлян сидевшего рядом друга, с которым крепкие узы связывали его еще с 1930 года.

— Это целая одиссея. Ты знаешь, Жан, что после оккупации бошами Франции предатели-петеновцы направили меня в Индокитай командиром эскадрильи ночных бомбардировщиков. Служил в Камбодже. В октябре сорокового на "потезе" бежал в Китай. Оттуда — через Индию, Судан, Чад, Нигерию — добрался в США, затем — в Лондон. Встретился с генералом де Голлем. Он сказал: "Нормандия" сражается. Нужно усилить ее. Подберите летчиков и отправляйтесь в Россию". Вот как я очутился здесь.

— Ты сам подбирал летчиков?

— Да, многих знаю лично, а с Бернавоном бывал в боях. Заверяю: надежный парень.

Тюлян помолчал, потом сказал:

— Прекрасно, что вы приехали, — дали эскадрилье второе дыхание...

Новичков чествовали 12 июля, а через день отметили национальный праздник французского народа — День взятия Бастилии.

В эскадрилью прибыли летчики братского 18-го полка во главе со своим командиром Голубовым, а из Москвы приехал генерал Пети.

Вначале все шло по программе. На лесной поляне выстроился личный состав. Пети поздравил с праздником, после чего был приспущен трехцветный французский флаг, который, становясь на колено, торжественно целовал каждый "нормандец".

И тут с командного пункта дивизии поступила команда: срочно выслать истребители эскадрильи на сопровождение бомбардировщиков.

В воздух поднялись Ролан де ля Пуап, Лефевр, Аль-бер, Беген, Кастелен. В небе они примкнули к истребителям 18-го гвардейского полка и вскоре приняли сигнал "Вижу противника".

Бой был жестоким. Несколько вражеских машин упало на землю, остальные спаслись бегством. Из "нормандцев" без повреждения возвратился только Лефевр.

Пулеметная очередь раздробила в самолете Бегена законцовку левой консоли. "Як" стал плохо слушаться рулей. Это злило Дидье. Он сел на первый попавшийся промежуточный аэродром, представился хозяевам, попросил обыкновенную ножовку. Все, кто мог, собрались посмотреть, что будет делать француз. А Беген преспокойно отпилил часть крыла, запустил мотор и отправился "домой". Друзья долго не верили в возможность такой "операции". Изучали срез, рядили-судили, и сошлись на том, что тут действительно поработали пилой.

Де ля Пуап на "яке" с акульей пастью на фюзеляже (по настоятельной просьбе пилота ее нарисовал механик Жорж Марлей) приземлился и вылез из кабины, то и дело вытирая платочком сочащуюся из уха кровь.

— Скорее раскрывай свою аптеку, Жорж, — обратился он к Лебединскому, горестно улыбаясь.

Что толку было в той аптечке — деревянном зеленом ящике с красным крестом на крышке, — которую врач всегда таскал за собой: там, кроме ваты, бинтов, йода, пилюль и бутылки из-под спирта (испарился во французских глотках — шутили летчики), ничего не имелось.

Лебединский обследовал ухо, поставил диагноз:

— Лопнула барабанная перепонка. Ничего страшного, до свадьбы заживет.

Упреждая события, скажем, что де ля Пуапа пришлось срочно отправлять в госпиталь, где он вместе с Лефевром, подхватившим желтуху, провел целых три недели.

Перед взлетом к Ролану подошел Литольф:

— Вы хоть сбили того, из-за кого пострадали?

— Определенно сбил бы, да забыл снять предохранители с оружия, — зло сплюнул Пуап.

— Вам не акулу, а ворону следует нарисовать, — процедил сквозь зубы заместитель комэска. Его раздраженность можно было понять: в строю оставалось все меньше опытных бойцов.

Не успели улечься страсти, вызванные происшедшим с Роланом, как внимание всех привлекла появившаяся на горизонте машина Альбера. Почему она так странно летит? То поднимает нос, то опускает. И звук мотора прерывается. Что бы это значило? Подбит самолет? Ранен пилот?

А "як" между тем "приковылял" к аэродрому. На посадку Альбер пошел с выключенным мотором. Приземлился, вернее, плюхнулся в самом начале полосы. Первым встретившим его "нормандцам" сказал:

— Если бы не судорога руки, сел бы лучше. Оказалось, что вражеский снаряд повредил систему топливopитания. Но с помощью ручного подкачивающего насоса — альвейера — можно было лететь. 200 километров Альбер вручную питал мотор бензином. Потом неделю не мог летать: чертовски болели рука и плечo.

— Осталось дожидаться только Кастелена, — заговорил Тюлян. — Интересно, какой фокус он продемонстрирует?

А в это время командир 20-го истребительного полка Александр Петровец принимал машины, возвращавшиеся со штурмовки вражеских войск.

Считает самолеты и глазам не верит: взлетало 12, а вернулось 13. Что за ерунда? Такого еще в практике не бывало. Может, вражеский примкнул? Нет-нет, все — "яки".

Ничего не понимая, комполка идет навстречу последнему, заруливающему на стоянку истребителю. Трехцвет-вый кок. Француз! Как он попал сюда?

Из кабины вылезит, спрыгивает на землю и докладывает пилот:

— Лейтенант Настелен, "Нормандия".

— Здравствуйте, лейтенант Кастелен, — пожимает руку ему подполковник. — Какими судьбами?

С трудом удалось понять: в воздушном бою оторвался от своих, потерял ориентировку, вынужденно пристроился к встретившимся "якам".

Петровец связался с "Нормандией", обрадовал всех известием, что Кастелен жив-здоров, дозаправится горючим и прилетит.

Только в сумерках появилась возможность собраться всем в спокойной обстановке.

За столами полномoстным хозяином стал майор Жан Луи Тюлян — человек мужественный, твердый, упорный; великолепный пилот. Сверкая орлиным взором, он поднял бокал искрящегося шампанского, звонким голосом начал:

— Друзья, отмечая сегодня национальный праздник нашей страны, мы с гордостью повторяем крылатые слова генерала де Голля: "Франция проиграла сражение, но не проиграла войну". "Нормандия" подняла трехцветное французское знамя в старинном русском городе Иваново и, несмотря ни на что, сквозь бури и грозы пронесет его в Париж. Битва за освобождение нашей родины, которую мы ведем совместно с русскими братьями по оружию, продолжается. Независимость и величие Франции будут восстановлены. Вива!

Вторым берет слово заместитель Тюляна — Литольф, не менее отважный и умелый летчик. Он обращается к гостям:

— Дорогие русские друзья! В этот торжественный для нас день мы заверяем вас, что будем сражаться с фашистами до тех пор, пока наши руки будут в силах держать штурвалы, а глаза — видеть врага. Мы будем сражаться вместе!

Назревала важная события летней кампании 1943 года.

Новичков требовалось досрочно поставить в боевой строй.

Эскадрилье "подбросили" четыре "яка". На фюзеляже одного из них было выведено: "Дар православной русской церкви". Это вызвало немалое оживление среди французов. Они видели в наших хатах иконы, знали, что многие старики молятся богу, но чтобы церковь дарила самолет, такого прецедента еще не было.

— Командир, кому же вы отдадите этот божественный дар? — не преминул поинтересоваться Дюран.

— Нам говорили, — вмешался в разговор Пуйяд, — что в эскадрилью пришлют кюре. Хорошо бы, он оказался летчиком.

— Пусть стоит в резерве. Все мы представители разных вероисповеданий, так что, если потребуется, будем летать на нем по очереди.

С последними "яками" прибыли и русские механики. "Нормандцев" поразило, что работу, на которую французские специалисты тратили целые дни, они выполняли в считанные часы, притом с особо высоким качеством.

Вот тогда-то и возникла мысль о замене французских авиаспециалистов советскими. Тем более что у Тюляна уже скопилось немало рапортов от механиков с просьбой послать их учиться на пилотов. Часть авиаспециалистов постоянно болеет.

Тюляна доложил обо всем этом Мирле. Тот — Левандовичу, ставшему уже генералом. В итоге получили ответ: если желающих стать летчиками наберется 50 человек, будет организована соответствующая школа. В противном случае, по мере возможности, французские специалисты будут заменены русскими.

Начались тренировки прибывшего летного состава. Новички с особым энтузиазмом учились у выдавших виды ветеранов "Нормандии". Мечтали поскорее утолить жажду боя, и никто не хотел думать о том, что в первых же стычках его может постигнуть участь Бизьена, Дервиля, Познански... Быстро вошли в строй не все. Становление некоторых явно затягивалось. Видимо, сказывалось то обстоятельство, что не каждый сказал правду о налете, то есть о количестве часов, проведенных за штурвалом в воздухе.

Пьер Пуйяд "оседлал" боевой Як-1 после трех учебно-тренировочных вылетов и тридцати минут сложного пилотажа на спарке Як-7. Первым боевым заданием стала для него разведка над линией фронта длительностью час двадцать минут. После этого он стал ведомым Тюляна.

...5 июля началась Курская битва. Началась не так, как хотел Гитлер.

В 5.30 фашисты намеревались ринуться в наступление на Орел — Курск и Белгород — Курск. А в 2.20 войска противника, изготовившиеся к атаке, подверглись ураганному огню сотен наших артиллерийских батарей. Враг был в шоке. Он лишился фактора внезапности, но приведенную в действие огромную военную машину уже не мог остановить.

Яростное сражение произошло 12 июля на широком всхолмленном поле возле малоизвестной до тех пор Прохоровки. В крупнейшем танковом столкновении сошлось до 1200 танков. И крупновская сталь оказалась слабее советской.

К 18 августа орловский выступ гитлеровских войск был полностью ликвидирован.

В ходе Курской битвы враг потерял более полумиллиона солдат и офицеров, до 1500 танков, 3000 орудий, а также более 3700 самолетов, 33 из которых сбили истребители недавно доукомплектованной эскадрильи "Нормандия".

Но и она имела потери. Не вернулись с заданий лейтенанты Ноель Кастелеи, Альбер Прециози, новички Жан де Тедеско, Фирмен Вермей, друг Пуйяда — Адриен Бернавон. У последнего на малой скорости отказал мотор, "як" очутился в штопоре, потом-в перевернутом "на спину" виде. Бернавон не успел ни привести самолет в нормальное положение, ни выпрыгнуть с парашютом.

Острая боль пронзила сердце Пуйяда. Он начинал понимать смысл слов Тюляна: "Все, что было до России, — цветочки..."

А следующий удар потряс всю "Нормандию", 16 июля в районе Красниково погиб Альбер Литольф. Он сдержал свое слово: сражался до тех пор, пока рука держала штурвал, а глаза видели противника. 14 фашистских самолетов сбил аскет-мечтатель, но вражеская пуля подстерегла героя.

Жан Луи Тюляна, скрипнув зубами, сурово сказал Пуйяду:

— Завтра, Пьер, мы отомстим за Альбера. Назначаю тебя командиром второго отряда вместо него.

Дни были напряженнейшие. "Нормандцам" приходилось действовать по солнцу — от его восхода до захода не покидали кабин. Ели и спади прямо на аэродроме. Как непохоже все это было на войну, которую помнили по Ближнему Востоку: номер в отеле, бар, вино, очаровательные крошки!

Следующий рассвет застал Тюляна и Пуйяда на ногах. Эскадрилью подняли по тревоге. Пьер еще не успел принять второй отряд и оставался ведомым Жана. Сколько лет их связывает верная, крепкая дружба! Еще с училищной скамьи в Сен-Сире. Потом учеба в авиационной школе Версаля. В один день получили дипломы пилотов. Жан пошел по следам своего отца-авиатора, погибшего в летной катастрофе, и дяди-генерала, хорошо известного в ВВС Франции. С 1939-го по 1943 год Пуйяд и Тюлян не виделись, встретились только в русских Хатенках. Каждый мысленно поклялся не расставаться до победы, до освобождения Франции.

"Жан остается тем же спартанцем, каким был всегда. Внешне сдержан и даже холоден, он умеет внушить к себе любовь и уважение. Без полетов не мыслит жизни. Презирает опасность, любит риск, превыше всего ценит решительность и отвагу. Чтобы первым взлететь, спит в приаэродромной землянке. Когда летчики, живущие в сельских избах, приезжают к самолетам, он встречает их отдохнувший, выбритый. Кажется, ему незнакомы физическая усталость и нервное истощение. С неизменной улыбкой на устах Жан находит выход из самых сложных ситуаций. На него равняются все летчики. Недаром русские говорят, что завидную репутацию "Нормандии" на девять десятых создает Тюлян. Мой давний знакомый Жозеф Пуликен не ошибся в выборе: передал эскадрилью в надежные руки".

Обо всем этом думал Пьер Пуйяд, готовясь к вылету на рассвете 17 июля.

Они стартовали и направились к линии фронта. Собственно, линии фронта на участке уже не было. Фашисты сначала отступали, потом пустились в беспорядочное бегство. Это вызвало бурю восторга у "нормандцев". Поражение гитлеровцев под Орлом и Курском укрепляло их веру в возвращение да родину, веру, которая умножала силы, помогала побеждать врага.

С земли сообщили: "Раяки, в районе станции Знаменской-большая группа "фокке-вульфов".

Жан Луи Тюлян сделал змейку, осмотрелся и увидел стаю гитлеровских хищников.

— Внимание, приготовиться к атаке! — передал он по рации.

Пары рассредоточились и устремились на врага. Пьер не успел глазом моргнуть, как оказался с Жаном в гуще "фоккеров". Ведомый старался не упускать из виду своего дерзкого, отважного командира. И он, наверное, был единственным, кто видел, как пламя в сером облаке снарядного разрыва встало над ЯКом и Тюлян в смертельной конвульсии рванул самолет к солнцу.

НОВЫЙ КОМАНДИР

Гибель Жала Луи Тюляна сильно потрясла всю эскадрилью. Этому никто не хотел верить. В "Нормандии" знали: их комэск — боец-виртуоз, мастер маневра и огня, способный выйти невредимым из самой сложной ситуации.

Тюляна любили. Всем нравились его улыбка, подтянутость, упругая, энергичная походка. Привыкли к строгому командирскому тону, сдержанности в спорах, решительности в суждениях. И сейчас без него, без всего того, что было связано с ним, никто не мог представить себе эскадрилью. Тюлян был ее командиром и ее душой, а такое признание дано заслужить далеко не каждому.

Вспомнились слова Друзенкова, когда он возвращался в свою дивизию. К русскому майору французы крепко привязались и говорили, что вряд ли кто-нибудь им его заменит. Павел Иванович ответил тогда:

— Нет людей незаменимых, есть люди неповторимые.

Вот таким, неповторимым, и был Жаа Луи Тюлян. Угнетало еще и то, что его нельзя достойно похоронить, не удалось даже примерно установить, в каком месте упал самолет.

...В тот последний день он был особенно решителен и неистов. Почти все пилоты сделали уже по два-три вылета, а он все посылал и посылал их на задания — не хотел, чтобы эскадрилья отстала от 18-го гвардейского полка в боевых делах.

Врач Жорж Лебединский предупреждал:

— Мой командир, летчики устали.

— А русские не устают? Ситуация такова, что нельзя отсиживаться на земле.

Следующую группу Тюлян возглавил сам.

На этот раз механик Жан Калорб не дождался ни своего самолета, ни своего командира.

...Большие потери французской эскадрильи обеспокоили советское командование. К "нормандцам" срочно вылетел генерал Захаров. Он застал всех в сборе, а Мишеля Шика — за маршевым журналом.

Командир дивизии внимательно полистал четко, аккуратно заполненные страницы:

— Чья работа?

— Лейтенанта Жана де Панжа.

— Отлично! Не напрасно его оставили служить в военной миссии.

— Это временно...

— Почему?

— Рвется к нам обратно.

— Молодец! Все вы орлы. Только вот... — густой бас Захарова дрогнул, завибрировал, — ну-ка, Шик, зачитайте список потерь за эти дни.

Мишель нашел последнюю законченную страницу и сдержанно, то и дело глотая подступающий к горлу ком, начал:

— "Четырнадцатого июля тысяча девятьсот сорок третьего года лейтенант Жан де Тедеско пропал без вести в районе Орла; шестнадцатого июля в районе Красниково погибли в воздушном бою капитан Альбер Литольф и лейтенант Ноель Кастелен, не вернулся на аэродром Адриен Бернавон; семнадцатого погибли в районе Орла Фирмен Вермей и командир эскадрильи майор Жан Луи Тюлян..."

— Достаточно! — воскликнул Захаров. Генерал прошел большую школу жизни. Рядовым летчиком-истребителем сражался с фашистами в Испании, потом, тоже добровольцем, воевал с японскими милитаристами в Китае, был командующим авиацией военного округа, еще позже командовал 43-й авиационной дивизией. На фронтах Великой Отечественной — с первого дня войны. Лично сбил 18 немецких самолетов. Теперь возглавляет 303-ю истребительную дивизию, в состав которой входит и эскадрилья "Нормандия".

Многое повидал Георгий Нефедович. Знал и радость удач, и горечь потерь. Но чтобы эскадрилья за неделю лишилась половины личного состава, с таким сталкиваться еще не приходилось.

Захаров из тех, кто не любит дипломатничать, сглаживать углы, а всегда рубит правду-матку в глаза. Подошел к Риссо:

— Скажите, Жозеф, если в воздухе вас постигнет неудача, кто будет виноват?

— Только я, — твердо ответил тот.

— Почему?

— Значит, в чем-то ошибся, что-то проморгал.

— А если ни то и ни другое?

— Тогда враг оказался умнее меня — все равно я виноват; надо было лучше готовиться к бою.

— А если и враг был не умнее?

— В таком случае, мой генерал, только глупость может быть причиной неудачи.

— Нет, Жозеф, дело не в глупости.

— А в чем же?

Георгий Нефедович глубоко задумался: как объяснить французам, что самые умелые, находчивые и отважные герои-одиночки обречены на гибель только потому, что лишены поддержки, прикрытия боевых друзей.

— Ну-ка, Альбер, подойдите ко мне.

Альбер направился к генералу, а тот ткнул его указательным пальцем в грудь. Марсель даже не покачнулся.

— Больно?

— Нисколько, мой генерал.

— А я чуть не сломал палец. Теперь попробуем иначе.

Захаров резко, но вполсилы, ударил Марселя кулаком в плечо. Тот пошатнулся, скривился от боли,

— Чувствуется разница?

— Еще как!

— А мне хоть бы что.

— Это естественно, ничего здесь нет особенного,

— Особенное, мой дорогой, вот в чем: если бы вы били врага не в одиночку, так сказать, растопыренными пальцами, а коллективно, то есть туго сжатым кулаком, избежали бы многих потерь. С нами могли бы быть сегодня Тюлян и Литольф — отличные летчики, рожденные для полета. Им и другим вашим товарищам не было цены. Мы гордимся тем, что в нашей воздушной армии воевали такие надежные бойцы-истребители. Но причина каждой гибели одна — это стремление к личной победе. А враг, он ведь не дурак, ему такая тактика на руку, он ловушки подстраивает, в которые вы бросаетесь очертя голову.

— Это правильно, генерал, — отозвался Беген Дидье. — Я тоже ломал голову над тем, почему так часто приходится делить имущество невернувшихся друзей. У вас в полках ведь потери гораздо меньше?

— Да, меньше.

— Война без потерь не бывает, — вмешался Пьер Пуйяд. — Однако жертвы жертвам рознь. Должен признать, что если бы мой друг Тюлян так резко не оторвался от группы, одиночкой не врезался в строй бомбардировщиков, то мы бы сегодня не оплакивали его.

Захаров внимательно оценивающе посмотрел на майора Пуйяда. Перед ним стояла трудная проблема: выбор нового командира. На эту должность могли претендовать ветераны эскадрильи: Марсель Альбер, Марсель Лефевр, Жозеф Риссо, Ролан де ля Пуап... Они уже прошли большую школу, имеют солидные счета сбитых самолетов. Но генерал все больше склонялся к тому, чтобы вручить эскадрилью Пьеру Пуйяду.

Чем он привлекал его? Прежде всего большим жизненным и боевым опытом. Ему тридцать два года — на десяток лет больше, чем другим. За его плечами почти два года

командования эскадрильей ночных истребителей. Побег из лагеря вишистов стоил ему трех смертных приговоров. Да, ничто не остановило Пуйяда в стремлении бить ненавистного врага, топчущего землю Франции.

В "Нормандии" он как-то сразу прижился, пришелся всем по душе. Поначалу тут немалую роль сыграла давняя дружба с Тюляном; любовь и уважение к командиру распространились и на его друга. А потом все осознали, что этот чрезвычайно целеустремленный человек с открытой душой и прямым честным взглядом и сам достоин уважения, достоин того, чтобы считаться с его мнением.

Когда все перипетии последних боев были детально проанализированы, "нормандцы" пришли к выводу, что только групповая коллективистская тактика позволит добиваться побед наименьшей кровью.

— До окончательного решения вопроса о командире, — сказал в заключение генерал Захаров, — исполнение его обязанностей возлагаю на майора Пуйяда. — Окинул всех внимательным взглядом; вроде бы это решение принято как должное. Что ж, тем лучше!

А еще через день, согласовав кандидатуру Пуйяда с военной миссией и французским посольством, Георгий Нефедович пригласил майора в штаб дивизии, где в торжественной обстановке объявил приказ о назначении его командиром эскадрильи "Нормандия". Тут же генерал вручил ему удостоверение личности НФ № 000 001 55 253.

Поздравив Пуйяда со вступлением в новую должность, он намекнул, что в ближайшее время предстоит еще одно приятное для всех французов событие. После чего, якобы спохватившись, снова перешел на официальный тон:

— Ожидаемые перемены, майор Пуйяд, будут возможны лишь при условии, что вы сумеете сохранять людей и себя. Смерть Тюляна опечалила всех нас. Мы не хотим больше переживать такого. Поэтому без моего разрешения запрещаю вам ходить на боевые задания.

Такое условие, естественно, не могло не расстроить рвущегося к схватке бойца. Но, сдержав эмоции, Пуйяд коротко ответил:

— Слушаюсь, мой генерал!

В душе он остался при своем мнении: командир есть командир и водить в бой подчиненных — его святое право.

Ровно через три часа после состоявшегося разговора Пьер во главе шестерки "яков" поднялся в воздух. Еще через четверть часа он докладывал генералу Захарову:

— Сегодня преподносим вам нашу тридцатую победу! Георгий Нефедович хотел было пожурить нового ком-эска, но, махнув рукой, засмеялся:

— Ох, эти мне французы!

Наступление советских войск усиленно развивалось. Вся истребительная дивизия работала с полной нагрузкой. Даже сам комдив водил полки в атаки. Как же при такой ситуации мог усидеть на земле Пьер Пуйяд?

"Нормандцы" под его руководством заметно подтянулись, стали в воздухе гораздо организованнее, не бросались на противника очертя голову, забывая обо всем на свете. Их успехи множились, а ряды не редели. Это радовало, как радовало и то, что французы были неутомимы. Дай команду — ринутся в огонь и воду днем и ночью.

Но однажды перед вечером Захарова обескуражил телефонный звонок. Говорил Мишель Шик:

— Мой генерал, комэск просит вас несколько изменить график полетов на сегодня.

— Чем вызвана просьба?

— Вот-вот должен прибыть генерал Пети с наградами для летчиков. Намечено отметить это событие за ужином, на который мы рады пригласить и вас.

Тоном, не допускающим возражений, генерал ответил:

— Месье Шик, извольте передать командиру, что задание остается в силе. Советские воины оповещены о том, что наступление сегодня будут поддерживать "нормандцы". Неужели вы хотите подвести их? Я скоро буду у вас.

Выслушав перевод, Пьер Пуйяд удовлетворенно улыбнулся:

— Этого я и ожидал. Вы, Шик, встречайте геяералов Пети и Захарова, а мы постараемся преподнести им подарок.

После старта девятки истребителей зашел на посадку самолет с генералом Пети и майором Мирле на борту. Вслед за ним на своем истребителе приземлился Захаров.

Шик отпартовал обоим генералам по всем правилам, проводил в штаб и стал рассказывать о событиях последних дней. Высокие гости слушали рассеянно. Пети побаивался, что какая-либо неудача испортит торжество. Захаров уже начал сожалеть, что был так категоричен в ответе на просьбу командира "нормандцев". Лишь майор Мирле оставался в добром настроении, улыбаясь такой загадочной улыбкой, будто привез весть, которую ничто не сможет омрачить. Шик удалось выведать, что он недавно вернулся из Алжира, а там приняты очень важные решения. Больше ничего Мишель выведать не смог.

Томительно тянулись минуты.

Шик включил приемник, нашел веселую музыку, однако и она не могла снять напряженности.

Разрядку внес только шум моторов возвращавшихся самолетов. Через секунду-другую они с ревом пронеслись над аэродромом. Все девять! Отлегло на душе, стало легче дышать. А есть ли победы? Гости знали о традиции эскадрильи: каждого сбитого фашиста пилот обозначает бочкой. Пока "яки" идут четким строем, им вроде бы нечем похвастать. И вдруг форсировал обороты ведущий — Пуйяд. За ним делает две бочки подряд один из ведомых. Ого, уже три победы. Но это не все:

стрелой ввинчивается в воздух замыкающий. Четыре!

— Отличился наш Пьер Пуйяд, два сбил Альбер Дюран, одного — Беген Дидье, — комментирует Шик.

— Молодцы! — обрадованно потирает руки генерал Пети.

— Ваши ребята — паша гордость! — поддерживает командир дивизии генерал Захаров.

— Если бы побольше учились у вас, были бы еще лучше, — замечает Пети.

— Смею вас заверить, генерал, что с Пуйядом дело пошло на лад. Он настойчиво прививает летчикам принципы коллективного взаимодействия в бою, принимает для этого решительные меры.

— Да, мне докладывали о его тренировках групп до седьмого пота.

— Зато и результаты налицо.

Ужин прошел в торжественной обстановке. На нем присутствовали и вернувшиеся из госпиталя Марсель Лефевр и Ролан де ля Пуап.

Генерал Эрнест Пети встал из-за стола, взволнованно обратился ко всем:

— Дорогие друзья! Я рад сообщить вам, что ваша доблесть, ваши заслуги по достоинству оценены Советским правительством. Указом Президиума Верховного Совета СССР от второго июля тысяча девятьсот сорок третьего года за образцовое выполнение боевых заданий на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом отвагу и мужество орденом Отечественной войны первой степени награждены Жан Луи Тюлян и Альбер Литольф — теперь уже, к нашему общему горю, посмертно. Орденов Отечественной войны второй степени удостоены Марсель Лефевр и Альбер Дюран.

Присутствующие дружно подняли тост за первых французских летчиков, получивших советские награды.

Ордена Тюляна и Литольфа при полном молчании были вручены на хранение майору Пьеру Пуйяду.

Стоя, минутой молчания почтили память павших. Именинниками дня стали Лефевр и Дюран.

Второй тост был настолько неожиданным, что казался неправдоподобным.

— Предлагаю тост, — торжественно произнес генерал Пети, — за отдельный истребительный авиационный полк "Нормандия" и за его командира подполковника Пьера Пуйяда.

Сначала зал столовой притих — все осмысливали услышанное. Потом — взрыв восторга. Летчики, все вместе, опрокидывая стулья, вскочили, бросились к генералам. От восторженных возгласов, аплодисментов дрожали стекла.

— Да здравствует полк "Нормандия"! Слава отважным французским добровольцам! — сочным басом перекрыл шум генерал Захаров.

— Ура! Ура! Ура! — троекратно по-русски ответили "нормандцы".

Когда страсти немного улеглись, встал вполне уместный вопрос: какой же это полк, когда и эскадрилья полностью не укомплектована пилотами?

— Оглашаю новый тост: за быстрееший ввод в строй пополнения, которое завтра прибудет! — провозгласил Пети.

Теперь возник вопрос у механиков: как быть с самолетами, их ведь мало?

— Устроят вас новые Як-девять, которые на днях вы получите? — произнес Захаров.

— А кто будет обслуживать их? — спросил Пуйяд.

— Русские авиаспециалисты, — ответил Пети. — А вы, парни, — обратился он к механикам, — отправляетесь в Раяк.

— Мы же хотели переучиться на летчиков?

— Пятьдесят желающих не набралось, а для меньшего количества русские не могут открывать школу.

— Когда же?

— Завтра. В Москве, ребята, вам дадут отдохнуть, на прощание с вами встретится командование Советских ВВС. — Я же от имени генерала де Голля, Национального комитета "Сражающейся Франции" и от себя лично благодарю вас за верную службу в суровых русских условиях, за многое сделанное вами во имя славы эскадрильи "Нормандия".

— Ура французским техникам и механикам! — поднялся из-за стола генерал Захаров. — Ура им и еще раз ура! Они с честью выполнили воинский долг. Мы всегда будем помнить о вас, о вашем нелегком труде, о ваших испытаниях. Спасибо вам!

Это был день сплошных сюрпризов. Сначала — четыре победы, потом — награды. Затем весенним паводком обрушилось то, о чем и мечтать не смели: полк, пополнение, новые самолеты, русский технический персонал. А в завершение генерал Пети объявил, что Марселя Лефевра увозит с собой в Москву — он, единственный француз — летчик "Нормандии" с орденом Отечественной войны на груди, избран делегатом Международного конгресса антифашистов.

Если и до сих пор были счастливые дни в истории эскадрильи, то этот оказался самым счастливым. Побольше бы таких!

Улетели Пети, Мирле, Лефевр. Стартовал Захаров. Летчики начали обсуждать перспективу, а техники и механики отправились упаковывать вещи.

— Мавр сделал свое дело и должен уйти, — философски заключил Робер Карм.

— А жаль, — возразил ему Марсель Анно, механик Лефевра, — мы только по-настоящему пристроились и поняли, что здесь к чему.

— Нас нужно переучивать на Як-девять. А русские придут подготовленными. К сожалению, только тринадцать наших ребят захотели стать пилотами, — сказал Ив Жакье.

— Несчастливое число, невезение, — раздался голос Андре Ларриве. — Будем опять загорать в Раяке! В это время у летчиков шел другой разговор.

— Вы знаете, — обратился ко всем Пьер Пуйяд, — что существование "Нормандии" висело на волоске?

— Как так?! — воскликнуло сразу несколько человек.

— Майор Мирле рассказал, что после наших потерь, гибели Литольфа и Тюляна чуть было не приняли решение расформировать остатки эскадрильи.

— Это кто хотел принять такое решение? — спросил Жозеф Риссо.

— Временное французское правительство в Алжире. Там нашлись люди, настроенные против нашего участия на русском фронте. Например, новый командующий недавно переформированной воздушной армией французских ВВС. Он считал, что наше

подразделение привлечено русскими по принципу идейных убеждений. Потребовал вернуть нас из России и распределить по воинским частям.

— Что же помешало ему продемонстрировать этот оригинальный трюк? — поинтересовался Марсель Альбер.

— Приезд майора Мирле. Он рассеял сомнения командующего, убедил его в нашем идейном нейтралитете, в том, что только "Нормандия" по-настоящему поднимает престиж всей авиации "Сражающейся Франции". После этого майору Мирле была разрешена вербовка пополнения для нас. И вот завтра мы увидим, какие люди подобраны...

Только теперь Мишель Шик понял, почему так загадочно улыбался майор Мирле — помощник главы французской военной миссии в Москве.

Утром встречали пополнение. Прибыли 23 летчика и два офицера-переводчика. Такого количества людей никто не ожидал, но ведь иначе не было бы полка! Да еще отдельного! Ведь это четыре эскадрильи вместо трех в обычной авиачасти, собственные ремонтные мастерские, в два раза больше технического персонала.

Среди новичков выделялись бравые, веселые, с отличной строевой выучкой Андре Ларжо, Луи Астье, Роже Дени, Ив Фару, Анри Фуко, Жан Рей, Ив Мурье, Жак де Сент-Фалль. Во взгляде строгих черных глаз последнего сквозила решимость немедленно броситься в бой и драться до последнего дыхания. Чувствовалось, что возможность попасть в "Нормандию", получить право один на один сходить с врагом в воздушных атаках досталась ему нелегко. Молчаливый по натуре, он неохотно рассказывал о себе. Ему, выпускнику школы пилотов в Истре, с приходом к власти вишистов пришлось заниматься чем угодно, только не летать. Был он даже смотрителем, попросту говоря, охранником самолетов, временно стоявших на консервации. Удрать по воздуху не представлялось никакой возможности. Что же делать? Пришлось изощряться, чтобы добиться освобождения от армейской службы. И лишь после этого с помощью друзей из комитета "Свободной Франции" через Испанию, Португалию попал в Лондон, а оттуда — в Москву.

— Сколько имеете часов налета? — спросил Пуйяд.

— Четыреста, — выпалил де Сент-Фалль, а в глазах на миг мелькнуло беспокойство.

Пуйяд подумал: "В лучшем случае — сто часов. Все прибывшие набивают себе цену".

— Хорошо, — сказал он, — идите устраивайтесь, скоро начнем тренировки.

Командир понимал: парни бредят боем, но им невдомек, что здесь совсем не Африка и даже не Англия, где враг совсем не тот и напряжение схваток иное. Тут война идет не на жизнь, а на смерть. Или ты врага, или он тебя — третьего не дано.

Пьер Пуйяд, приняв эскадрилью и формируя полк, не однажды сожалел о том, что нет в живых Тюляна. Слишком уж стремительно свалилась на него огромная, тяжелая ноша. Пуйяду бы с полгода походить под началом опытного, бывалого Тюляна, понять, прочувствовать, что к чему, с головой войти в курс дел, а вместо всего этого — с кратковременной роли ведомого комэска перелет на должность командира полка. И не где-нибудь, а в России, где многое, очень многое не так, как во Франции и других странах, где ко всему надо привыкать, приспосабливаться. Ответственность каменной глыбой навалилась на Пуйяда. Он боялся, что ему не удастся закрепить традиции Пуликена — Тюляна: продлить славу "Нормандии"; волновался за каждого летчика, за полк в целом.

Для него было очевидным только одно: все вновь прибывшие приписывают себе налет, и ни одного из них нельзя выпускать в бой без основательной, всесторонней подготовки. А где взять время? Его практически нет. Захаров сказал, что через две недели "Нормандии" предстоит большая работа.

А тут ко всему происходит смена самолетов и механиков. Правда, Як-9 мало чем отличается от Як-1: просто побольше дальность полета, скорость и потолок, более мощное бортовое оружие. Для ветеранов-"нормандцев" переучивание не составит труда, а новичкам все равно корпеть да корпеть, каким бы самолетом ни овладевали. Сложнее с механиками. Есть распоряжение отправить французов в Алжир, советские вот-вот должны прибыть. Надо

заново сплачивать коллектив, устанавливать полное взаимопонимание между летчиками и техническим персоналом. Это проблема, с которой ни Пуликен, ни Тюлян не сталкивались.

Смену механиков решено производить следующим образом: летчики перебазировываются на другой аэродром, где с русскими авиаспециалистами приступят к переучиванию на Як-9, а французский технический персонал останется на прежнем месте, откуда его заберут в Москву специально посланные самолеты.

Прощальный ужин затянулся допоздна. Он превратился в вечер воспоминаний. Жан Калорб — механик Тюляна — все время говорил о своем командире. Как и все в эскадрилье, он души не чаял в комэске и никак не мог смириться с мыслью, что его нет в живых.

Подобное происходило и с Ларриве — механиком Литольфа. Тот умудрился сохранить сигареты, которые отдавал ему некурящий заместитель командира эскадрильи. Сейчас, как бы в знак памяти о нем, Андре раздал залежавшиеся пачки, и тут же ароматный дым заполнил помещение столовой.

— Марсель Анно, ну-ка расскажи, как вы с Каррелем заработали выходной? — перешел на более веселую тему Ив Жакье.

— Когда это было? Такого что-то не помним. Выходных давно не предоставляли... — посыпались "шпильки" со всех сторон.

Анно отмахнулся, не стал в десятый раз повторять изрядно надоевшую историю. Тогда все пристали к Каррелю:

— Ну как все вышло? Да не стесняйся, свои же люди!

А произошло вот что.

Зимой "нормандцы" не успевали очищать аэродром от снега. Иногда приходилось взлетать прямо по белой целине. Чтобы самолет не скапотировал, не опрокинулся на нос, во время разбега механикам приходилось ложиться на стабилизаторы и, уцепившись в его закраины, телами прижимать хвост к земле до определенной скорости. Так делали многие, и всем сходило с рук. А вот Анно и Каррелю однажды не повезло. Тогда мела густая поземка. Она да снежный шлейф, поднятый винтом, ослепили авиаспециалистов, в результате чего они потеряли ощущение скорости. А когда, наконец, "соскользнули" со стабилизаторов, оба грохнулись на землю и очутились... по шею в воде. Пока сообразили, что провалились в воронку из-под бомбы, пока опомнились и выбрались из нее, промокли до костей.

— Робер Карм, а отчего бы тебе не повеселить нас рассказом о лыжном марафоне?

— Ничего веселого в нем не вижу.

— Как же? Такая красавица притащила тебя обратно!

Карм залился румянцем. Действительно, сплоховал на кроссе. Отстал от всех, думал — за поворотом догонит. Потом решил свернуть в деревню, поразвлечься. По лыжне легко было идти, а по непроторенному насту вскоре окончательно выбился из сил. Подвернулась какая-то молодуха, возвращавшаяся из города. Подкрепила нашедшимся в корзине сухарем и, волоча за концы палок, притащила Карма на аэродром. С тех пор он в лыжных прогулках не участвовал, предпочитал расчищать аэродром.

— Арман Люмброзо, твоя очередь, расскажи, почему Наполеон войну проиграл?

— Уж об этом могли бы не вспоминать.

— Из песни слова не выбросишь.

— Нет-нет, говори. Ведь только через сто тридцать лет и только тебе открылся величайший секрет.

Бедный Арман не знал, куда деться от острословов. А случилась с ним просто-таки банальная история. Когда механики прослышали, что вблизи аэродрома находятся кагаты, Люмброзо решил разведать, что в них хранится. Голодно было — надеялся раздобыть картофеля или бураков. Вылазка закончилась плачевно. Дед-сторож — белый как лунь — с такой же древней, как сам он, берданкой заставил его лежать на снегу на тридцатиградусном морозе до тех пор, пока по его сигналу — высигрелу не явилась подмога. Вернувшись несолоно хлебавши на аэродром, вконец обескураженный, Арман простуженным голосом заявил: "Теперь понимаю, почему кампания Наполеона в России закончилась бесславно".

— Жан Дарнело, как можно "сообразить" яичницу в противогазной сумке? — переключились шутники на другой объект.

— Жаль, что уезжаем, он бы еще проэкспериментировал.

Когда-то Жан покупал в селе куриные яйца. Сложил их в сумку из-под противогаза. На обратном пути на него напали собаки, сумка была единственным орудием защиты, и, конечно, то, что он принес, годилось разве что для гоголь-моголя.

— Роже Туртелье, а тебе так и не компенсировали первомайский паек?

Тогда к празднику всем выдали по бутылке вина, плитке шоколада и пачке сигарет. Роже решил приберечь свой паек на вечер: положил в "холодильник" — выкопанную у самолета ямку. Рядом стояла незакрытая бочка, на треть заполненная отстоем моторного масла. Водитель какой-то машины ненароком задел, перевернул бочку, разбил бутылку, все грязное масло стекло в "погребец".

— Раймон Тролле, как ты расщеплял самолетные винты?

— Альбер Анри, а ты нашел свои сапоги, потерянные при парашютном прыжке?

Вечер то и дело сопровождался взрывами смеха. Но нет-нет да и загрустит то один, то другой из улетающих. Еще вчера многие радовались, узнав, что убывают: очень трудно воевать в России. А когда наступил последний вечер, стало жаль покидать дружественную страну и "Нормандию", с которой столько связано, где все стали близкими, родными.

Ранним утром, крепко пожав руки своим боевым помощникам, в последний раз подготовившим самолеты, улетели на новый аэродром пилоты.

42 авиаспециалиста — сколько и прибыло в СССР в ноябре 1942 года, — а также переводчик Александр Стакович усадились на рюкзаки и чемоданы в ожидании обещанных самолетов.

Отдыхали день, два, неделю... Неумолимо истощались продовольственные запасы и денежная компенсация за питание. Перешли на подножный корм — таскали с колхозного поля картошку и помидоры.

Связи никакой, никто не прилетает.

Сколько еще пришлось бы ждать, неизвестно. Выручил всех лейтенант де Панж. Выручил тем, что в военной миссии поинтересовался: как прошел перелет механиков? Очевидцы рассказывали, что после этого вопроса наступило общее остоленение; никто никакой информацией об авиаспециалистах не располагал.

Боясь гнева генерала Пети, ему не стали докладывать об оплошности. Панж срочно улетел в Хатенки, застал там соотечественников отощавшими, но не потерявшими присутствия духа.

— Ну что ж, братцы, считайте это последним русским приключением, — утешил их.

Действительно, следом прибыли транспортные самолеты. Быстро все погрузились. Прежде чем взять нужный курс, самолеты сделали круг над аэродромом, французские парни прощались со всем, что довелось пережить. В Москве их ждала гостиница "Метрополь". Как бы восполняя недостачу питания последних дней, подавали белый хлеб, масло, икру, омлеты, русскую водку. За день перед отбытием на авиабазу Раяк состоялась экскурсия по городу, начавшаяся с Красной площади, от Мавзолея Ленина.

В это время в Городецке произошла встреча и началась взаимная "притирка" русского инженерно-технического и французского летного составов. Непростой процесс в некоторой степени облегчался тем, что возглавлял советских авиаспециалистов знакомый "нормандцам" по совместному базированию в Хатенках инженер 2-й эскадрильи 18-го истребительного полка капитан Сергей Давидович Агавельян. Этот сухощавый, сравнительно молодой (около тридцати лет) человек с быстрой походкой и выразительными жестами обладал ценным свойством всех увлекать за собой. Голова его была полна идей, он легко зажигал ими других. Все, за что брался Сергей Давидович, кипело в его руках, делалось споро, красиво да так ладно, что комар носа не подточит.

Пьер Пуйяд очень обрадовался тому, что командование армии, решая вопрос о старшем инженеру полка, остановило свой выбор на Агавельяне. Неистощимой энергией,

организаторскими качествами он импонировал такому же неутомимому и деятельному командиру "Нормандии". Правда, большинство французов знало Сергея Давидовича в основном по его зычному, властному голосу, постоянно разносившемуся на стоянке соседних "яков". И, честно говоря, когда "Нормандия" улетала на другой аэродром, многие с облегчением вздохнули, избавившись от непрерывных "шумовых" помех. Но Пуйяд знал и другое: Агавельян никогда не шумел без основания. Доверенные ему самолеты всегда содержались в идеальном состоянии, а если требовалось — ремонтировались и восстанавливались в кратчайшие сроки. А что еще нужно от старшего инженера?

Пуйяд, собрав летчиков, предупредил их, что капитан Агавельян является его заместителем по инженерно-технической части и исходящие от него команды, распоряжения, указания подлежат неукоснительному исполнению.

Приказ есть приказ, но уже через три дня не только темпераментные летчики, но и их рассудительный командир готовы были буквально взять Сергея Давидовича "в штыки": капитан самым тщательным образом обследовал оставшиеся в полку "яки" и наложил запрет на полеты. Техническое состояние боевых машин не выдерживало критики — люфты сверх всяких допусков, ослабленные крепления, чрезмерный износ многих деталей, подтекание масла и другие дефекты обнаруживались на каждом шагу. Машины требовали основательной профилактики. Ладно. С этим еще смирились, хотя дорожили каждой минутой: надо было тренировать вновь прибывших летчиков.

Рассчитывали с полной нагрузкой использовать поступившие Як-9. Но через день Агавельян наложил категорическое вето и на большинство самолетов этой серии.

— В чем дело? — зло спросил Пуйяд. — Ведь это новые истребители.

— Истребители новые, а неполадки старые, — невозмутимо ответил старший инженер.

Анатолий Коро старательно переводил разговор.

— Какие еще неполадки? — начал "заводиться" командир полка.

— Эти машины прибыли не с заводского конвейера, а из ремонтных мастерских, — объяснил Агавельян, в свою очередь "закипая".

— Кто это сказал? — почти закричал комполка.

— Разве недостаточно того, что об этом говорю я? — забурлила горячая армянская кровь Агавельяна.

Разговор принимал для обоих крайне нежелательный оборот. Пуйяд знал южных людей — часто не могут сдержаться. Он взял себя в руки, спокойно, твердо сказал:

— Капитан, вы проявляете самоуправство, я доложу об этом генералу Захарову. А сейчас вы свободны!

Агавельян стремительно сделал поворот кругом и быстрым, нервным шагом покинул штаб.

Три дня оба избегали встреч. Этого не могли не почувствовать летчики и механики. В воздухе запахло грозой. Полеты прекратились совершенно, проводились только наземные занятия.

Разрядку внесла телефонограмма из штаба армии. В ней сообщалось: Як-9 из ремонтных мастерских засланы ошибочно, их надлежит срочно сдать и получить новые — прямо с завода.

Пуйяд, наконец, пригласил в штаб Агавельяна. Сказал, явно пересиливая себя:

— Мне пришлось с хвоста заглотить ерша. Что ж, будет уроком. Спасибо за твердость.

— Ради славы "Нормандии" стараюсь, господин майор.

— Называйте меня "товарищ майор".

— Благодарю за доверие, госп... тов... майор! Вскоре полк получил "свеженькие", сверкающие лаком Як-9. Их закрепили за летчиками, к каждому определили русского механика. Французы долго обследовали машины внутри и снаружи, удовлетворенно кивали, чмокали губами.

— Хороша машина, ну и хороша! — слышалось тут и там.

Ролан де ля Пуап, ласково поглаживая фюзеляж истребителя, неожиданно спросил своего механика Александра Капралова:

— А ты не превратишь мой самолет в склад?

— В какой склад? — недоуменно заморгал белыми бровями сержант.

— Запасных частей.

— Не понимаю.

— Да тут своя история, — объяснил переводчик Анатолий Коро. — Бывший его механик, опробуя мотор на пробежках, чиркнул винтом по земле и вывел его из строя. Новых лопастей и вообще запасных частей тогда не было. Вот и стали понемногу растаскивать машину Пуапа, превратив ее в склад.

— А на чем же вы летали, командир? — спросил Капралов.

— Бывало, с кем договорюсь, тот и "одалживал" истребитель. Это были худшие дни в моей жизни. Вот и боюсь, чтобы они не повторились, — сказал де ля Пуап.

— Такого никогда не случится! — заверил Александр Капралов.

Он уже знал, что его командир — маркиз по происхождению. Пяля глаза, сержант никак не мог взять в толк, в чем разница между де ля Пуапом и простыми смертными. Как все одет, как у всех загрубевшая от аэродромных ветров кожа лица и рук, выгоревшие на солнце волосы. Все это никак не вязалось с представлениями, почерпнутыми из "Трех мушкетеров".

"Да, не те пошли маркизы", — сделал для себя вывод Капралов.

Пьер Пуйяд торопился с тренировками. Организовать их как можно быстрее — этому была подчинена вся его деятельность. Ведь из новичков, кроме Фуко и Фару, мало кто имел достаточно часов налета. А что касается Рея, де Сибура, Сент-Фалля, то уровень их подготовки просто вызывал тревогу. Командир всерьез подумывал о том, чтобы отправить этих троих обратно в Алжир:

боялся новых неоправданных потерь. Но, хорошенько поразмыслив, решил, что теперь каждый из них предпочтет действовать по русской пословице "или грудь в крестах, или голова в кустах", чем возвращаться назад несолоно хлебавши. Парни рвутся в бой. Как можно отказать им в этом? Другое дело, их следует хорошенько подготовить. Так это же прямая забота командира да еще старшего инженера.

Агавельян времени зря не терял. Как только прибыл первый Як-9 — немедленно подготовил его к облету. Затем посадил в кабину обрадовавшегося Андре Вальку и стал рассказывать ему о порядке работы с кабинным оборудованием па взлете. Сергей Давидович вошел в раж, от всего отключился, речь лилась плавно, что ручеек. француз напряженно слушал, согласно кивал. Так длилось минут двадцать. Закончив, Агавельян спросил:

— Все понял?

— Мой но, не понимал, — ответил Андре, моргая бездонными голубыми глазами.

— Тогда слушай еще раз, — сказал инженер, — теперь по-немецки, раз русского не знаешь.

Оп начал все сначала, но летчик тут же привстал, искренне заглянул в глаза Агавельяну и виновато произнес:

— Мой нккс ферштеен...

Вокруг самолета собралась толпа: интересно, чем эта упражнения закончатся. Старший инженер упрям, настойчив в достижении цели.

— Не знаешь и немецкого, слушай на армянском, — заявил он и заговорил на своем родном языке.

Увидев удивленные глаза Вальку, Агавельян понял: все усилия тщетны. Наливаясь краской, жестко сказал:

— Мерси, месье! — А из выразительного жеста следовало: мол, вылазка из кабины ко всем чертям!

Оба ушли от "яка" расстроенные, недовольные друг другом. В тот день облёт машины не состоялся. Зато вечером Агавельяна и Вальку застали в беседке — снова за лингвистическим занятием. Наутро оба хвастались: усвоили по двадцать слов. Сначала кое-кто отнесся к этому

со смешком, а потом все "нормандцы" поняли, что дело серьезное. Шик, Кору и Лебединский не могли обеспечить всех переводом. Значит, надо самим преодолевать языковой барьер. Короче говоря, летчики и механики последовали их примеру. А Пьер Пуийад был очень доволен таким оборотом дела и снова мысленно благодарил Агавельяна.

Несколько позже для старшего инженера достали учебник французского языка. Он зубрил его по ночам и добивался просто поразительных успехов. Через некоторое время Сергей Давидович уже довольно сносно объяснялся на французском, позволяя себе даже шутки! "Ваш "тубиб" (врач-арабское слово.-Авт.] Лебединский называет крючок, удерживающий шасси в убранном положении, "псом", а между прочим это всего-навсего "собачка".

Пока Сергей Давидович, проявляя завидное упорство, упражнялся в овладении языком Оноре де Бальзака, "нормандцы" всячески помогали ему, хотя, случалось, и подтрунивали над его произношением.

Но вот Сергей Давидович, приобретя необходимый запас французских слов, особенно авиационно-технических терминов, объявил, что с такого-то дня начинает систематические занятия по изучению самолета и правил его эксплуатации.

Это было ново, неожиданно. И не только для пилотов, которые скрепя сердце шли даже на тренировочные полеты, но и для механиков, успевших утвердиться во мнении, что вся наука во фронтовых условиях — это вовремя подготовить машины к боевым вылетам.

Первая лекция, как и следовало ожидать, не состоялась. Летчики и не думали приходить, а из технического состава несколько человек потоптались у скамеек, наспех сколоченных под развесистыми кленами, и под разными благовидными предлогами разошлись. Агавельян понимал: пришли бы французы, все русские тоже были бы. С другой стороны, думал он, может, не следовало приглашать всех вместе. Но хотелось рассказать всем сразу о намеченной программе, о ее цели, прочесть, как говорится, вводный курс. Правда, и ему самому пришлось бы туго: каково попеременно объясняться на двух языках? Однако ни одно из этих соображений не уменьшило недовольства Агавельяна. Как же так! Ведь не выполнено распоряжение старшего инженера, заместителя командира полка, как сказал Пуийад. Явиться должны были все. Не их дело, легко ли, тяжело ли преподавателю вести занятие. Да, прийти они были обязаны. Агавельян решительно направился к командиру:

— Господин майор, этого прощать нельзя.

— Во-первых, "товарищ майор", а во-вторых, можно не простить кому-то одному, а наказывать весь полк...

— Товарищ майор, я настаиваю, чтобы вы издали письменный приказ о посещении моих занятий.

Пьер Пуийад ответил не сразу. Перед этим к нему приходили делегации летчиков с просьбой повлиять на Агавельяна, умерить его пыл. Среди них были даже ветераны "Нормандии" — Риссо, де ля Пуап, Альбер, Дюран, Лефевр. Их-то мнение со счетов не сбросишь.

Об этих людях уже бытуют легенды. Так, рассказывают, что Риссо, с кем-то поспорив, вырубил винтом самолета, идя на бреющем, дорожку в высокой траве у края аэродрома. Потом это же проделал Робер Марки, но пример абсолютного, хотя в принципе безрассудного бесстрашия показал именно Риссо — мастер воздушной акробатики и эквилибристики, непревзойденный весельчак.

Де ля Пуап. Самый молодой пилот. А все помнят, как его подбили; вернулся "домой" — одна стойка шасси не выходила. Ему приказали покинуть самолет. Он не выполнил команду, приземлился, сохранив машину, которая была в то время на вес золота.

Альбер. Когда весной развезло полевой аэродром, он первый стал взлетать и садиться, используя покрытую щебенкой дорогу. И ни разу ни малейшим образом не повредил, не вывел истребитель из строя.

Лефевр. "Лафьевр" — "лихорадка, горячка" — зовут его. Подвижный как ртуть. Всегда возбужден. В воздухе его "як" всегда звенит от перегрузок, но оборотов пилот никогда не снижает. Его главное требование к механику — чтобы не было ни единого масляного

пятнышка на капоте. "Летчик должен летать в белых перчатках", — излюбленное выражение Лефевра. Он одерживает победу за победой, поражает всех виртуозностью в бою. Это он, а не кто другой сумел стартовать прямо с самолетной стоянки, когда на аэродром налетели гитлеровцы, и те вынуждены были убираться восвояси. Как лучшему летчику, ему доверили от имени "Нормандии" представлять французское Сопротивление на Международном конгрессе молодых антифашистов. Вернувшись к друзьям, он несколько дней рассказывал обо всем увиденном и услышанном, волнуясь, говорил о встречах с удивительными людьми, которые съехались с разных концов света...

И вот эти авторитетные, уважаемые в полку летчики пришли с просьбой избавить их от задуманной Агавельяном учебы.

Пуйяд не возразил им, поскольку сам был воспитан на тех же традициях: учатся один раз — в школе пилотажа, а потом летают. Пьер, конечно, знал, что в начале существования в "Нормандии" проводились занятия, острая нужда заставила прибегнуть к ним: новая техника, непривычные условия для полетов, совершенно иной район жизни и летной работы. Поэтому комполка не мог сразу решить, как лучше поступить в данном случае. Попросту говоря, он должен был убедиться в необходимости и полезности задуманного Агавельяном.

— Сергей Давидович, может, все это в самом деле лишнее? — спросил после затянувшегося молчания.

— Я этого не думаю.

— Летчики охотно пойдут к вам, если будете рассказывать что-то такое, чего они никогда и нигде не слышали.

— Так и я же об этом речь веду.

— Ну какую новость преподнесете им?

— К примеру, как при одном и том же запасе горючего увеличить продолжительность полета, как использовать особенности конструкции самолета, чтобы получить преимущество над противником, как в критической ситуации выжать из мотора максимальную мощность...

Пуйяд, слушая, думал, что и сам он не смог бы толково ответить на все эти вопросы. А знание их могло сослужить добрую службу в бою. "Толковый инженер Агавельян", — еще раз отметил про себя майор, а вслух сказал:

— Я поддержу вас. Приведу всех летчиков. Но давайте договоримся: с техническим персоналом занятия будете проводить отдельно; летному составу мало интереса слушать правила обслуживания самолетов. И еще: занятия — только в нелетные дни.

— Согласен, — обрадовался поддержке Сергей Давидович.

Когда летчики во главе с Пуйядом явились в зеленый класс, де ля Пуап спросил у Риссо:

— И чем старший инженер околдовал командира?

— Наберемся терпения, пойдем. После занятия Риссо, никому ничего не сказав, разыскал своего механика Николая Богданова.

— Раздобудьте шинельного сукна и займемся полировкой обшивки самолета.

— Эт-то ещ-ще з-зачем? — Ефрейтор заикался.

— Проверим одну теорию Агавельяна.

— Как-кую?

— Испробую все, тогда узнаешь.

Работали долго, упорно, до изнеможения. Помогали другие авиаспециалисты. Натерли "як" до глянцевого блеска. Тогда Риссо подозвал к себе Пуапа:

— Сегодня во время тренировки в воздухе померяемся силами?

— Хорошо.

Выполнив положенные упражнения, оба сошлись над населенным пунктом, выровнялись крыло к крылу и — по "газам", рванулись к другому селу. Расстояние сравнительно небольшое, однако достаточное, чтобы разогнать машины до максимальной скорости.

Риссо взял дистанцию быстрее; его истребитель развил скорость почти на 15 километров больше.

— Господин майор, — обратился Жозеф к Пуйяду после приземления, — мы были не правы, возражая против занятий Агавельяна.

— Я был склонен так считать с самого начала, — ответил тот. — Что же теперь? Полировать все истребители?

— Есть прямой смысл.

— Не пострадает ли маскировка?

— Наоборот, солнечные блики будут ослеплять врага.

— В воздухе — да, а на земле потребуется лучше укрывать машины. Ну да в том хлопот немного, а прибавка пятнадцати километров скорости тоже шанс на победу и жизнь.

Так уже первый урок Агавельяна обернулся для всех прямой выгодой. Впредь никого не пришлось агитировать за посещение занятий. Больше того, теперь французы боялись упустить хотя бы один полезный совет, который больше не услышишь ни от одного "технаря".

Наладив учебу летчиков и механиков, Сергей Давидович взялся за реорганизацию службы ремонта самолетов. Обычно подбитые и поврежденные "яки" отправляли на заводы. Уходило много времени, а полку нужно было на чем-то летать. Постепенно старший инженер создал полевую передвижную авиамастерскую и стал восстанавливать самолеты силами своих авиаспециалистов. Как тутгодились им знания, полученные в "агавельяновой академии"!

На этом нововведения не прекратились. Началась борьба за сокращение времени подготовки воздушных машин к боевым вылетам. Мало-помалу довели его с двух-трех часов до двадцати — тридцати минут, что позволило облегчить участь механиков, которые, как раньше французы, ни днем ни ночью не покидали аэродром.

Наконец, завели неофициально так называемую "черную книгу", куда начали записывать сведения о преждевременной порче и сверхнормативном износе деталей в процессе эксплуатации самолета. Сначала к затее многие отнеслись скептически. Но, когда были проанализированы записи, установлены причины поломок и приняты соответствующие меры к предупреждению подобных явлений, значение этой книги оценили по достоинству.

Упрям Агавельян, горяч Агавельян, настырности ему не занимать. Но ведь и общему делу польза.

Вскоре в полку все утвердилось в мнении: именно такой инженер нам и нужен.

...С новичками проводились напряженные тренировочные полеты: вот-вот должна была начаться крупная наступательная операция. Ветераны полка — Альбер, Беген, Дюран, де ля Пуап, Риссо — охотно обучали молодежь, делились с нею накопленным опытом. Но больше всех сил и времени отдавал ей Марсель Лефевр. Он стал как бы штатным ведущим летчиком в учебно-тренировочном пилотировании Як-9. Быстрый, энергичный, все схватывающий на лету, он умел зажечь, увлечь своим неистовством других. Каждый новичок считал для себя честью учиться полетам у Лефевра.

Марселю в силу возможностей помогал Пьер Пуйяд. Брал на выбор то одного, то другого инспектируемого и поднимался с ним в небо. Однажды майор ушел в полет с очень юным на вид младшим лейтенантом Лораном, прибывшим из Мадагаскара. Пару застала гроза, пилоты потеряли друг друга. Пуйяд вернулся, Лорана нет. Что случилось? Ввязался в схватку с противником и сбит? Заблудился? И то и другое худо. Молодой пилот еще не освоил район, не знает, где проходит линия фронта, может сесть на захваченную врагом территорию.

А Лоран, оказавшись без ведущего, не решился сам искать аэродром; летал по кругу с надеждой, что командир увидит его. Распрощался с этой надеждой, как только взглянул на топливомер — горючее было на исходе. "Само собой разумеется, столько же бензина и в баках командирского самолета. Так что рассчитывать не на что: чуда не произойдет". Лоран вынужденно посадил машину на первом попавшемся бугристом поле, сломав шасси и винт.

Весть о его местонахождении долго пробивалась в полк. Здесь уже смирились с мыслью, что молодой пилот пропал без вести, так ни разу и не побывав в грозном бою. А когда узнали, что Лоран жив, обрадованные, сразу же снарядили к нему грузовик.

Летчик невредим, "як" прибуксирован, а летать Лорану не на чем: все истребители заняты.

Пуйяд вопросительно смотрит на Агавельяна, тот придиричливо оглядывает машину.

— Постараемся восстановить, — говорит старший инженер, в раздумье растягивая слова.

— Как быстро?

— Если не к утру, так к завтрашнему вечеру. Пуйяд недоверчиво покрутил головой. Он знал, что

загвоздка не только в основательном ремонте, но и в запасных частях, которых не было.

— Сделаем все возможное и невозможное, — вторично заверил Сергей Давидович.

Поздним вечером в штабе полка раздался телефонный звонок. На другом конце провода — генерал Захаров.

— Срочно примите меры к сохранению техники. Есть данные о том, что на рассвете ваш аэродром подвергнется бомбардировке...

Этого еще не хватало!

Пуйяд срочно разыскал Агавельяна. Тот, услышав распоряжение, за голову схватился:

— Вай-вай, как все успеть? Куда машины девать? Позади — деревня, впереди — река, слева — голая степь, справа — овраг.

Пуйяд понимал старшего инженера. Однако знал и другое: Сергей Давидович найдет выход из сложного положения.

Ночь была тревожной. Никто не мог уснуть, все чутко прислушивались к любому шороху ветерка.

Еще не зажглась заря, когда в небе раздался прерывисто завывающий гул "юнкеров". Летчики в ярости сжимали кулаки — в темноте они были бессильны. А гитлеровцы, зная это, спокойно зашли на аэродром, сбросили светящиеся авиационные бомбы. Те повисли над летным полем, ярко осветив все вокруг. Но фашисты не увидели ни одного истребителя. Их как будто корова языком слизала. Бомбардировщики пометались в поиске целей, поревели двигателями и убрались несолоно хлебавши. Решили, что произошла ошибка в разведывательных данных или дали маху в собственных расчетах. Когда же совсем рассвело, даже французы оторопели: "яков" на прежних местах не оказалось.

Пуйяду ночью передали доклад старшего инженера о том, что самолеты надежно укрыты, но где именно, посыльный не сообщил. А в степи несколько позже авиамеханики начали разбрасывать копны сена. Только теперь все удивились: вчера-то их не было там.

Пуйяд отправился на поиски Агавельяна, чтобы в знак благодарности пожать ему руку, а тот встретил его словами: "Товарищ командир, самолет Лорана восстановлен".

Командир полка заключил своего заместителя в объятия и трижды, по русскому обычаю, поцеловал.

— Таких инженеров я никогда раньше не встречал, — признался Пьер, вытирая выступившие слезы. — Как вам удалось все это проделать? Как управились?

— Был ваш приказ, — ответил Агавельян. — А вот и "як" Лорана.

— Откуда запасные части?

— Со сбитого самолета соседнего полка. Он упал в десяти километрах от нас.

— Снова придут жаловаться?

— Обещали вечером приехать,

— Что же я скажу на сей раз? — То же самое, что и в прошлый: объявите мне десять суток ареста. Жалобщики, как и прежде, уйдут довольные. Мы же имеем исправный самолет.

— А если потребуют обратно винт и стойки шасси?

— Обещайте вернуть все на второй день после Победы.

— Ну и хитер же ты, инженер. Хитер и на язык остер.

Ходоки из соседнего полка к вечеру действительно явились. Кричали, требовали прекратить "грабеж" Агавельяна. Убыли, утешившись наложенным на него взысканием. Но про себя подумали: "Нам бы такого инженера, горя с запчастями не знали бы".

Пуйяд действительно не знал такого горя. Сергей Давидович правдами и неправдами создал в полку склад, месяцами позволявший выходить из положения, не надеясь на скудные плановые поставки. Узнали об этом в вышестоящем штабе — прислали специальную комиссию, наделавшую много шума. Но в конце концов веские доводы о постоянной боеготовности "Нормандии" взяли верх. После этого никто не перечил даже тогда, когда Агавельян ухитрился комплектовать "чужими" хорошими специалистами созданную им ремонтную мастерскую.

А комплектация штата шла разными путями. Так, один из заводов прислал в полк мастеров по восстановлению обшивки самолетов. Прислал па время. Они понравились Сергею Давидовичу, уговорил их остаться навсегда. Руководство предприятия послало об этом докладную записку в самую Москву. Но в верхах, как только речь зашла о "Нормандии", пошли ей навстречу. А ПАРМ — подвижная авиаремонтная мастерская — расширялась, хорошо оснащалась и начала производить то, что под силу было только заводам. Здесь возвращали в строй истребители, ранее отправлявшиеся в ремонт без возврата. Это стало возможным благодаря тому, что в полку наладили восстановление отдельных агрегатов, клапанов и насосов, приступили к изготовлению прокладок, фильтров и других дефицитных деталей.

Видя заботу русских авиаспециалистов об образцовом состоянии самолетного парка, французские летчики проникались к ним все большей симпатией. Это чувство постепенно перерастало в дружбу, потом — в настоящее боевое братство.

Согласно первоначальному статусу "Нормандии" какое бы то ни было идеологическое влияние на ее личный состав исключалось. Соответственно в ней не было общественных организаций. Но так было до тех пор, пока эскадрилья состояла сплошь из французов. А с приходом советского инженерно-технического персонала встал вопрос о создании партийной и комсомольской организаций: в полк влилось двадцать членов ВКП(б) и около тридцати членов ВЛКСМ.

Разумеется, ни о каком замполите не могло быть и речи. Но без секретарей — партийного и комсомольского — никак не обойтись.

Пуйяд далеко не сразу согласился с этим. С одной стороны, он, как и многие другие "нормандцы", сумел увидеть, что руководящая роль Коммунистической партии — основа наших побед. Но, с другой стороны, договор есть договор, он для того и подписан, чтобы строго выполнялся каждый его пункт.

К тому же, для Пуйяда не вполне ясна роль партийной и комсомольской организаций в полку. Беспокоило, что они займются внедрением коммунистического учения в сознание французских летчиков. А Пуйяд должен вернуть на родину полк лишь одной ориентации: борьба за освобождение Франции от фашистских оккупантов и вишистов.

— Да поймите, коммунисты и комсомольцы станут вашей самой надежной опорой, — убеждал Пуйяда старший инженер. — У них первейший долг — служить общему делу: разгрому гитлеровской Германии. Кроме того, они будут во всем примером...

— Примером в вашей коммунистической учебе? — переспросил Пуйяд. — Нам обещают прислать юре. Что же будет тогда? Вы — сами по себе, мы — сами по себе. Вы учитесь, мы молимся. А кто будет технику готовить, кто летать?

— Юре останется здесь без работы: что-то я не замечал среди вас верующих. А партийной и комсомольской организациям хлопот будет предостаточно, — ответил Агавельян.

— Каких?

— Самых важных — обеспечивать отличное обслуживание самолетов, строго взыскивать с нерадивых, воспитывать у наших людей еще большее чувство ответственности, укреплять дисциплину.

— И в этом вся суть работы коммунистов и комсомольцев?

— В полку "Нормандия" — да.

— В таком случае создавайте свои организации, только при двух условиях: к летчикам они никакого отношения не будут иметь, и вы не должны проводить собраний, — смирился Пуйяд.

Условия жесткие, но пришлось согласиться.

Так в каждой эскадрилье появились партийные и комсомольские группы. Полковых организаций, во избежание осложнений с французской военной миссией, создавать не стали. Хотел того Агавельян или не хотел, он, как старший среди инженерно-технического персонала, автоматически оказался в роли партийного и комсомольского руководителя. Прибавилось забот, зато в его руках оказались мощные рычаги влияния на подчиненных.

В Красной Армии это был, пожалуй, единственный в своем роде случай: коммунисты и комсомольцы работали, действовали, платили членские взносы, но не были до конца оформлены организационно, не имели возможности коллективно обсуждать свои дела.

Парторги Шилин, Бесчастный и комсорги Зорихин, Паранин вошли к Агавельяну с предложением хотя бы изредка проводить открытые партийно-комсомольские собрания. Надо же как-то обобщать передовой опыт, отмечать лучших, критиковать отстающих.

Сергей Давидович подумал, подумал и сказал:

— Проведем короткое собрание под видом информации об итогах работы за месяц. Докладчиком буду я.

Вначале все шло по плану. Агавельян обстоятельно рассказал обо всем сделанном, дал оценку отношения к делу каждого инженера, техника, механика. Досталось начальникам парашютной и противохимической служб старшим лейтенантам Вартанетову и Петросяну за то, что, имея больше других свободного времени, они мало помогали товарищам. Досталось и механикам Богданову, Капралову, Васильеву за допущенные промахи в работе.

На информации каждый выслушал бы, что заслужил, и делу конец. Но это было собрание. Партийно-комсомольское, да еще открытое. Традиционно начались прения. Кое-кто из подвергшихся критике брал слово, приводил объективные причины, другие делали замечания сослуживцам, высказывали пожелания.

Вдруг появились Пуйяд и Лебединский. Остановились в сторонке, прислушиваются. Агавельян внутренне стушевался, но сворачивать начатое не стал: слишком уж горячий, деловой разговор завязался. По собственному опыту он знал, что от такого разговора будет большая польза.

Лебединский между тем переводит Пуйяду выступления. По их содержанию, по столу президиума, накрытому красной материей, по тому, что ведется протокол, оба догадались, что здесь происходит.

Пуйяд обратился к Агавельяну:

— У вас собрание... Нарушаете договор.

— Вы правы, товарищ майор, у нас идет собрание. Открытое. Толкуем о нашей с вами боевой работе. Можете присутствовать. Не понравится — закроем.

Пуйяд был не из тех, кто из-за уязвленного самолюбия, ни с чем не считаясь, принимает скоропалительные решения. Он кивнул, мол, согласен, послушаю. Ему и Лебединскому сразу уступили место на скамейке.

Прения продолжались. Слово взял механик Пуйяда, Сержант Василий Ефремов сначала говорил о собственной оплошности, вызванной спешкой. Заверил всех, что ничего подобного впредь не допустит. Затем обрушился на Капралова — механика самолета де ля Пуапа:

— Как ты, Александр, можешь оправдывать свою неряшливость, за которую упрекал старший инженер? Да у тебя и сейчас пуговицы на комбинезоне еле держатся. Ну, оторвется

одна из них, укатится, забьется между тросами — заклинит рули управления. Из-за тебя может погибнуть прекрасный пилот, наш большой друг. Представь себе такие последствия — слова не вымолвишь в оправдание. Наш комсомольский долг — ежедневно обеспечивать летчикам абсолютную надежность боевой техники.

После этого выступления Пуйяд заявил, что желает послушать и других ораторов.

Дальше объектом критики стал сержант Анохин — по его вине чуть не разбился самолет. Тот самый "дар православной церкви", который лишний раз символизировал патриотизм советских людей. (Пьер Пуйяд втайне вынашивал мысль в лучшие времена доставить этот "як" в Париж — как историческую реликвию.) Анохин не проверил надлежащим образом крепление замка шасси, и на посадке машина получила повреждения.

В этом была виновата служба Агавельяна, а конкретно — Анохин. И вот теперь он сполна получал на орехи от своих же товарищей.

Пуйяд впервые встречался с такой практикой и впервые начал осознавать, что десятки самых грозных приказов не могут сравниться с этим собранием по своей эффективности и силе воздействия на человека.

Анохин то бледнел, то краснел, наконец взмолился:

— Товарищи, пусть у меня отсохнут руки, если еще раз допущу такой промах!

Ко всеобщему удивлению, слова попросил Пуйяд. Был он предельно лаконичен:

— Если механик надежен, летчик не волнуется в полете. А что недавно случилось с Лефевром? Все улетели на задание, а он остался. Почему? Пушка перед этим дважды отказывала. Пилот потерял веру в механика по вооружению. Я сказал об этом Агавельяну, а кому еще жаловаться, не знал. Теперь знаю: партийно-комсомольскому собранию... Потихоньку, пусть никто об этом не знает, проводите такие собрания хоть каждый месяц. Я буду только благодарить за них.

То, что большинство новичков зависило цифру часов налета, не вызывало сомнения еще с начала тренировок.

Инструктором к Жаку де Сент-Фаллю определили Дюрана. Перед первым совместным вылетом он спросил у подопечного:

— На чем тебе приходилось летать?

— На "Моране-четыреста шесть" и "Девуатине-пятьсот двадцать", — был ответ.

— Коль имел дело с "девуатином", то, надеюсь, никаких проблем у нас не возникнет. "Як" — не слишком сложный самолет.

Дюран предложил де Сент-Фаллю занять место в кабине, показал, как запускать двигатель, сам сел в инструкторское кресло.

— Выруливай на старт.

Грунтовой аэродром с ярко-зеленым травяным покровом понесся назад под крыльями истребителя.

До сих пор Жаку приходилось отрывать машину только от бетонки, оборудованной световыми аэронавигационными средствами обеспечения взлета и посадки. А тут — два солдата с красными и белыми флажками в руках да полотняный знак "Т" посреди летного поля. Для Сент-Фалля, привыкшего к комфортным аэродромным условиям, все здесь внове, необычно. А это настораживает, повышает напряженность, порой выводит из равновесия.

Уже на рулении Жак почувствовал себя не в своей тарелке. А когда солдат-стартер взмахнул белым флажком — дал разрешение на взлет, Жак так резко двинул сектор газа, что самолет стрелой сорвался с места; пилоту показалось, будто он сидит верхом на пушечном ядре. У него даже мелькнула мысль: "Соврал о налете и очутился в положении барона Мюнхгаузена".

Дюран видел по расстроенному лицу Жака; тот мало что соображает. Пора убирать щитки, регулировать шаг винта, начинать разворот, а Сент-Фалль сидит как истукан, не пытаясь что-либо делать.

Скорость уже 400 километров в час, аэродром уходит... Дюрану пришлось хорошенько треснуть Сент-Фалля по спине, чтобы привести его в чувство.

— Разворачивайтесь! — закричал. Жак с перепугу заложил такой крен, что, казалось, машина вот-вот перевернется.

— Что за коленце? — спросил Дюран.

— Глубокий вираж.

— Не вираж, а глубокий мираж! — зарычал Дюран. — Хватит. Иди на посадку. Аэродром видишь?

— Вижу, — снова соврал Жак и тем еще более усугубил свое положение.

Более-менее выровняв "як", он стал растерянно всматриваться в землю, но нигде не мог обнаружить очертаний взлетно-посадочной полосы. Совершил много, поворотов и доворотов, пока отыскал полотняный "крест". Не отрывая от него взгляда, начал снижаться.

Самое ужасное произошло на посадке: трижды дал такого "козла", какого давно не видывали "нормандцы". В последний раз грохнулся с двадцатиметровой высоты. Самолет, чудом не рассыпавшийся, начал пробежку.

На стоянке Жак не осмеливался повернуться к Дюрану. А так как тот молчал, рискнул заговорить первым;

— Это, наверное, было не слишком блестяще. Ожидал взрыва негодования, но услышал спокойное, доброжелательное:

— Видно, долго не летал. Полагаю, еще два-три полета и войдешь в норму.

Прошло несколько дней. Аса из Сент-Фалля явно не получалось. Сменили инструктора, передали его Лефев-ру, о котором говорили, что он и медведя может научить летать.

Этот возился недолго. После двух совместных вылетов преспокойно заявил:

— Завтра выпущу в небо одного.

Сент-Фалль остолбенел. Он ведь недавно чуть не сломал шасси при посадке. Заметив его замешательство, Лефевр спросил:

— Не хочешь или боишься?

— Не уверен, — чистосердечно признался Жак.

— Это потому, что все надеешься на дядю, сидящего в задней кабине.

Вечером Жак узнал, что он определен в 1-ю эскадрилью, которой командует лейтенант Леон — смелый, отважный человек, больше всего презиравший в людях нерешительность. Сент-Фалль знал о том, однако не подавал виду, что волнуется перед первым самостоятельным вылетом.

Прошел он сравнительно благополучно.

— Ну вот, в целом неплохо справился. Можешь летать себе на счастье, — сказал Лефевр.

На следующее утро объявили о перелете в Городечно. Взмывали в воздух парами. Леон взял себе ведомым Жака. А тот никогда в жизни не летал в строю. Но снова промолчал, боясь гнева командира, который запросто мог дать ему путевку в Рай на доучивание.

В небе Сент-Фалль выглядел, как потом говорили, "чертом на резинке". То отстанет, то обгонит ведущего, то окажется в самом конце группы. Леон сначала думал, что ведомый проявляет элементарное лихачество. Но когда дело дошло до посадки на аэродром, показавшийся Жаку величиной с носовой платочек, все стало ясно. Пилот кружился до тех пор, пока не улеглась пыль от последнего самолета. Заходил на приземление несколько раз — и все ошибочно: с большим недолетом или перелетом.

— Пропадет ни за понюшку табаку, — сказал наблюдавший Пуйяд. — Дюрана, Лефевра ко мне!

Когда те, запыхавшиеся, прибежали, Жак уже чиркал колесами грунт, не уменьшая обороты двигателя. Его несло и несло, пока перепуганный насмерть солдат-финншер не вскинул над головой крест-накрест флажки — сигнал на выключение двигателя.

Жак еще рулил, а Пуйяд распекал Дюрана и Лефевра:

— Как вы проверяли Сент-Фалля? Эх вы, мастера воздушной акробатики!

— Да он же заявил, что много летал.

— Во сне! В мечтах! На языке!

Подрулил взмыленный Жак. Открыл кабину, спрыгнул на землю.

— Марш на учебный самолет! — жестко сказал ему Пуйяд. — Слетаем вместе. Итог был неутешительный.

— Вас на задания выпускать нельзя, — сделал вывод командир полка. — Тренируйтесь. На этот раз — с Фуко.

Расчет Пуйяда был прост: если от всех Жак скрыл уровень своей подготовки, то Фуко не будет втирать очки, поскольку они раньше служили вместе и вместе прибыли в "Нормандию". Фуко же летал неплохо, уже участвовал в боевой работе. Вот пусть и займется своим другом.

— Фуко, не выдашь меня? — напрямик спросил Жак.

— Это не в моих правилах, но ты ходишь по лезвию бритвы.

— Ничего. Скоро освоюсь, все наладится.

— К сожалению, такое происходит не с тобой одним. Другие чудачат не меньше.

— Дорогой Фуко, не надо нотаций, лучше займемся делом.

"Занятие делом" кончилось тем, что на третьем самостоятельном вылете Жак приземлился "усами в траву", сильно повредил "як", но чудом остался живым-невредимым.

Примчался Пуйяд. Его красивые выющиеся волосы взъерошились, глаза налились кровью, голос прерывался:

— На каком месте глаза у вас?! Думаете, русские специально дают самолеты, чтобы мы разбивали их?..

— Ты что, свихнулся? — более "учтиво" обратился к нему Фуко после ухода командира полка.

А Жака душила жгучая горечь не столько от того, что он виновен в аварии, а от страха: теперь-то его наверняка отправят на Ближний Восток.

— Нечего рычать на меня, лучше узнал бы, что со мной сделают, — ответил он другу.

Ужинать не пошел. На нарах в полусгоревшей хате, несмотря на все беды, уснул мертвым сном: парню было немногим больше двадцати.

На рассвете почувствовал, что кто-то дергает за ноги.

— Вставайте! — услышал властный голос Пуйяда.

Вскочил как ужаленный, успев подумать о предстоящей "капитальной порке".

— Что, малыш, совсем раскис? — понизил голос комполка. — Только те не падали с коня, кто никогда не садился на него. Иди на аэродром, бери мой "як", сделай три круга.

На ходу одеваясь, всех переполошив, Жак рванулся на стоянку. Там у командирского самолета уже хлопотал Василий Ефремов.

Сент-Фалль никогда не думал, что летать на рассвете, один на один с небом и заревом восходящего солнца, — такое огромное удовольствие.

Чувствовал себя совершенно спокойным — то ли подействовала окружающая красота, то ли сказались вчерашние тяжелые переживания. А может, причиной уравновешенности был необычный жест Пуйяда? Как бы то ни было, Сент-Фалль не испытывал ничего другого, кроме уверенности, что сегодня все будет прекрасно.

Когда он совершал последнюю посадку, на аэродром уже тянулись летчики. Встретил его Пуйяд:

— Вы уже сделали три круга? Чудесно. После обеда. выполните над аэродромом несколько фигур сложного пилотажа.

Жак, сначала обрадовался, затем его охватила паника. Вообще пилотажем, тем более сложным, никогда не занимался. Что он покажет? Как? И побежал к Фуко.

— Через это все проходят, — сказал тот с олимпийским спокойствием. — Ты — не исключение. Учти одно обстоятельство: "як" нелегко выводить из штопора. Лучше в него не срываться. Но если такое случится, действуй рулями нежно, совсем нежно. Перестарайся — будешь шархаться влево-вправо до самого "ковра". А лучше всего — сразу забирайся повыше, тысячи на две метров.

Сент-Фалль записал на клочке бумаги скорости ввода самолета в вираж, переворот, боевой разворот, бочку, петлю. На том теоретическое обучение завершилось.

А с небом, известно, шутки плохи.

Не успел Жак завершить боевой разворот, как в верхней его точке "як" буквально завис на винте и в мгновение ока очутился в штопоре. Виток, второй, третий... Лихорадочно вспомнил наставление Фуко: начал плавно брать ручку на себя. Земля уже грозно мелькала перед глазами, когда истребитель, как бы нехотя, вышел носом на линию горизонта.

У Сент-Фалля дрожали руки, ноги, пот градом катился с лица. Однако идти на посадку не решился. "Это равносильно отказу от полетов вообще. Будь что будет!"

Снова набрал высоту. Там, со всеми мерами предосторожности, выполнил далеко не полный переворот на горке, сделал такую же недоведенную до конца петлю. На аэродроме все смеялись, как на комическом спектакле, кричали: "Во дает! Тушите свет!" Но Жак этого не знал. Преодолевая страх, упорно крутил полуфигуры, а когда почувствовал, что больше не выдержит, пошел на посадку.

— Правильно русские говорят: не святые горшки лепят, — добродушно похлопал его по взмокшей спине Пуйяд. — Будешь летать.

Действительно, через недельку от прежнего "неумехи"-Жака мало что осталось. Он даже заявил Фуко:

— Мне совершенно необходимо хоть раз вылететь на задание. Не могу есть со всеми свой суп, не участвуя в боях.

— Хорошо, я поговорю с Альбером.

Сделаем разъяснение: за короткое время, пока шло переучивание новичков, Леон — пилот исключительной храбрости — погиб в воздушном бою в районе Ельни. Его должность занял Марсель Альбер — из "мушкетеров".

Новый комэск вызвал к себе Сент-Фалля.

— Хочешь умереть раньше срока? — спросил сдержанно, холодно.

— Лучше погибнуть, чем чувствовать себя бездельником.

— Хорошо. Завтра пойдешь с Фуко, третьим. Надо сказать, что в то время как раз разворачивалась Смоленская наступательная операция, с каждым днем приобретающая все более ожесточенный характер: враг мертвой хваткой цеплялся за каждый метр оккупированной территории, бросал сотни бомбардировщиков для нанесения ударов по нашим войскам.

303-я авиадивизия и в ее составе истребительный полк "Нормандия" встали заслоном на пути крестоносцев-фашистов. Работы хватало всем: и техническому, и летному составам. В иной ситуации Сент-Фаллю и другим новичкам еще долго пришлось бы утюжить воздух в тренировочных полетах, а тут хочешь не хочешь — приходилось бросать в бой не совсем оперившихся птенцов.

На этот раз к переднему краю уходила группа истребителей из шести пар и одного — тринадцатого — самолета Сент-Фалля.

Перед взлетом Фуко ткнул пальцем в очерченный треугольник на карте:

— Здесь наверняка будет крепкая потасовка. Ты можешь потеряться в ней. В таком случае веди себя спокойно, осмотрительно, не дергайся. Найдешь речку, будешь лететь вдоль нее, пока не увидишь наш аэродром. Главное, — продолжал дружески наставлять Фуко, — не бойся, не держи оружие на предохранителе. И держись не за моим затылком, а так, чтобы я мог видеть тебя сбоку.

Сент-Фалль выполнял все точь-в-точь, как учил ведущий: не упускал из поля зрения Пуйяда, Альбера, Фуко, цепко держался своего места. Но так было лишь до той минуты, когда в наушниках раздалось:

— Внимание, справа на тринадцать часов — "фокке-вульфы"!

Тут как будто чья-то рука включила невидимый рубильник гигантской карусели. Альбер и Фуко, словно одно целое, вошли в крутой вираж, из него стремительным кабрированием взобрались на горку. Жак рванулся было за ними, но раздался потрясающей силы грохот, пространство вокруг "яка" заволокли клубы черного дыма. Сент-Фалль рванул ручку на себя, чтобы уйти из этого смрада, и почувствовал, что снаряды прошили кабину и в нескольких

местах опалили его комбинезон. Не помня себя, он очутился высоко вверх, где мощными потоками разливался яркий солнечный свет. Подумал:

"Как во сне". Включил радио — молчит. И нигде никого.

Рев мотора не в состоянии заглушить удары сердца. С трудом Жак берет себя в руки, пробует управление. Вроде действует нормально. Надо искать реку. Все выходит по сценарию, расписанному Фуко.

Всматриваясь в земные ориентиры и поглядывая по сторонам, пилот вдруг заметил справа сзади самолет. Круто развернувшись, рванул к нему, а тот уже шел в пике. Только теперь Сент-Фалль рассмотрел, что это фашист. "Недаром в полку от летчика к летчику передаются слова Тюляна: истребитель должен иметь глаза на затылке".

Надо быть осторожнее. Только подумал это, обнаружил сзади другой самолет. Идет прямо на него. Жак прибавляет обороты, а винт начинает "выдавать кресты" — останавливаться: пробита система бензопитания. Ну все, кончилась одиссея Жака де Сент-Фалля. Он бросает последний взгляд на настигающий его самолет и вдруг видит трехцветный кок. Ура! Свой! Да это же Альбер! Жак ошалел от радости. Он стал оживленно жестиковать, объясняя, что весь пронизан снарядами. А тут наступила неприятная тишина: двигатель остановился. "Як", резко клюнув носом, пошел вниз. Надо выбирать площадку для посадки. Вон среди леса поляна...

Марсель Альбер, поняв ситуацию, стал в круг, чтобы проследить за тем, как пройдет приземление. И увидел такое, что долго будет потом прокручиваться в памяти замедленной киносъемкой: "як", ткнувшись носом в землю, перевернулся, потом встал дыбом на хвост, завалился на крыло и снова перевернулся.

Альбер возвращался домой без ведомых. Неизвестно, где Фуко, вряд ли остался в живых Сент-Фалль.

А Жак не погиб. В последнее мгновение перед ударом о землю он пожалел о том, что не пристегнулся ремнями. Ими французы вообще не пользовались: на "яках" эти ремни были жесткими, без регулировочных приспособлений.

Последнее, что помнил Жак, это как он уперся руками в стойку коллиматорного прицела.

Когда пришел в сознание, увидел: кабина наполовину забита сырой землей, смешанной с травой. Гарь не дает дышать. Попробовал выбраться — с ужасом вспомнил, что забыл до соприкосновения с землей отбросить фонарь. Его намертво заклинило. "Если вспыхнет пожар, есть перспектива быть заживо зажаренным". Жак только теперь почувствовал, что шерстяной шарфик — подарок невесты — весь пропитан кровью. Начал ощупывать голову и лицо. О, ужас! Нижняя губа висит тряпкой — результат "поцелуя" с ручкой управления.

Надо выбраться. Но как? Попробовал плечом высадить фонарь — не поддается. Вдруг слышит стук по остеклению. Поднял глаза — русский солдат.

Никогда еще Жак не испытывал большего счастья, чем при виде этого белесого человека в выгоревшей гимнастерке и заношенной пилотке с красной звездочкой.

"Сейчас ничего не страшно. Буду жить!" Извлеченный из кабины, Сент-Фалль сразу же попал в руки военного врача, который немедленно пришил ему губу.

— До свадьбы заживет!

— Если я сам доживу до нее.

— После того что с вами случилось, вас уже ничто не возьмет.

— Спасибо, доктор. Помогите мне, пожалуйста, добраться до своего аэродрома.

Поблизости нашелся маленький У-2 с пилотом. Когда он приземлился с Жаком на борту, у "нормандцев" находился генерал Пети. Пуйяд представил ему молодого летчика с изуродованным лицом:

— Сент-Фалль возвратился с первой победой.

— Я... нет... не так, — промычал Жак, не в состоянии шевелить губами.

— Молодец! — пожал ему руку генерал Пети. — Теперь отправляйтесь подлечиться.

Убывая в подмосковный госпиталь, Жак оставил Альберу записку; "Я никого не сбивал, даже не открывал огня".

В палате он, к большому удивлению, оказался на койке рядом... с Фуко.

Подбитого в том бою, его без сознания подобрали пехотинцы и отправили в Москву. Он был недвижим — ему растягивали поврежденные позвонки.

— А того боша, который прошел тебя, я сбил, — сказал Фуко, выслушав рассказ Жака о том, как поздравлял его с победой сам Пети.

Пьер Пуйяд не мог быть доволен результатами переучивания новичков, однако вынужденно бросал их в бой. Делалось это со многими предосторожностями, ограничениями и подстраховками, однако закон войны — побеждает сильнейший — действовал со всей неумолимостью. Ряды "нормандцев" продолжали таять. Один пилот сбит, другой пропал без вести, третий ранен, четвертый заболел. И наступил день, когда одновременно могли подняться в воздух только десять истребителей.

Обстановка на фронте накалялась. Приходилось всем составом вылетать на задания, а на обратном пути каждый раз пересчитывать свои самолеты в надежде, что никто из них не пропал, не отстал.

В одной из схваток с армадой "хейнкелей" и "фокке-вульфов", в которой были сбиты восемь вражеских машин, бесследно исчез "як" Ива Фару. Никто не видел, куда он девался, что с ним случилось. Через три дня летчики традиционно поделили между собой его вещи. И только закончили это грустное занятие, над аэродромом появилась "стрекоза" — У-2. Как всегда, подумали: прибыло начальство. Но ошиблись. Это везли в Москву тяжелораненого Ива Фару. Везли с аэродрома советского полка, на который француз буквально чудом, движимый последними проблесками сознания, посадил подбитый самолет. Там врачи сделали ему несколько операций, однако положение оставалось угрожающим, и пилота направили в стационарный госпиталь. Он уговорил летчика сделать круг и сесть в расположении "Нормандии".

Бледный, обескровленный Ив прошептал черно-синими губами:

— Соберите и сложите мои вещи обратно. Я к вам :

еще вернусь. — Ив который раз он потерял сознание.

У-2 взмыл в небо, а оставшиеся на земле товарищи с радостью складывали в чемодан Фару кто рубашку, кто бритву, кто носовой платок. Сам ритуал "дешевой распродажи вещей", как его называли, уже никого особо не волновал. Появилась даже шутка, так сказать, висельного свойства: "Черт возьми! Мои подтяжки совсем износились. Быстренько слетай к фрицам, попроси, чтобы тебя сбили".

В госпитале Ив Фару был окружен заботой и вниманием Люсетт. Она некоторое время сама болела, лечилась в Новосибирске, а вернувшись в Москву, первым делом поинтересовалась, где лечатся раненые французские летчики. Вместе с Жинетт Люси как бы стала сестрой милосердия. Тем самым девушки немало способствовали выздоровлению "нормандцев". Тем из них, кто поднимался на ноги, они устраивали маленькие развлечения — водили в цирк, театр, кино. Благодаря этому Ив Фару смог сделать для себя крайне удивившее его открытие одной из причин поражения Наполеона. Они смотрели спектакль "Давным-давно". Когда по ходу действия на сцене появился мужик с подковой в руках и стал рассказывать что-то, в зале все начали смеяться. Ив никак не мог сообразить, что смешного нашли люди в обыкновенной подкове. А когда Люси объяснила, сам залился смехом. Оказывается, что французская подкова была совершенно стерта, а такого никогда не случалось с русскими: они имели специальные шипы.

Фару и Фуко выписались из госпиталя вместе. Вместе возвратились в свой полк, который находился уже в Туле.

От Люси они знали: генерал Пети недавно побывал в полку, убедился, что дух французов высок, сражаются как львы. С одобрения де Голля он возбудил перед советским командованием вопрос о создании авиационной дивизии "Нормандия" с русским техническим персоналом.

— Я воздаю должное советским механикам, — заявил он. — Без преувеличения могу сказать, что эти люди благодаря самоотверженности, опыту, любви к делу стали лучшими друзьями французских летчиков. Они дороги им, как братья.

В штабе Советских ВВС отнеслись к идее генерала Пети одобрительно и обещали доложить о ней Сталину.

Фару и Фуко были уверены, что в Туле уже происходит переформирование полка в дивизию. Однако "Нормандию" пока отвели с фронта по другой причине. Она понесла слишком большие потери. Не стало Андре Баль-ку, Лео Барбье, Мориса Бона, Поля де Форжа, Жераль-да Леона, Жака Матиса, Андре Ларжо, Роже Дени, Жана де Сибура... Все погибли в районе Ельня — Смоленск.

Особенно непредвиденной была смерть Жана Рея. Пуйяд поручил ему вместе с Астье доставить на У-2 в штаб дивизии срочное донесение. Часть маршрута пролежала над линией фронта. И тут Рей подстерегла вражеская... автоматная очередь. Его тело было буквально изрешечено пулями.

В середине октября накал сражения достиг высшего предела. Многие летчики увеличили свой боевой счет сбил пятого "фоккера" сам командир полка. Вместе с тем сказывалось нервное и физическое перенапряжение летного состава. К вечеру пилоты валились с ног. А тут еще приближалась русская зима. Такая же, как та, которую французам уже пришлось пережить; и они с тревогой думали о предстоящих холодах.

Французская военная миссия, тщательно взвесив ситуацию, решила сохранить костяк "Нормандии" для будущей авиадивизии и попросила советское командование временно снять полк с фронта, отвести его на зимние квартиры.

Оснований удовлетворить эту просьбу было более чем достаточно. За девять месяцев боев "нормандцы" сбили 75 вражеских самолетов, выполнили ряд других ответственных заданий. Потери французов составили семнадцать человек, в том числе девять из первых добровольцев. Из состава ветеранов остались, в живых только Альбер, Беген, Лефевр, де ля Пуап, Риссо. Бе-ген был трижды сбит; он очень сдал, начали пошаливать нервы, и пришлось отправить его в кратковременный отпуск с поездкой в Москву.

Хуже обстояло дело у Луи Астье. После похорон Рея у него произошел психологический надлом. Он нигде не находил себе места, у всех на глазах худел и бледнел. По состоянию здоровья его отправили на Ближний Восток.

Вот такую картину застали в полку Фару и Фуко, прибыв в Тулу для дальнейшего прохождения службы — теперь уже в качестве летчиков-истребителей авиации ПВО.

ТУЛЬСКИЕ САМОВАРЫ

Крест Освобождения вручается группе истребительной авиации по следующим мотивам: занятая на Восточном фронте под командованием майора Тюляна, пропавшего без вести в воздушном бою 17 июля, группа внесла в свой список с 1 апреля по 4 сентября 1943 года 75 безусловных побед, 4 возможных победы и 14 уничтоженных на земле самолетов противника. Группа потеряла 17 пилотов — половину своего личного состава. Подписано в Алжире 11 октября 1943 года.

Генерал де Голль.

Для получения высокой награды Пьер Пуйяд с некоторыми летчиками был вызван из Тулы в Москву. К тому времени там приземлился французский самолет с полковником Мармье на борту — бывшим личным пилотом генерала де Голля.

Волнующе проходила церемония награждения Крестом Освобождения. Все с обостренным вниманием прислушивались к тому, что говорил полковник. Боялись, что с вручением высокой награды будет объявлено о завершении боевой деятельности "Нормандии" и отзыве ее на Ближний Восток. Разбросанные по русской земле многочисленные могильные холмики с лотарингскими крестами были серьезным основанием к такому решению.

И вот в приветственной речи Мармье подошел к теме дальнейшей судьбы "Нормандии":

— Генерал де Голль просил передать вам свою признательность и благодарность за героизм, мужество и самоотверженность, проявленные в первой кампании. Он пожелал с такой же доблестью выполнять свой долг в последующих операциях, которые начнутся после передышки в Туле.

Пьер Пуйяд сиял, Альбер, Лефевр, де ля Пуап, Риссо, Беген заулыбались. "Нормандия" живет! Ее ждут новые славные дела! Остановка лишь за пополнением, которое, по словам полковника, вскоре должно прибыть.

Много радости доставил Мармье "нормандцам". Мало того, что вручил награды, привез хорошие вести. Кроме того, на борту его самолета оказалось 800 килограммов багажа для полка — вещевое имущество, продовольствие. Французы уже не знали ни в чём особой нужды, но кто не испытывает счастья от сознания, что ты не забыт в далеком крае, о тебе помнят, заботятся соотечественники?

Пуйяд распорядился все доставленное вещевое довольствие распределить между "нормандцами", а продуктами питания поделиться и с русскими механиками. Так многие наши ребята впервые попробовали любимые французами лакомства.

Вместе с полковником Пуйяд отправился в Алжир, где предстояло обсудить многие вопросы дальнейшей деятельности "Нормандии": повышение летчиков в должностях и званиях, проблема сохранения имущества и документов погибших — для передачи их впоследствии родственникам и так далее.

Особенно задевало "нормандцев" то, что до сих пор не отмечались их личные заслуги. Об этом больше заботилось советское командование, нежели французское. Причины такого, мягко сказать, невнимания давно хотел выяснить Пьер Пуйяд, но не представлялось возможности побывать там, где формировалась политика отношения к полку "Нормандия".

И вот он в Алжире. Здесь с первых же шагов почувствовал, что в высших кругах руководства "Сражающейся Франции" кое-кто смотрит на "Нормандию", как на сборище беглецов, переметнувшихся в Советский Союз по политическим мотивам. Как ни странно, но пришлось многих убеждать, что "Нормандия" — чисто национальное формирование, лишённое какого бы то ни было идеологического влияния со стороны русских; формирование, борющееся за освобождение своей родины.

Пуйяд встретился с генералом Буска — начальником штаба воздушной армии, затем — с командующим этой армией генералом Жиро. Оба, наконец, из первых уст услышали истинную правду о "Нормандии", об условиях, в которых она сражается, о ее победах и

потерях. Беседы кончились тем, что Жиро лично вручил Пуйяду награду — орден Почетного легиона, а Буска распорядился, чтобы он посетил близлежащие авиационные части и в каждой из них повторил свой рассказ о французах, действующих на советско-германском фронте. Начальник штаба дал указание не чинить никаких препятствий вербовке летчиков в Россию, устранить все препоны и проволочки, из-за которых задерживалось решение дел о наградах и присвоении званий личному составу эскадрильи. Пьера попросили составить список вещевого имущества и продовольственных товаров, которые предполагалось немедленно отправить в Россию.

Миссия Пуйяда завершилась приемом у главы Временного правительства Французской Республики. Высокий, худой, с желтой кожей лица Шарль де Голль пригласил гостя сесть. Когда генерал уселся за стол, Пьер почему-то подумал: "Куда девались ноги генерала?" Длинные, как бамбуковые побеги, они, казалось, никак не могли согнуться и спрятаться под столом.

Генерал самым подробным образом расспросил о "Нормандии", о каждом из погибших, многих из которых хорошо знал.

— Они более чем выполнили свой долг, — сказал де Голль. Затем поинтересовался: — Кто составляет ядро полка сейчас? Назовите и кратко охарактеризуйте их.

Пуйяд начал загибать пальцы:

— Марсель Альбер — невообразимое хладнокровие и точный глаз; Марсель Лефевр — неистовство и высокий профессионализм; Ролан де ля Пуап — бесстрашие и добрая улыбка; Жозеф Риссо-мастерство и спокойствие;

Дидье Беген — мужественность и душевная мягкость.

— И все?

— Да, эти пятеро — ветераны. Они прошли большую школу, на них можно всегда и во всем положиться.

— Маловато, — заключил де Голль и вдруг решительно спросил: — Командиры полков из них выйдут?

— Отлично будут командовать, мой генерал!

— В таком случае понапрасну ими не рискуйте, впереди для них найдется более перспективная работа.

Де Голль встал из-за стола и подошел к поднявшемуся Пуйяду.

— Возвращайтесь в полк, командуйте им, — протянул он Пьеру тонкую костлявую руку.

— Передайте своим товарищам мои наилучшие пожелания. Им предстоит выполнить большие, трудные задачи. Заранее поблагодарите их за это от моего имени.

— Спасибо, мой генерал!

Пьер Пуияд возвратился в Тулу. Там застал добровольцев из прибывшего пополнения: младшего лейтенанта Жака Андре — сына авиатора, широко известного в первую мировую войну; братьев Шалль — Рене и Мориса (двух из четырех летчиков этой семьи); первоклассного истребителя Мориса де Сейна; сражавшегося за республиканскую Испанию Леона Кюффо; инспектора летных школ Робера Марки и других пилотов, имевших достаточный летный и боевой опыт. Вот что значило командиру полка самому побывать в Алжире!

Прибыл также новый переводчик — младший лейтенант Игорь Эйхенбаум.

Мишель Шик перед этим уговорил Пуйяда перевести его на летную работу. Замена появилась как по щучьему велению. К слову, Шик должен был сразу признать, что сменщик гораздо более подготовлен к переводческой работе.

— Откуда ты так хорошо знаешь русский язык? — не удержался Мишель.

— От папы с мамой, — улыбнулся Игорь.

— Выходит, ты из России?

— Я — нет, а родители — да. — Откуда именно?

— Из Ельца.

— Чем занимались?

— Революцией. Были сосланы в Сибирь. Бежали за границу. Поселились сначала в Германии, потом во Франции; в общем — длинная история.

— Короче говоря, ты рад, что прибыл на землю предков.

— Не то слово. Я просто счастлив.

Эйхенбаум привлек к себе внимание "нормандцев" большой эрудицией, оптимистичностью характера, хорошо развитым чувством юмора.

Самое любопытное то, что Игорь никогда не думал быть переводчиком. Высококвалифицированный авиамеханик, он после побега из лагеря вишистов на "Потезе-25", который пилотировал другой механик, предстал перед майором Мирле.

— "Нормандии" нужен переводчик. Вы согласны? — спросил тот.

— Из-за недостатка зрения я не смог стать летчиком, а из-за избыточного знания языков должен отказаться от своей профессии?

— наших механиков в "Нормандии" нет, их заменили русскими. Сейчас особая нужда в переводчике с хорошим знанием авиационной техники. Пойдете?

— Ну что ж, согласен. Хотя и не о том мечтал.

Позже последнюю фразу Игорь постарается забыть? совершенно не представлял характера новой работы, не предполагал, что найдет в ней истинное призвание. Неожиданные заботы лавиной навалились на его плечи, увлекли своей важностью, серьезностью, необычностью, И первая из них — перевод с русского инструкций по эксплуатации нового модифицированного истребителя — Як-9Т, которыми стал перевооружаться полк.

Полк "Нормандия" располагался не в самой Туле, а в нескольких километрах от нее — в большом здании строившегося аэровокзала. На первом этаже находилась столовая, на втором — общие и отдельные спальные комнаты.

Летчики быстро освоились, и всех потянуло в город, о самоварах и самопалах которого шла молва по всему миру. Кстати, Ролан де ля Пуап утверждал, что в его родительском доме самой ценной семейной реликвией является тульский серебряный самовар.

— Небось твой прадед унес в восемьсот двенадцатом году, — не преминул поддеть Альбер.

— Не знаю, не знаю, но самовар отменный.

— Вы в самом деле чай из него пили? — снова спросил Марсель.

— Нет. Ром цедили.

За разговором не заметили, как во двор въехала выдавшая виды эмка блеклого цвета. Из нее вышел майор Красной Армии.

— Как найти вашего командира? — обратился он к Альберу.

Марсель вопрос понял, но ответить не смог, и поманил рукой: следуйте, мол, за мной.

— Майор Ефремов, начальник тульского Дома Красной Армии, — представился гость Пуйяду.

— Очень рад, — пожал руку Пьер. — С чем к нам пожаловали?

— Мы задумали провести вечер интернациональной дружбы. Просим и ваших летчиков принять в нем участие.

Пуйяд с ответом нашелся не сразу. Он помнил условия статуса "Нормандии" в СССР, свежи были и впечатления от пребывания в Алжире, где почти все побаивались, как бы летчики полка не стали коммунистами. Выходит, с вечером интернациональной дружбы вопрос щекотливый, неизвестно, как дело обернется. Но и отказывать любезному майору не пристало: Дом Красной Армии — заведение солидное, в нем смогут хорошо отдохнуть "нормандцы". Следовательно, есть прямой резон устанавливать и укреплять контакты.

— Что наши летчики должны делать на вечере?

— Только рассказывать о своих боях.

— Кому?

— Молодежи города.

— Будут и девушки?

— Обязательно. Больше, чем парней.

— В таком случае, ждите нас, — дал согласие Пуйяд. И тут же, вспомнив что-то важное, спохватился: — А мастерицы по пошиву одежды будут?

— Можем пригласить.

— Обязательно пригласите, есть к ним дело.

На том разговор и закончился.

А в очередную субботу "нормандцы" отправились в Тулу. Этот старинный промышленный город особого впечатления на них не произвел. Только в центре — кирпичные в несколько этажей здания, все остальные — деревянные, почерневшие, покосившиеся, не радующие глаз.

Зато Дом Красной Армии вызвал у всех восторг. Кинозал, бильярдная, библиотека, ресторан — все напоминало добрые старые времена, а также дни сравнительно беззаботной жизни на базе Раяк.

С нескрываемым удовольствием французы сдавали гардеробщику головные уборы, верхнюю одежду, перед огромными, во всю стену, зеркалами приводили себя в порядок. Затем приступили к осмотру Дома, который закончился посещением ресторана.

Потом начался сам вечер. "Нормандцы" никогда не думали, что именно они окажутся в центре внимания битком набитого людьми зала. Их засыпали вопросами. Эйхенбаум и Шик едва справлялись со своими обязанностями. Русских интересовали малейшие подробности довоенной и военной жизни французских летчиков. У девушек особое оживление вызвало сообщение, что почти все они — холостяки. Представители разных предприятий приглашали гостей к себе на экскурсии, на встречи с молодежью.

Так ли все получилось, как задумывал майор Ефремов, неизвестно, но только вечер всем очень понравился. А когда объявили о танцах под духовой оркестр, — все пришли в движение. Поэтому Пуйяду с большим трудом удалось объявить, что он хочет поговорить с кем-либо из швейников, если таковые в зале имеются.

Тут же на сцену к нему поднялись три совсем юных создания. С помощью Шика и офицера связи Кунина Пьер выяснил, что это лучшие мастера пошива одежды, заслужившие право быть приглашенными на вечер интернациональной дружбы.

Пуйяд удивился такой постановке вопроса.

— Неужели это право нужно было заслужить? — спросил он у Кунина.

— Вместить всех желающих Дом Красной Армии не мог, поэтому пришлось заняться отбором лучших производственников, — объяснил тот.

— Пожалуй, резонно, — согласился Пуйяд и обратился к девушкам: — Рая, Катя и Валя! Смогли бы вы одеть моих офицеров в утепленные штормовки?

— Разумеется, смогли бы. Только нет подходящего материала.

— Материала хватит — я привез из Алжира.

— Тогда надо только снять мерки с ваших офицеров а получить образец штормовки, — сказала Рая, старшая из троих.

— Все это мы обязательно организуем, а теперь пойдете танцевать.

Взяв девушек под руки, Пьер, де ля Пуап и Жозеф Риссо тремя парами вышли в зал, наполненный мелодией вальса "На сопках Маньчжурии". Танцы уже были в разгаре.

Пуйяд, увлекая Раю в пьянящие вихри вальса, успел окинуть взглядом своих орлов. Они лихо кружились, о чем-то весело переговариваясь с партнершами. Один лишь Александр Лоран стоял в сторонке и не отводил широко раскрытых карих глаз от черноволосой девушки, находившейся в окружении русских парней. Она действительно была хороша и лицом, и фигурой, на ней очень ладно сидело крепдешиновое платье простого покроя; нельзя было не обратить внимания на стройные, словно бы точеные ножки в туфлях на высоких каблуках.

"Вкус у него недурен, да только, судя по всему, девушка не про него", — сделал для себя вывод Пуйяд и закружил Раю в вихре вальса. Каково же было его удивление, когда они чуть

не столкнулись с Лораном, ведущим в танце черноволосую девушку. "Парень-то не промах", — отметил Пьер. Он пристально посмотрел им вслед и понял: эта встреча может оказаться не из ряда обычных. Слишком уж удивленно, будто увидев молнию среди ясного неба, поглядывают друг на друга.

Потанцевав еще немного, Пуйяд сообщил Рае, что пришлет за швеями машину, которая доставит их на аэродром, галантно раскланялся и пошел искать майора Ефремова: не терпелось поскорее узнать, что еще интересного будет в ближайшее время в его учреждении. За ним последовал Мишель Шик.

Ефремова застали как раз за разработкой плана работы Дома Красной Армии на январь.

— Нельзя ли включить нас на новогодний вечер? — без обиняков спросил Пуйяд.

— Опоздали, — огорченно произнес Ефремов. — Тридцать первое декабря полностью закуплено оружейным заводом.

— Как закуплено?

— Завод оплатил аренду помещения.

— Значит, вы и с нас потребуете деньги?

— Ну что вы! Вы — совсем другой разговор.

— Понятно. Так что же у вас намечается на январь?

— Будут московские артисты, писатели, в частности Илья Эренбург собирается к нам.

— О нем мне рассказывали Тюлян, Альбер и другие однополчане. По их словам, общение с ним очень интересно.

— Значит, встретитесь снова. Еще мы планируем вечера эстрады, поэзии. А вот не совсем обычное мероприятие, на нем настояли трудящиеся города. Это концерт, посвященный патриотическому движению — сбору денежных пожертвований в фонд обороны СССР.

— Добровольных пожертвований? — удивленно поднял брови Пуйяд.

— Абсолютно добровольных, — подтвердил Ефремов. — Наши люди готовы все свои сбережения и даже заработки отдавать для скорейшего разгрома фашизма. Кстати, сбор за концерт также пойдет на эти цели.

Пуйяд вспомнил самолет, подаренный эскадрилье русской православной церковью. Он, правда, свое уже отработал, его списали, но память о нем у французов жива. Раньше им ни в одной стране не приходилось сталкиваться с подобным явлением. Нигде ни организации, ни частные лица не тратили своих средств на оборонительные цели.

— Пригласите нас на этот концерт, хочется посмотреть, как все будет.

— С удовольствием. о

Поздней ночью "нормандцы" покидали гостеприимный Дом Красной Армии. Они на славу отдохнули, повеселились, завязали знакомства. Игорь Эйхенбаум бережно держал на коленях сверкающий тульский самовар, подаренный "Нормандии" от имени жителей города. Когда собрались отъезжать, спохватились: нет Лорана. Нашли его за углом, пританцовывающего в легких туфельках на пятнадцатиградусном морозе вокруг своей черноглазой партнерши.

— Алекс, — сказал ему Альбер, когда тот вошел в автобус, — ты слишком быстро воспламенился. Смотри, сгоришь.

— А он посчитал бы за счастье сгореть с такой красавицей, — бросил де ля Пуап. Лоран молчал.

Новый, 1944 год встречали всем полком в своей столовой на первом этаже. В центре русские механики установили красочно наряженную, ярко иллюминированную елку. Под нею пыхтел подарок туляков — самовар. Все, вместе взятое, доставило французам немало радости.

Пуйяд не остался в долгу: перед открытием вечера торжественно вручил каждому механику добротный исполненный герб "Нормандии". Авиаспециалисты принимали подарок как высокую награду, искренне благодарили.

Первый тост командира полка был за русских боевых друзей-соратников. Агавельян в свою очередь провозгласил тост за летчиков "Нормандии", за их новые победы в небе России.

Потом допоздна звучали песни. Все вместе пели "Катюшу", "Марсельезу", "О Париж, мой Париж!..". Где-то под конец Пьер Пуйяд рассказал о программе Дома Красной Армии, вспомнил и о концерте, сбор с которого пойдет на оборону СССР.

— Любопытно, — отозвался Жозеф Риссо. — Мы ведь тоже можем принять в этом участие?

— Не можем, обязаны! — развалились голоса.

— И не только тем, что купим билеты на концерт, — отдадим свои премии за сбитые самолеты, — поднялся с места Марсель Лефевр.

Предложение, внесенное недавним участником московского Международного конгресса антифашистов, вызвало у французов большой энтузиазм.

Они тут же стали подсчитывать, какую сумму может составить взнос "Нормандии". Даже по первой примерной прикидке вырисовывалась солидная цифра. Ведь за каждый сбитый фашистский самолет определялась премия в тысячу рублей.

Пуйяд был доволен таким оборотом дела, однако не вйал, какой будет реакция генерала Пети.

На следующий день командир полка послал ему запрос по этому поводу. Глава французской военной миссии связался с отделом внешних сношений Народного комиссариата обороны и, получив там поддержку, обратился со следующим письмом непосредственно к И. В. Сталину:

...Имею честь сообщить Вам это пожелание пилотов "Нормандии" просить Вас дать согласие на их участие в усилиях, которые прилагает советский народ... для производства вооружения. Для них будет большим удовлетворением узнать, что по мере своих возможностей они приняли участие в производстве вооружения, которое в руках героических бойцов Красной Армии обеспечит победу Советскому Союзу, а также демократическим странам и моей родине.

Верховный Главнокомандующий дал "добро" патриотической инициативе "нормандцев".

И на концерте в тульском Доме Красной Армии подполковник Пьер Пуйяд смог торжественно объявить, что летчики его полка к огромным средствам, собранным тружениками страны в фонд обороны СССР, прибавляют и свой скромный взнос в сумме восьмидесяти двух тысяч рублей.

В январе начались тренировки на Як-9Т. Летчики форсили в своих новых темно-синих штормовках, любовно сшитых лучшими тульскими мастерицами. Рая, Катя и Валя, сняв мерки со всех "нормандцев", каждый из которых пытался назначить им свидание, сумели зажечь своих подружек стремлением побыстрее "приодеть французских мальчиков" и все вместе за счет отдыха сумели в кратчайшее время выполнить заказ Пьера Пуйяда.

Чем мог отблагодарить девушек командир полка? Шутливо пообещал при случае покатать их на самолете и добавил, что не будет мешать своим ребятам встречаться с ними.

"Нормандцы" каждый раз с благодарностью надевали аккуратные куртки с застёжками-"молниями". Им казалось, они намного теплее оттого, что сшиты нежными руками мастериц, вскруживших многие горячие головы.

Тертый жизнью, Пуйяд умел многое предугадывать и предусматривать. Но предположить, что представительницы прекрасного пола могут как-то влиять на безопасность полетов, не мог.

Риссо и Лорану он поручил перегнать в Москву "яки", выработавшие боевой ресурс. Оба "нормандца" как следует подготовились к полету, продумали все до мелочей и в назначенное время стартовали.

В небе было абсолютно спокойно. Риссо и Лоран без приключений шли по маршруту. Но у самой Москвы Риссо, оглянувшись, не обнаружил ведомого. Не на шутку встревожившись, он развернулся, прошел немного назад-ищи ветра в поле. Что за чертовщина?! Куда мог

деваться Лоран? Так ничего и не поняв, пригнал самолет к месту, сдал его, вернулся в полк и доложил обо всем командиру.

Присутствовавший при этом Марсель Альбер многозначительно заметил:

— Шерше ля фам, мой командир!

Знаменитое выражение "Ищите женщину!" вначале не произвело на командира никакого впечатления.

— При чем тут это? — переспросил он. — Что, с полдороги вернулся к возлюбленной? Где же, в таком случае, разрешите спросить, он приземлился? Не под ее ли окном?

Крыть было нечем, Марсель даже почувствовал неловкость: товарищ наверняка попал в беду, а он злословит.

Ясность внесла телеграмма из московского госпиталя: Александр Лоран, совершивший вынужденную посадку, доставлен туда в бессознательном состоянии. А через несколько дней этот стройный красивый брюнет появился в полк с перевязанной головой.

— Что случилось, Алекс? — был первый вопрос Пуйяда к нему.

— Мой командир, я размечтался о тулячке Рите и забыл переключить бензобак...

— Значит, все-таки виновата женщина, — сокрушенно констатировал командир. —

Дорого обходятся ваши сердечные дела!

— Виноват, мой командир, больше мне сказать нечего.

— Как нечего, если по глазам вижу: не решаешься отпроситься к своей Рите.

— Мне для полного выздоровления предоставлено пять дней.

— Она, наверное, уже ждет за воротами?

— Думаю, да.

— Ну что с вами поделаешь... Не забудь пригласить на свадьбу.

Добрая, ласковая Рита была потрясена случившимся. Сослуживцы по шахтоуправлению, где она работала секретаршей, не знали, как утешить ее. Не находила слов утешения и мать. Только одно могло успокоить — живой Саша Лоран. И Рита, никого не стесняясь, бросилась ему на шею, как только он вышел за проходную.

Пять дней девушка, не считаясь ни с какими расходами, потчевала пострадавшего любимыми им яйцами всмятку и блинами. Лоран был на седьмом небе от счастья. К концу лечебного отпуска он спросил Риту:

— Ты согласилась бы стать моей женой?

— Сейчас война, Саша. Кроме того, ты — иностранец.

— А в мирное время мы могли бы быть супружеской четой?

— Давай, Саша, вернемся к этому разговору позже.

Зима снова начала допекать французам. Когда новички говорили Альберу, Риссо, де ля Пуапу, что им морозы не страшны, у них-де есть уже закалка, те отвечали:

— Чтобы привыкнуть к русской зиме, надо прожить здесь сто лет.

Правда, ветеранов-"нормандцев" утешало отсутствие их бывших механиков. За них-то больше всего приходилось переживать. Сейчас совсем другое дело. Русским ребятам стужа нипочем. Никто еще не обморозился, не заболел, хотя морозы доходили и до тридцати пяти градусов. Особо следует отметить: еще не было случая, чтобы самолет к назначенному времени оказался не готовым к вылету. В хозяйстве Агавельяна все шло четко и слаженно. Правда, давалось это нелегко. Ведь поломка следовала за поломкой.

Молодой, задорный, острый на язык Франсуа де Жоффр, как и многие другие, сказал, что имеет немалый налет. Заместитель комэска Лефевр, скептически относившийся к подобным заявлениям, почему-то поверил и де Жоффру на слово. И вот они, как ведущий и ведомый, взмыли в первый тренировочный полет. Попали в снегопад. Срочно развернулись, пошли на посадку. И Франсуа "приземлился" прямо на Ла-5, выруливавший на старт. Никто не надеялся на спасение летчиков, но они остались живы.

— Хорошо же ты начинаешь! — зло прошипел Лефевр.

Пуйяд приказал своему заместителю больше никому не верить на слово, самым строгим образом проверять навыки пилотирования каждого "нормандца" из пополнения и

соответственно налаживать обучение. Лефевр, таким образом, превратился в "штатного" летчика-инструктора с правом допуска новичков к самостоятельным вылетам, что накладывало на него исключительную ответственность.

Жак Андре, Репе и Морис Шалль, Морис де Сейн, Леон Кюффо, Робер Марки и другие вошли в строй сравнительно быстро. У них чувствовалась хорошая летная школа. Новая машина и совсем другие условия полетов не вызывали у них напряженности, скованности, растерянности. Правда, службе Агавельяна и они подбрасывали работенки, но это было ничто по сравнению с такой заботой, какую принес Франсуа де Жоффр.

Инженер полка категорически отказался списывать разбитый истребитель и взялся за его восстановление.

Это обошлось почти всему техническому составу в не^сколько бессонных ночей, однако де Жоффр смог вскоре возобновить полеты на своем истребителе.

Пуйяд откровенно восхищался золотыми руками механиков, не знал, как благодарить их руководителя — Сергея Давидовича. Но нашел нужным и предостеречь его:

— Скоро к нам прибудет еще пополнение. Можно ожидать новой рубки дров. Так вы, Агавельян, поберегите своих парней: не беритесь в безнадежных случаях за ремонт самолетов.

— Слушаюсь, товарищ командир. Прошу только одно: разрешите мне самому определять степень безнадежности машины.

— Это право остается за вами.

Через несколько дней действительно прибыли новые летчики — Банер, Бурдые, Брией, Лебра, Мартело, Муане, Ирибарн, Пьеро. Все они разными путями пробились в "Нормандию", о которой уже шла большая слава в ВВС "Сражающейся Франции". А самая интересная судьба была у летчика Андре Муане. Еще в 1940 году вместе с полковником Мармье он комплектовал в Африке группу "Эльзас". Затем сражался с фашистами в небе Англии, откуда и прибыл в Россию. Теперь не де ля Пуап, а он стал самым молодым по возрасту летчиком полка.

И что еще важнее — Лефевр убедился: прибывшие схватывают все правила пилотирования с первого полета. Лефевра назначили командиром звена, в состав которого вошел и Франсуа де Жоффр.

Лефевр, Альбер, де ля Пуап, Риссо, Беген продолжали "вывозить" молодежь.

Как-то в разгар летного дня на аэродроме приземлился Ли-2. Пьер Пуйяд, ожидавший гостей из Москвы, поспешил на джипе к самолету, из которого уже выходили генералы Пети, Шиманов и Левандович. Поздоро

вались.

— Как идут полеты?

— Сегодня нормально.

— Редко бывает "нормально"?

— К сожалению, да.

— В чем же причины?

— Главная — недоученность летчиков. Они скрывают это, а потом расплачиваются.

— Какие меры принимаете?

— Тщательно проверяем каждого вновь прибывшего и обучаем по специально разрабатываемым индивидуальным программам,

— В этом, пожалуй, единственно правильный выход, — согласились генералы.

Они некоторое время понаблюдали за ходом полетов, прошли по стоянке, посмотрели, как трудятся авиаспециалисты.

— Как обстоит дело со снабжением горючим, запасными частями? — спросил у Агавельяна генерал Левандович.

— С бензином проблем нет, с маслами тоже. А вот лимит запасных частей не мешало бы увеличить.

— До меня дошли слухи, что вы кое-что сами изготавливаете.

— Слухи преувеличены, товарищ генерал. Когда дело идет о прокладках, шайбах и другой мелочи — обходимся, но не все сделаешь своими руками.

— А вы подбросьте шайб и прокладок восемнадцатому полку взамен дефицитных частей.

— Так уже все, что могли, выменяли у них, — улыбаясь, чистосердечно признался Сергей Давидович.

— Хорошо. Вашу просьбу постараемся учесть. Но смотрите, чтобы на складах не залеживались запчасти, — хитро подмигнул Левандович.

На что Агавельян твердо ответил:

— Наш полк — единственный в своем роде, товарищ генерал, а мой долг — обеспечить его нормальную боевую работу.

— Молодец! — не удержался Эрнест Пети, слушавший разговор. — С таким и инженером наши летчики могут не беспокоиться за технику.

— Мы знали, кого направить сюда, — отозвался генерал Шиманов.

Сергей Давидович слушал похвалы, а сам соображал, какую бы еще пользу извлечь для полка из доброго к нему отношения высокого начальства. И уже собирался обратиться с просьбой о присылке нового оборудования для ремонтной мастерской, но тут Пети сказал подошедшему Пуйяду;

— Пьер, дело к обеду, прекращай полеты, строй весь личный состав.

Через час в морозном воздухе над летным полем, под трепетание на ветру французского и советского флагов торжественно зазвучала "Марсельеза", а затем — Гимн Советского Союза. Они исполнялись в честь награждения летчиков полка.

Генерал-полковник авиации Н. С. Шиманов, объявив Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 февраля 1944 года, вручил ордена Красного Знамени подполковнику Пуйяду, капитану Бегену, старшим лейтенантам Альберу, Лефевру, лейтенанту де ля Пуапу. Вместе они сбили 45 вражеских самолетов. Лейтенант Риссо и младший лейтенант Фуко удостоились ордена Отечественной войны 1-й степени, Жаннель и Матис — Отечественной войны 2-й степени.

— Младший лейтенант Жеральд Леон! — зачитывали далее наградные документы,

— Младший лейтенант Леон погиб на поле брани за Отечество, — прозвучало в ответ из строя.

— Младший лейтенант Жеральд Леон посмертно награжден орденом Отечественной войны второй степени и орденом Почетного легиона.

То же самое повторилось, когда прозвучали имена Бальку, Бона, Дени, Ларжо... Их останки, как и тех, кто погиб раньше, покоились в русской земле. Далеко не у всех был могильный холмик. Одни превратились в пепел. Другие, замурованные в кабинах, бесследно канули в леса и топи. Третьи в числе безымянных солдат похоронены в братских могилах.

К сожалению, так уж устроен мир: правое дело без жертв не отстоишь. Много лет спустя после войны "нормандцы" будут петь:

Ну, а тем, кому выпало жить, Надо помнить о них и дружить...

Торжественное построение закончилось обедом, веселым чаепитием из подаренного тульского самовара.

Гости улетели, а летчики были приглашены в Дом Красной Армии на балет Чайковского "Лебединое озеро" с участием Ольги Лепешинской.

После того памятного дня в полку целый месяц не было происшествий.

— Награды подняли дух, — констатировал Лефевр. — А может быть, это результат вашей работы? Помогли новичкам встать на ноги, — высказал предположение Пуйяд.

— Старожилы полка сделали, конечно, все, что было в их силах. Дай бог, чтобы и дальше все шло, как сейчас.

— Завтра, Лефевр, восемнадцатое марта. Генерал Пети обещал, что в этот день к нам прибудет еще группа летчиков.

- Так, смотри, мы перерастем рамки полка.
- К тому все идет, дорогой.
- Выходит, работы у нас никогда не убавится?
- Выходит, так,

По злому стечению обстоятельств вновь прибывшим пришлось начинать службу в "Нормандии" с участия в похоронах.

Жуар и Бурдые — неразлучные друзья. На земле и в воздухе — вместе. Ни один не признавал за собой права ведущего. Оба равны. Потому по очереди летали в качестве ведомого.

Это шло вразрез с наставлением по производству полетов, но Пуйяд поощрял такую дружбу, видя в ней залог неуязвимости в бою. Полковые же шутники реагировали по-своему.

— А как у вас с девушками? — то и дело "подначивали" их. На это оба отвечали:

— Не волнуйтесь, и тут полный порядок.

Вокруг Жуара и Бурдые всегда была атмосфера душевного, сердечного притяжения. Они всегда — центр веселой компании, где в почете шутки и смех. Оба симпатичные, ладно скроенные, они могли и спеть и сплясать. На этой почве Жуар и Бурдые быстро нашли общий язык с Лораном — обладателем великолепного голоса. Александр исполнял целые арии из опер, Жуар и Бурдые с удовольствием подпевали ему.

В тот день, 18 марта, они с утра, бреясь, дружно спели знаменитую каватину Фигаро из оперы "Севильский цирюльник".

Ничто не предвещало беды. Но она пришла как гром среди зимы.

Жуар и Бурдые поднялись в небо, начавшее затягиваться тучами. В наборе высоты им пришлось пробивать облака.

— Бурдые, подтянись, не отрывайся, — предложил по радио Жуар.

Самолеты ныряют в серую пелену.

Что произошло в следующую секунду, не видел никто. Только два "яка" на глазах у всех, беспорядочно переворачиваясь, вывалились из плотных облаков и неуправляемо понеслись к земле. По всей вероятности, Бурдые, прибавив обороты, чтобы не отстать от Жуара, столкнулся с ним.

На аэродроме все оцепенело от ужаса. Вздох облегчения вырвался у многих, когда от самолета ведущего отделилась черная точка и над ней раскрылся белый купол. Ждали, что вот-вот покинет борт и пилот ведомого. Но тут произошла еще одна трагедия: пылающая машина Бурдые задела раскрытый парашют, и тот вспыхнул как спичка.

Более страшного зрелища в небе никому видеть не приходилось. Это была катастрофа из числа тех, которые надолго выводят всех ее свидетелей из душевного равновесия.

Тела погибших друзей положили рядом на трехцветное национальное полотнище. И в смерти они неразлучны.

Потрясенные летчики стояли вокруг. В ушах каждого продолжало звучать "Фигаро там, Фигаро здесь", а уста тех, чьи задорные голоса они слышали еще утром, были сомкнуты навсегда.

Черпыи траур царил в полку.

Он привел в крайне угнетенное состояние и только что прибывшую группу летчиков во главе с капитаном Луи Дельфино. Чем-то отдаленно схожий с Пьером Пуй-ядом, он стоял, в скорби склонив голову, а рядом в глубокой печали застыли Гастон, Жецес, Пинон, Лемар, Эмоне, Перрен, Мансо, Меню, Микель, Табуре. С первой минуты пребывания на тульской земле они получили жестокий урок того, как можно сложить крылья, даже не побывав в воздушном бою.

С новым отрядом летчиков прибыл и кюре Патрик. Вместо первой проповеди ему предстояло отпевать погибших. Среди французов верующих почти не было — проявляли уважение к религиозным обрядам лишь традиционно. Этого не мог не заметить проницательный служитель культа. Заботясь об укреплении своего престижа, он хотел было

и похороны организовать согласно религиозным обычаям. Но этому помешало одно непредвиденное обстоятельство.

Весть о трагедии в полку "Нормандия" быстро докатилась до Москвы. Военная миссия сразу же направила в воинскую часть месье Карбринелла и Люсетт Моро — землячку Жюля Жуара. Девушке было доверено нелегкое поручение: запечатлеть в памяти похороны, чтобы потом, по возвращении на родину, рассказать о них родителям Жуара.

Имя Жуара к тому времени уже было широко известно. В воздушных сражениях над Францией он сбил пять фашистских самолетов. Был несколько раз ранен. На обычной лодчонке бежал от вишистов в Англию. Затем попал в Дакар, где его арестовали и бросили в тюрьму. Вырвавшись из нее, через Испанию пробился в Африку, где присоединился к силам "Сражающейся Франции".

Никакие испытания на пути в "Нормандию" не сломили волю и мужество Жуара, и вот на тебе: по глупой случайности так нелепо оборвалась его жизнь.

Карбринелл настоял на погребальной процедуре в соответствии с французским армейским уставом, и юре вынужден был согласиться.

Последним пристанищем друзей стала могила в приаэродромной рощице. Люси возложила на нее большой венок живых цветов, привезенный из Москвы, посреди которого водрузила собственноручно вырезанный из картона и обклеенный фольгой лотарингский крест.

Поминальный обед прошел при полном молчании. Но французы не были бы французами, если бы присутствие дамы не заставило их хоть на некоторое время забыть о печали и горестях. Как только встали из-за стола, все столпились вокруг Люси.

Люсетт знали все, даже и те, кто никогда раньше не видел ее. У каждого нашлось к ней какое-то, пусть самое незначительное, но дорогое дело. Ведь исполнить его должен был милый, нежный и ласковый ангел-хранитель полка, близко к сердцу принимающий все, что касается "Нормандии".

Люси старательно записывала просьбы — одному купить запонки, другому — лезвия для бритья, третьему — теплые носки. Когда все пожелания были высказаны, Пуйяд спросил:

— Дорогая Люси, а чем мы сможем отблагодарить вас?

Она, не задумываясь, выпалила давнюю сокровенную мечту:

— Прокатите на истребителе.

Мало кто знал, что ее отец был когда-то авиационным механиком, благодаря которому она в детстве поднималась в воздух. На какой машине, не помнит, но чудесное ощущение высоты и скорости сохранила на всю жизнь. И никогда не теряла надежды испытать его еще раз.

Пуйяд не мог отказать. Но, глянув в окно, за которым мела густая поземка, засомневался в возможности полета. Его решение опередил Робер Марки:

— Разрешите мне подняться с Люси?

Марки в полку с января. Успел неплохо показать себя, механикам никаких забот пока что не доставлял. Вызвался прокатить Люси? Что это, проявление мужской галантности или нечто большее? Не наделает ли Робер глупостей в воздухе? Пуйяд мысленно вернулся к Жуару и Бурдые. Отказ уже висел у него на кончике языка. Но тут пропела Люси:

— Я согласна.

— Ну что ж, Робер, давай. Только без выкрутасов.

Так впервые на "яке" полка "Нормандия" в воздух поднялась француженка. Сперва, конечно, ее экипировали надлежащим образом.

Марки оказался все-таки не из тех, кто умеет сдерживать себя. Крутых разворотов, глубоких виражей ему показалось мало. Пошел на сложный пилотаж, мастерски выполнил весь его комплекс.

Люсетт, широко раскрыв красивые с голубой поволокой глаза, крепко уцепившись руками за борта, мужественно переносила перегрузки головокружительного пилотажного каскада.

Пуйяд, наблюдая за тем, что выделял Марки, рвался к трубке микрофона, но тут же сдерживал себя: сознавал, что, полети он с дамой на борту, делал бы то же самое.

Пребывание Люсетт в полку сгладило тяжелые впечатления, которыми начался день печали и скорби. И когда она в своем сером пальтишке с пушистым белым воротником, стоя в проеме дверцы Ли-2, посылала всем прощальные воздушные поцелуи, каждый думал о том счастливом времени, когда они вернутся во Францию к своим возлюбленным. Жизнь брала свое, никто не хотел думать о возможности безвременной смерти.

Не думал об этом и Беген. Однако после трагедии, приключившейся с Жуаром и Бурдые, он сильно сдал, стал без явного повода взрываться, перессорился с доброй половиной летчиков.

Понаблюдав за ним, Лебединский вошел в ходатайство перед Пуиядом об отправке Дидье Бегена на Ближний Восток, где тот в сравнительно спокойной обстановке мог прийти в себя.

Дидье уехал. В дальнейшем судьба забросила его в Голландию, где 28 ноября 1944 года он был сражен огнем немецких зенитных орудий. Так "Нормандия" лишилась еще одного ветерана.

А загадка столкновения Жуара и Бурдые разъяснилась спустя несколько дней, когда де Панж раскладывая по мешкам вещи погибших. Их теперь уже не делили между летчиками, а отправляли на хранение в военную миссию. Среди документов Бурдые Жан нашел письмо, адресованное Пуияду. Это было признание в том, что он почти совсем не умеет летать, совершенно не готов к воздушным боям на тяжелейшем русском фронте, но даже самому себе боится признаться в этом, чтобы не быть изгнанным из полка "Нормандия". Морис так и не решился передать это письмо адресату. И тем самым как бы подписал себе и Жуару смертный приговор. В моральном плане его, конечно, трудно было винить. Однако еще раз подтвердилось незыблемое правило авиации: небо никому не прощает недоученное™, перед ним все равны, его требования всегда одинаково жестки.

Тренировки продолжались.

В последний день марта, уже пахнувший приближающейся весной, Пьер Пуияд объявил:

— Сегодня к нам прибудут генерал Захаров и писатель Илья Эренбург. Хотят посмотреть на наши полеты. Так неужели ударим лицом в грязь?

Разумеется, не должны. Таким гостям надо показать себя только с самой лучшей стороны. От генерала Захарова зависят сроки отправки на фронт — всем уже изрядно надоело распивать чай из тульского самовара. А Илья Эренбург, как это уже не раз бывало, своим острым пером напечатает миру, что "Нормандия" живет, действует, готовится к новым схваткам с врагом. Вскоре снова зазвучит в эфире тревожное немецкое: "Ахтунг, франсьезен!" А пока только приказы Верховного Главнокомандующего с благодарностями за участие в освобождении городов Орла, Спас-Деменска, Ельни и Смоленска, бережно хранимые новым начальником штаба капитаном Шураховым, напоминали о недавней славе "Нормандии".

Лефевр со своей 3-й эскадрильей получил задание: продемонстрировать групповой полет, затем одиночный пилотаж и в заключение пройти всей эскадрильей в парадном строю над аэродромом.

Программа выполнялась безукоризненно. Гости поздравляли Пуияда, тот удовлетворенно потирал руки.

Заходил на посадку последний самолет, управляемый младшим лейтенантом Монье.

Зрители начали расходиться. Захаров, Эренбург, Пуияд направлялись в столовую.

И тут до ушей командира полка донесся радиодоклад Монье:

— Отказал мотор!

Пьер возвращается, выхватывает у Альбера, руководившего полетами, микрофон:

— "Раяк-пятнадцать", сможете дотянуть до начала полосы?

— Не уверен. Далековато.

— Тогда прыгайте. Немедленно прыгайте!

— Поздно: малая высота.

В следующую секунду "як" с треском врезался в верхушки деревьев, перевернулся, гулко ударился о землю, взметнулся вверх и развалился на куски.

Все, словно по команде, бросились к месту катастрофы. Каково же было удивление, когда увидели выбравшегося из-под обломков и шагнувшего навстречу Монье!

— На этот раз тоже не конец, — сказал он и без сознания упал на руки товарищей.

Уже четвертый год подряд судьба испытывала его. В 1941-м он врезался в дом, в 1942-м — еле вывел из штопора вышедший из повиновения "харрикейн", в 1943-м — скапотировал при вынужденной посадке.

Счастливчик Монье отделался испугом да шрамом на щеке. Уже вечером он вместе со всеми участвовал во встрече с Ильей Эренбургом. Писатель, попыхивая своей неизменной, неподвижно висящей в уголке рта трубкой, рассказывал о встречах с первыми "нормандцами" в Иваново, об их героических делах, о боевых подвигах советских воинов.

Особенно понравилась всем услышанная от него история о том, как один бывший сибирский охотник — чемпион среди снайперов фронта — "подарил" ему двести из четырехсот уничтоженных им фашистов. "

— Но вы же не будете больше чемпионом, — возразил писатель против такой щедрости солдата.

— Не волнуйтесь, я свое быстро наверстаю, — заверил снайпер, — а у вас тоже будет солидный личный счет.

Французы, для которых были вновь почет и уважение, которыми пользовались в народе советские писатели, воочию убедились в том, что для этого есть веские основания. Писатели несли людям яркое волнующее слово правды о войне, о ее героях.

От Эренбурга многие "нормандцы" впервые узнали о Зое Космодемьянской, Александре Матросове, Дмитрие Глинке, Иване Кожедубе, Александре Покрышкине. Славные дела этих людей никого не оставили равнодушными.

Вечер закончился пением французских и советских песен. Пели все — и хозяева, и гости.

Под конец недавно вернувшийся из госпиталя Фуко обратился к генералу Захарову:

— Скоро ли нас отправят на фронт?

С разных сторон сразу же послышались голоса:

— Да, пора.

— Так совсем забудем запах пороха.

— Надоело вхолостую утюжить воздух. Командиру дивизии льстило это настроение.

— Чувствуете, как народ рвется в бой?! — подмигнул он Эренбургу. — Постарайтесь передать этот дух в своих публикациях.

— Обязательно, обязательно, — заверил тот. — Этот дух, как мне кажется, помог выйти сухим из беды Монье, он принесет полку новые победы.

Гости уехали, а "Нормандия" вернулась к обычным будням. Два Як-7 — со спаренным управлением — работали на износ: Лефевр, Альбер, де ля Пуап, Риссо с утра до вечера по очереди "вывозили" на них молодежь. Когда Лефевр докладывал, что такой-то готов к самостоятельному вылету, его лично проверял Пуйяд. Если и он давал "добро", летчик пересаживался на выдавший виды Як-1. Докажет, что за него волноваться не надо, ему вручают новенький Як-9Т. Эти мощные машины, стоило их хорошенько "оседлать" да "обуздать", становились удивительно послушными, легко управляемыми. И тем, кто не форсировал события, не пытался сразу всему научиться, а шел по программе обучения от простого к сложному, никакие неприятности не грозили.

Более тридцати из сорока вновь прибывших летчиков успешно переучились, прошли все проверки и приступили к боевой подготовке: стрельбе по наземным мишеням, патрулированию, сопровождению, прикрытию и так далее.

К середине апреля подготовка летчиков была доведена до такого уровня, при котором советское командование сочло возможным поручить им противовоздушную оборону Тулы.

— Нам оказана высокая честь! — прокомментировал это событие Франсуа де Жоффри. — Мы должны обеспечить безопасность трехсот тысяч жителей города, в том числе прелестных посетительниц Дома Красной Армии.

На что Лефевр ответил:

— Для тебя, Франсуа, вполне было бы достаточно только последнего.

Все вокруг заулыбались, вспомнив, как де Жоффри попытался было ухаживать за участницей художественной самодеятельности, которая оказалась... переодетым парнем.

Полк фактически снова приступил к боевым действиям. Правда, в это время гитлеровцы, кроме ночных высотных разведчиков, которых нельзя было достать, в тульском небе почти не появлялись. Однако служба приобретала совсем иной смысл: теперь хоть чем-то можно было оправдать свое существование. Избыток энергии, нерастрачиваемый в схватках, летчики расходовали на лихой пилотаж.

Пуйяд нутром чувствовал, что это добром не кончится, многих строго предупреждал, одного-двух даже временно отстранил от полетов. Но вот крутанул две бочки перед посадкой и забыл выпустить шасси Мишель Шик, с крутого разворота зашел на полосу Эмоне, в результате чего приземлился прямо на стоянку и вместе со своим повредил три самолета, чем до глубины души возмутил всю службу Агавельяна.

А непоправимое случилось с Фуко.

Врачи сказали, что у него произошло уплотнение позвоночника, и летать больше не рекомендовали. Фуко без неба себя не представлял. Стал тренироваться. Терпения на то, чтобы медленно втягиваться в полеты, не хватало — торопился, хотел поскорее подготовить себя к боям, чтобы, не дай бог, не отстать от других. А в летном деле всякая спешка чревата большими опасностями. Перегрузки несколько раз дали знать о себе болями в пояснице и головокружениями. Но, как выяснилось потом, только в письмах к Люси и Жижи он признавался в этом.

Как ни боролся Пуйяд, а стремление залихватски завершать вылет становилось плохой модой. Ей поддался и Фуко. Однажды, возвращаясь с утреннего задания, он красиво, чересчур красиво перевернулся через крыло и в таком положении метеором пронесся над аэродромом. И так же, как метеор, сгорел: машина вдруг резко вошла в пике и снарядом врубилась во взлетно-посадочную полосу. Огромной силы взрыв, большая воронка, разбросанные вокруг искореженные обломки металла. Вероятнее всего, Анри Фуко потерял сознание от боли в позвоночнике.

Березовая роща, где покоились Жуар и Бурдые, символически приняла в свое лоно и тело Фуко. "Погиб в Туле при исполнении служебных обязанностей 21 апреля 1944 года" — осталась запись в полковом маршевом журнале.

Ли-2 доставил еще пять летчиков — капитана Матраса, лейтенанта де ля Салля, младших лейтенантов Бейсада, Версини, Лорийона. А потом поступило прямо с завода 20 боевых машин.

Весенний ветер сулил хорошие перемены. Это подтверждали и "разведданные" Марсея Альбера, которые он "в строго доверительном порядке" раздобыл у полкового писаря — курносой хохотушки Нины. По сведениям, полученным от нее, полку "Нормандия" отводился участок фронта между Оршей и Витебском.

Близость перемен острее других ощущал Александр Лоран. Они означали для него расставание с Ритой, которое обоим трудно будет пережить. Никто в мире не мог предсказать, как сложится их будущее, и будет ли оно вообще. Война ведь ни с чем не считается.

Все готовятся к чему-то большому и важному. Но пока на тульском аэродроме штиль. Его используют для того, чтобы как можно ближе познакомиться с жизнью и деятельностью советских людей. Из экскурсии на оружейный завод летчики привезли именные подарки — новенькие пистолеты ТТ. В местном музее французы оставили эмблемы полка, свои знаки различия.

Здесь они впервые слышали подробный рассказ о героической обороне Тулы. И стало "нормандцам" ясно, что жители города не только защищали свой город, а вписали славную страницу в историю битвы под Москвой. Тула встала непреодолимой преградой на пути ударной группировки врага. Войска 50-й армии, Тульского района ПВО при поддержке отрядов народного ополчения отразили все атаки гитлеровцев. Особую роль в этом сыграл городской комитет обороны, возглавляемый секретарем обкома партии В. Г. Жаворонковым, много героических дел было на счету Тульского рабочего полка, которым командовал И. П. Трубников.

В музее были собраны и бережно хранились сотни экспонатов — исторические реликвии, красноречиво рассказывающие об обороне Тулы.

— И далеко от города был остановлен враг? — спросил капитан Матрас у экскурсовода.

— Совсем недалеко. В Ясной Поляне стояли фашисты, — был ответ.

— В Ясной Поляне?

— Да, изверги в доме Льва Толстого конюшню устроили.

Над Ясной Поляной пролегал тренировочный маршрут "нормандцев". Хотя о творчестве великого русского писателя они были осведомлены неплохо, далеко не все знали, что именно там он жил и творил.

На вечерах отдыха в Доме Красной Армии часто возникал разговор о литературе. Туляки и тулячки с восторгом отзывались о Жюлье Берне, Бальзаке, Ромене Роллане, Эмиле Золя, а французы в ответ смело заводили речь о Пушкине, Лермонтове, Льве Толстом. Правда, его эпопею "Война и мир" читали немногие, однако все были наслышаны о ней как о самом выдающемся произведении, повествующем о войне 1812 года.

До приезда в Тулу никому из французов и в голову не приходило, что военная судьба забросит их в края, где более шестидесяти лет прожил гениальный Толстой.

Сам по себе встал вопрос о поездке в Ясную Поляну. Желание побывать там изъявили все до единого летчики.

Кюре Патрик пожаловался Пуйяду:

— Ко мне на проповеди не хотят идти, а к Толстому — валом валят.

— Святой отец, читайте проповеди о Льве Толстом, — парировал Пуйяд.

Кюре задумался. Он начинал понимать, что тут его молитвы — средство малодейственное. И потому попросил выделить и ему место в автобусе, следующем на экскурсию.

Ехали недолго — ведь Ясная Поляна в тридцати километрах к югу от Тулы.

Все внутренне готовились к встрече с русской святыней. В памяти тех, кто был знаком с творчеством писателя, всплывали созданные им образы Андрея Болконского, Пьера Безухова, Наташи Ростовской, императора Наполеона, фельдмаршала Кутузова...

Вот автобус свернул с разбитого шоссе на проселочную дорогу. И вскоре глазам открылась удручающая панорама варварских разрушений, содеянных гитлеровцами: обгоревшие, без крыш и окон здания школы, больницы, амбулатории, дома отдыха.

"Что же осталось от исторической усадьбы?" — каждый задавал себе вопрос. Не верилось, что и с ней фашисты поступили таким же образом.

Ясная Поляна. Все "спешиваются". Проходят мимо белых кирпичных башенок по березовой аллее — "проспектам", как называли ее все Толстые. Об этом поведал хранитель музея Сергей Иванович Щеголев, встретивший "нормандцев".

Волнуясь, группа пришла, наконец, к самой усадьбе — большому двухэтажному особняку под железной крышей с возвышающимися над ней печными трубами.

Внешне вроде бы следов разрушений не видно.

— Снаружи мы уже успели привести в порядок, — пояснил Сергей Иванович. — Зайдемте-ка вовнутрь.

Вошли в дом. Почти все комнаты пусты. В кабинете писателя тоже многого не доставало.

— Фашисты ломали все, что попадало под руку, — сообщил Щеголев, — и топили печи. В огонь бросали стулья, рамы от картин и портретов, сорванные со шкафов дверцы. Не

пощадили даже книжной полки, сделанной самим Львом Николаевичем, хотя на ней была специальная табличка, свидетельствующая об этом.

На втором этаже — следы пожара. Почти уничтожена спальня писателя. Оказывается, изверги-фашисты перед уходом разожгли здесь костер, от которого чуть было не сгорела вся усадьба. Но ее спасли местные жители и красноармейцы-разведчики, специально посланные сюда.

Сторож музея-усадьбы Иван Васильевич Егоров рассказал много подробностей из жизни Льва Николаевича Толстого. С болью в сердце говорил о том, как оскверняли оккупанты могилу писателя — обыкновенный холмик без надгробия и надписей, со склоненной березкой над ним. Рядом с могилой захватчики зарыли около восьмидесяти солдат вермахта. Большого кощунства нельзя было придумать!

Приобщение к величайшей русской святыне, составляющей гордость народов всего мира, над которой так жестоко надругалась фашистская мразь, всколыхнуло сердца и души "нормандцев", вызвало в них особое чувство ненависти ко всему, что породила развязанная Гитлером война. Лев Толстой взывал к миру всеми своими произведениями. Он сеял семена этих чувств и сейчас, много лет спустя после ухода из жизни.

На обратном пути Пьер Пуйяд, чутьем угадывая состояние подчиненных, думал: "Напрасно де Голль старался уберечь нас от идеологического воздействия. В этой стране от него никуда не уйти. Оно здесь везде и всюду, как воздух, которым дышим".

У юре Патрика были свои тревоги. Он все больше утверждался в мысли, что в России ему делать нечего, тут имеет реальную силу только одна проповедь: бить врага до победного конца!

В штабе полка "нормандцев" ждала сверхсекретная телеграмма. Капитан Шурахов вручил ее Пьеру Пуйяду, как только тот ступил на порог.

"20 мая состоится генеральная инспекция. Генерал Пети", — гласил ее текст.

— Вот это дело! — возбужденно сверкнул глазами командир. — Агавельян, приготовить технику! Лефевр, настроить людей! А это кого вижу? Неужели Жан де Панж?

— Так точно, мой командир, вернулся к вам для продолжения службы.

— Ну, молодец, молодец! Вырвался все-таки из военной миссии. Что ж, дорогой, ты всегда выручал нас, получай боевое задание: "седлай" У-2 и отправляйся в деревню Докудово, там наши видели сверху зеленое поле салата. Привези его, сколько выпросишь и сможешь погрузить, иначе всем нам не миновать цинги, да и инспекцию побалуем лакомством, — хитро подмигнул Пуйяд.

— Будет исполнено, мой командир! — с радостью взял под козырек и щелкнул каблуками лейтенант де Панж.

Генеральная инспекция прибыла точно в назначенный день. И сразу же приступила к работе.

Летчики превзошли самих себя. Они демонстрировали высший класс пилотажа, отличную стрельбу, великолепные посадки. А когда дело дошло до парных воздушных боев, проявили такую виртуозность, такое бесстрашие, что инспектирующие не на шутку встревожились за безопасность "сражающихся". Окончательно доконал их Марки, пройдя бреющим на спине. Его "як" звенел от напряжения, вызванного максимальными оборотами двигателя.

— Остановите полеты! — приказал Пети. — Что толку, если они поубиваются!

А в акте о результатах инспекции он записал: "Для участия в боях полк годится, к отправке на фронт готов".

За обедом гвоздем программы был салат со сметаной. Де Панжа так хорошо приняли колхозницы, что он готов был летать за салатом каждый день.

— Может, не только за салатом? — тоном истинного парижского зубоскала спросил Альбер.

— Представь себе, Марсель, ты прав. Случилась там у меня совершенно неожиданная встреча.

— Ну вот, так бы сразу и начинал. Очень красива она, твоя встреча?

— Да как тебе сказать, красивая — не то слово, необычная.

— Да в конце концов говори толком, с кем ты там познакомился, — не выдержал Жозеф Риссо.

— С председателем колхоза.

— Чем удивил тебя.

— Это — женщина.

— Наверное, покорила красотой?

— Без руки она.

— Бывает, — задумчиво произнес Жозеф.

— Фронтовичка. Водителем была. Боеприпасы возила.

— А награды имеет? — спросил Марсель.

— Орден Красного Знамени!

Вокруг де Панжа столпились летчики.

— Как ее зовут?

— Мария. По фамилии не представилась.

— А где руку потеряла?

— Ее грузовик подорвался на mine.

— Ну, и как руководит колхозом?

— Сдает государству продукции больше, чем до войны, когда в селе было много мужчин.

— Сколько сейчас их осталось?

— Один. Старик конюх.

— Кто же работает в поле, на фермах?

— Женщины, дети. Я видел их: бедно одетые, худые, бледные, а в глазах — решимость стоять до конца.

— У них есть какая-то техника?

— Несколько кляч, пара захудалых быков.

— Чем же пашут, сеют, жнут?

— Сами впрягаются в плуги, сеялки, косилки.

— Вот это народ! — восхищаясь, воскликнул Пуйяд. — И его хотел победить Гитлер!..

Обязательно, если здесь задержимся, посетим этот колхоз, познакомимся с председателем Марией, с ее тружениками. Это еще больше укрепит наше мужество и стойкость...

К сожалению, времени для задуманной встречи не нашлось.

Не успела инспекция убыть, как поступило распоряжение готовиться к отправке на фронт. Начались форсированные сборы.

Приказом были закреплены уже оформившиеся и слетавшиеся эскадрильи. 1-ю — "Руан" — возглавил лейтенант Марсель Альбер; 2-ю — "Гавр" — лейтенант Ив Мурье; 3-ю — "Шербур" — лейтенант Марсель Лефевр; 4-ю — "Кан" — капитан Рене Шалль. Капитан Луи Дельфино и капитан Пьер Матрас были назначены заместителями командира полка.

И вот последнее построение. 50 летчиков и 350 механиков.

— Мы отправляемся на фронт! — зычным голосом объявляет подполковник Пуйяд. — Сюда вливаемся в состав триста третьей истребительной авиационной дивизии. В десять ноль-ноль с интервалом в пятнадцать минут по-эскадрильно вылетаем на аэродром Дубровка. Напоминаю о бдительности: в прифронтовой полосе не исключена встреча с вражескими самолетами. Пушки и пулеметы с предохранителей снять, быть готовыми к бою!

Пьер Пуйяд в последний раз окинул взглядом строй, окрестности аэродрома. И тут увидел девушку в голубом цветастом платке с развевающимися на ветру черными волосами, бегущую через летное поле.

— Лейтенант Лоран! Выйти из строя для прощания с Ритой. Остальным — по самолетам! — скомандовал он.

До свидания, сердечные туляки и тулячки! До свидания, тульские самовары и самопалы! "Нормандия" улетает на фронт.

ВТОРАЯ КАМПАНИЯ

Дубровка. Деревушка из двух десятков хатенок, покрытых почерневшей, замшелой соломой, расположенная километрах в пяти—десяти от Смоленска, на берегу Малой Березины, широко известной со времен Отечественной войны 1812 года. Ей суждено стать начальным пунктом второй тяжелой и героической кампании полка французских летчиков "Нормандия".

Линия фронта пролегла недалеко. Сюда доносились раскаты артиллерийской канонады, ночью видны были огненные сполохи взрывов.

Начиналось четвертое военное лето.

Зимой и весной 1944 года немецко-фашистские полчища были отброшены далеко на запад. Красная Армия оказалась в стратегически выгодном положении, владела инициативой в ведении боевых действий, готовилась к новым сокрушительным ударам.

Грандиозные события намечались на территории Белоруссии. Крупная вражеская группировка, оборонявшаяся здесь, была глубоко "подрезана" советскими войсками с юга.

Ставка Верховного Главнокомандования сосредоточила войска на западном направлении. Это диктовалось необходимостью наиболее коротким путем выйти на жизненно важные для гитлеровского рейха рубежи.

Первым прилетел в Дубровку командир "Нормандии" подполковник Пьер Пуйяд. Он хотел лично удостовериться в пригодности аэродрома — большого равнинного поля, окруженного островками мелких, неказистых рощиц.

Удостоверившись, что садиться и взлетать можно, Пуйяд дал радиокоманду на перелет полка, совершившего промежуточную посадку по пути к месту основного базирования.

Времени для раскочки и привыкания к местным условиям не оставалось. Уже на следующее утро все самолеты, за исключением дежурной эскадрильи капитана Шалля, отправились на обследование участка фронта, отведенного "Нормандии".

Только утих гул улетевших самолетов, высоко в небе раздался прерывистый вой стаи "юнкерсов".

Капитана Шалля подстегнула неутоленная жажда боя, давно иссушавшая его душу. Влекомый яростью и стремлением открыть счет своим победам, он в сопровождении Пинона и Перрена — совсем юных пилотов, прибывших в марте, — рванул в небо. Но крестоносные Ю-88, круто изменив курс, вернулись обратно, за линию фронта. Преследовать их — означало нарушить обязанности дежурного. Шалль только зубами скрежетал.

Сели ни с чем. Однако в маршевом журнале появилась запись о первом боевом вылете звена.

Дни стояли солнечные, относительно спокойные. Чувствовалось, что противоборствующие стороны, затаясь, готовятся к решительному сражению. В воздухе лишь изредка появлялись разведчики противника, всячески уклоняющиеся от боя. Они исчезали моментально, как только замечали надвигающуюся угрозу.

Боевые дежурства длились с трех часов утра до десяти вечера. Экипажи изнывали в кабинах в ожидании сигнала на взлет. И когда он поступал, все приходило в движение. "Нормандцы" дорожили каждой секундой, чтобы настичь и сразить врага.

Гитлеровцы, избегавшие встреч с "яками", избрали тактику ухода под защиту своих средств ПВО. У линии фронта они, как бы пикируя, снижались, а преследователи натывались на стену вражеского зенитного огня. Правда, фашистам снизиться к своим, минуя наши позиции на малой высоте, удавалось не всегда. А как только черные кресты проносились над нашим передним краем, по ним открывали ураганный огонь наши зенитчики и пехотинцы. Таким образом было сбито несколько "юнкерсов". Советские воины с благодарностью вспоминали французов за самоотверженное участие в "охоте" и мысленно делили с ними победы пополам.

Наши войска, продвигаясь на запад, вышли к Неману. И название этой реки отныне не сходило с уст "нормандцев": главной их задачей в составе 303-й авиадивизии стало прикрытие частей и соединений, форсирующих водную преграду. А проходило оно трудно, с упорными боями на земле и в воздухе.

Здесь первым испытал на себе ярость сопротивления врага герой орловского неба Риссо. Он столкнулся с парой "мессеров", на расстоянии 100-150 метров выпустил по одному солидную серию снарядов. Будучи уверенным, что с гитлеровцем покончено, Жозеф стрелой понесся настигать другого. Случайно оглянулся — в ужасе увидел: не получивший даже царапины противник начинает преследовать его. Мгновенный переворот через крыло — и выход лоб в лоб на встречный курс. Кто свернет? У кого нервы слабее?

Жозеф слышал о таранных ударах, но не был уверен, что сам способен на них. Нет, не из-за нехватки смелости. Просто считал победу, добытую ценой собственной жизни, слишком дорогой. "Боец должен думать о том, как больше уничтожить врагов, а для этого ему прежде всего следует жить" — таково было кредо Риссо, которое он, впрочем, никому не навязывал. Но сейчас, когда вопрос из области чистой теории внезапно и стремительно возник на практике и решать его надо было со всей бескомпромиссностью, рука Жозефа не дрогнула. Он шел на бешено вращающийся винт вражеского самолета, четко сознавая, что никакая сила не заставит его свернуть. Странно, но в эти исключительные по напряженности мгновения Жозеф поймал себя на мысли: "Почему промахнулся? Ведь стрелял почти в упор?"

Так кто же уйдет в сторону?

Видимо, есть какая-то магическая сила, действующая на того, с кем вступил в единоборство. Неумолимо приближающийся трехцветный кок советского "яка" внушал фашисту страх, вселял мысль о неизбежности гибели. Не вынеся пытки, он рванул ручку на себя.

Ненавистные кресты поплыли прямо перед Жозефом. Нажал гашетку — и увидел, как ровной строчкой прошли самолет выпущенные им снаряды. Раздался взрыв. "Фоккер" развалился на части. А невдалеке, оставляя черный дымный след, почти вертикально падала вторая вражеская машина. Ее "завалили" Альбер с Лефевром.

На земле Жозеф поделился с Агавельяном неудачей: как промазал с первого захода. Сергей Давидович быстро установил причину — прицел и пушка были рассогласованы. Старший инженер объявил механику по вооружению пять суток ареста. Узнав об этом, Риссо просил пощадить сержанта.

— Нет, Жозеф, случись с вами беда, мы бы никогда не узнали, кто в ней повинен. Выходит, механик об этом не думал. Вот я и предоставил возможность поразмышлять о службе, смотришь — поумнеет, — ответил Агавельян. Он тут же приказал произвести дополнительную проверку бортового оружия на всех "яках".

В этом бою отличились и новички — Франсуа де Жоффр, Пьер Дешане, Робер Делен. Пусть не посчастливилось пока открыть боевой счет, но они цепко держались своих мест в строю, надежно прикрывали ведущих.

Лефевр отметил исключительную осмотрительность де Жоффра, который своевременно информировал его обо всем происходящем вокруг.

— У вас глаза на затылке! — сказал он. — Значит, мы с вами в бою будем неуязвимы.

Смелый, решительный, умелый летчик-истребитель, Лефевр и мысли не допускал, что пуля может подстеречь и его.

Находчивость, виртуозность, изворотливость Лефевра в воздухе рождала легенды. Казалось, не могло быть ситуации, из которой он не сумел бы благополучно выбраться. В это все так уверовали, что в первые минуты после трагедии категорически заявляли:

— Беда с Лефевром? Бросьте, этого не может быть!

— Марсель безнадежен? А вы чего-нибудь не напутали?

К сожалению, никто ничего не напутал.

Лефевр давал де Жоффру урок патрулирования. Учил ходить змейкой, растолковывал, куда и как смотреть, что предпринимать в различных вариантах встречи с врагом.

— Наше оружие — осторожность, осторожность и еще раз осторожность, — наставлял он. — Сбивают в основном зевак. А кто умеет упредить врага, того голыми руками не возьмешь.

Приблизились к Неману. Там завершалось форсирование. Вода кипела от взрывов и, наверное, была красной от крови. Сегодня здесь действовали истребители 18-го гвардейского полка. Они стаями висели над рекой, не давая подойти к ней ни одному немецкому самолету. Лефевр с де Жоффром пересекли русло, надеясь найти себе добычу. Но тут путь им преградил огонь вражеских зениток. Отвернули, пошли вдоль реки, зорко всматриваясь в окружающее пространство.

В наушниках Франсуа раздалось потрескивание — командир включил радиопередатчик. Последовало характерное покашливание, за ним — ровный голос:

— Барон, прикрой. Иду на снижение. У меня неприятности.

Этого еще не хватало! Что у него?

Лефевр, устремляясь к Дубровке, развивает максимально возможную скорость. Почему? Вроде бы с машиной все нормально. Нет, вот за ней возникает и тянется, расширяясь, белесая полоса.

— Что случилось, мой командир?

— Точно не знаю, кажется, пробит бензобак.

Де Жоффр не отводит глаз от "яка" ведущего. Как себя чувствует Лефевр? С бензином шутки плохи. От него можно ожидать любой беды.

Франсуа всей душой желает Марселю благополучного исхода. Франсуа на все готов ради его спасения. Но что он может сделать? Единственное — быть пассивным наблюдателем.

Лефевр выпустил шасси. Он уже над посадочной полосой. Он коснулся колесами земли, начал пробежку. Рулит на стоянку. Откидывает фонарь. Взгляд де Жоффра фиксирует все, словно кинокамера. Но лучше бы он не видел того, что случилось в следующую секунду. На всю жизнь эта страшная картина останется перед его глазами: из кабины взметнулся столб ярко-красного пламени, а из него живым факелом вывалился и покатился по земле Марсель Лефевр.

"Это конец!" — понимает потрясенный де Жоффр и в неописуемом горе стрелой вонзается ввысь.

Однако Лефевр еще был жив. Правда, осмотревший его врач Лебединский, отведав отрешенный взгляд, безнадежно произнес:

— Врагу не пожелал бы таких страданий. Только чудо может спасти нашего дорогого Марселя.

В сопровождении капитана Луи Дельфино его переправили в Москву.

В тот же день Лефевра навестили месье Гаро — из французского посольства — и Люсетт Моро.

Дельфино просил врача не пускать к Лефевру женщину. Но Люси была не из тех, кого что-то могло остановить. Только потом сама сожалела о настойчивости — чуть не лишилась чувств при первом же взгляде на Лефевра. Вместо лица у него — сплошные свернувшиеся лоскутья кожи, большие, ужасно вздувшиеся волдыри.

Пострадавший был в сознании. Узнал Люси. Зашевелились кровавые клочья губ:

— Навещай меня изредка.

Люси молча кивнула — слова неуместны.

Она по многу часов проводила у его постели. Это облегчало муки, но ни в коей мере не увеличивало надежд на спасение пилота.

На Лефевре не найти было даже квадратного сантиметра здоровой кожи. Никакие операции не могли помочь. Все знали: дни его сочтены. Марсель же, преодолевая адские боли, находил в себе силы интересоваться делами полка, мечтал, что, когда выпишется из госпиталя, Люси угостит его жареным картофелем с мясом, как однажды раньше.

5 июня Люсетт пришла одна. Весь забинтованный, Лефевр не мог пошевелиться.

— Пить, — произнес еле слышно. На столе стояла мензурка с красным вином. Люси взяла ее.

— Только не пролей ни капли — невыносимо жжет, — прошептал бедняга.

Дрожащими руками Люси влила в узкую щелочку рта несколько глотков напитка.

— Спасибо, милая.

Он помолчал, собираясь с силами, и спросил:

— Высадились союзники в Нормандии?

— Пока нет. Но это неизбежно. Вечерело.

— Хочется спать. Извини, Люси, ты можешь идти,

— До свидания, Марсель.

Утром Дельфино, Гаро и Люсетт положили цветы на пустую кровать.

Ушел из жизни еще один ветеран "Нормандии", сбивший 11 фашистских самолетов. Умер фанатик цирка, пристрастие к которому передалось от неразделенной любви к юной воздушной акробатке. Лефевр был цельной, романтично мечтательной натурой, лучшим летчиком-истребителем полка, носившего имя его родины — Нормандии. Он с нетерпением ждал ее освобождения союзниками и всего день не дожидаясь их высадки там.

Похороны Марселя Лефевра состоялись на московском Введенском кладбище, на котором спит вечным сном немало его соотечественников. Прибыл почти весь личный состав полка. Присутствовали все сотрудники военной миссии и французского посольства, к тому времени перебравшегося в Москву. Священник готов был отслужить молебен. От входа на кладбище до места погребения гроб несли старожилы-"нормандцы": Альбер, де ля Пуап, Шик и де Панж. Жорж Лебединский остался в Дубровке — старый друг Лефевра, он просто не мог участвовать в этой скорбной церемонии.

Тяжелый гроб медленно плыл меж вековых деревьев, печально склонивших ветви к земле.

Вдруг раздалась военная команда на русском языке. Несшие гроб подняли головы и увидели по сторонам всего траурного пути кремлевский почетный караул. Военный оркестр исполнял похоронный марш.

Когда гроб опустили в могилу и на крышку упали горсти земли боевых побратимов — русских и французов, — все окрест всколыхнули прощальные залпы. Советские люди отдавали самые высокие почести двадцатипятилетнему летчику — герою полка "Нормандия".

Должность командира 3-й эскадрильи после смерти Лефевра занял Пьер Матрас. (К нему "по наследству" перешли ведомый Франсуа де Жоффри и механик Иван Матвеев.) Под его руководством эскадрилья приняла участие в окончательной фазе форсирования Немана. Было сбито шесть гитлеровских асов, уничтожено много живой силы и техники врага — таким был счет за гибель любимца полка Марселя Лефевра.

Неоднократно активные действия французских истребителей при форсировании Немана отмечались Верховным Главнокомандующим. Это поднимало дух, окрыляло. Радовала "нормандцев" и высадка союзников в Нормандии — с открытием второго фронта начиналось освобождение их родины. Кроме того, французы питали надежду, что Гитлеру придется перегруппировывать свои войска, и это ослабит их сопротивление на восточном фронте. Но этого не случилось.

Красная Армия продолжала решать задачи, определенные в первомайском приказе Сталина, — очистить от немецко-фашистских захватчиков всю нашу землю, восстановить государственные границы от Баренцева до Черного моря, освободить народы Европы от гитлеровской тирании. Посильный вклад в осуществление этих целей вносил и французский полк "Нормандия".

По всему чувствовалось, что в Дубровке он пробудет недолго: фронт медленно, но уверенно перекачивался дальше на запад. Вылетая на задания, пилотам уже приходилось подумывать, как экономить бензин для благополучного возвращения на отдаляющуюся от мест боев базу.

У механиков прибавилось хлопот: по указанию предусмотрительного Агавельяна исподволь готовили технику к перелету. Фактически в эти дни они работали без отдыха. Французы не переставали дивиться неустойчивости русских авиаспециалистов. Многие пытались хоть чем-то скрасить их тяжелейшие будни; один подарит пачку сигарет, другой преподнесет какую-то безделушку, третий сам берется помогать обслуживать самолет. А старший лейтенант Морис де Сейн стал ходатайствовать перед Агавельяном о представлении старшины Владимира Белозуба к награде.

Сергей Давидович пробовал возражать:

— У нас все так трудятся.

— Мой механик лучше всех. Он совсем не спит: днем обслуживает, ночью ремонтирует самолеты.

— Так ведь все не спим. После войны наверстаем.

— До Победы еще надо дожить. Если не побеспокоите о Белозубе, я добьюсь, что его наградит Франция.

— Успокойтесь, Морис. Будут у вашего механика и советские и французские награды. Таких стойких и добросовестных, как он, действительно поискать надо.

От одной самолетной стоянки до другой этот разговор докатился до Белозуба. Он явился к Агавельяну.

— Товарищу майор, що хоче вид вас мий командыр?

— Да так, — уклонился от прямого ответа старший инженер, — просит, чтобы тебя меньше загружали работой.

— Он говорил о каких-то наградах? — не сдавался упрямый по натуре, широкоплечий крепыш с прочно посаженной круглой головой. — Так вот, скажу вам, что я благодарен ему, но награда мне нужна, а специальный инструмент. А то, вот посмотрите, — показал здоровенные ручки в садинах, — короткими, стандартными ключами не могу добраться туда, где это не составляет трудностей для других.

— Да, это проблема. Где же взять вам длинные ключи и те насадки к тем, что есть? — спросил озадаченный Агавельян.

— Не надо нигде брать. Позвольте, я сам сделаю их в мастерской.

— Давно могли обратиться с этим.

— Нагоды нэ було. (Повода не было.)

Сергею Давидовичу нравилось говорить с этим добродушным, безгранично скромным богатырем, нравилось слушать его певучую украинскую речь. Старший инженер не переставал удивляться тому, какие хорошие, приятельские отношения установились между щегодем-маркизом и простым парнем из села Покровское на Днепропетровщине. Их самым неожиданным образом свела война, породнила авиация, "Если людей с благородными сердцами и помыслами объединяет общность борьбы, тут же дружбы один только шаг", — думал Агавельян.

Обоюдная привязанность летчика и механика не знала предела. Улетал Морис на задание — Владимир не находил себе места; с тоской и тревогой поглядывал в небо на запад, откуда должны были возвращаться "нормандцы". Садился пилот цел и невредим — как будто кто-то вливал в механика заряд бодрости и радости. А как он готовил самолет к очередному вылету! С такой любовью, как мать купает младенца.

Де Сейн в долгу не оставался: помогал Владимиру в сложном техническом обслуживании "яка". Собственно, из-за этого и потребовались механику особые ключи: куда он не мог влезть своими ручищами, легко добирался тонкими, музыкальными, холеными пальцами де Сейн. А Белозуб не хотел с этим мириться. Самые трудные операции он должен делать сам!

Отношения де Сейна и Белозуба Пуйяд ставил в пример другим. Для этого были основания, вызванные тем обстоятельством, что не у всех русских механиков поворачивался язык обращаться к своим командирам со словом "господин". Летчик Константин Фельдзер как-то спросил у своего наземного помощника, почему так получается.

— В этом вопросе сам давно хочу поставить все точки над "i", — ответил тот. — Мой дед участвовал в революции тысяча девятьсот пятого года, отец-в Октябрьской революции. Да оба они в гробах перевернутся, если я стану называть кого бы то ни было господином! Пилот и не подозревал, в каком затруднительном положении оказался его механик. Он сразу же разрешил обращаться к нему по-русски: "товарищ командир" или на французский манер: "мой командир". Механик принял первый вариант.

Пуйяд знал обо всем этом. И всячески поощрял установление братских отношений среди личного состава полка, понимая, что даже мелочи могут оказывать положительное воздействие на боевую работу.

Такая же хорошая, дружеская связь существовала между Пьером Пуйядом и Василием Ефремовым, Марселем Альбером и Александром Аверьяновым, Пьером Матрасом и Иваном Матвеевым, Жозефом Риссо и Николаем Богдановым, Роланом де ля Пуапом и Александром Капраловым, Жаком Андре и Александром Базилевым, Ивом Мурье и Александром Никитиным, Жаком де Сент-Фаллем и Петром Колупаевым, Шарлем Монье и Георгием Титовым...

Каждый механик до небес превозносил своего пилота, свято хранил в памяти многие случаи из его боевой жизни и в минуты досуга, повторяясь, сообщал их друзьям-однополчанам. Так, Георгий Титов неоднократно рассказывал историю о том, как в Туле Шарль Монье, которого все почему-то звали Поповым, из-за отказа помпы водяного насоса произвел вынужденную посадку и врезался в одно-единственное дерево, стоявшее на окраине аэродрома. Столбом поднялись снег и дым. Дельфино с Титовым метнулись на джипе к месту катастрофы. Пока выскочили из машины, из-под обломков выбрался живой Монье-Попов.

— Мой майор, мне чертовски не повезло, — сказал он.

Дельфино крепко выругался по-русски, добавил что-то по-французски и побежал к джипу.

— Что он сказал вам? — спросил Титов, подавая Монье сигарету.

— Перефразировал мои слова: мол, мне чертовски повезло в том, что остался жив.

Предметом гордости Александра Аверьянова было то, что Марселя Альбера ни разу не подбивали фашисты. А как не хвастать было потом, что он, единственный в полку, под Мозальском на Як-1 садился в распутицу на узкую асфальтированную дорогу со многими выбоинами и взлетал с нее!

Саша Васильев мог в любую минуту показать новичку кусок немецкого телефонного провода.

— Этот исторически ценный сувенир привез на крыле мой командир Робер Марки после штурмовки гитлеровского штаба, — сияя от гордости, провозглашал он.

— А благодаря моему Ролану де ля Пуапу в полку появилась инструкция по посадке самолета... на одно колесо, — сменял товарища Александр Капралов.

Однажды де ля Пуап в сумерках возвращался с задания, а тут — не выходит правая "нога", поврежденная снарядом.

Пуйяд с Агавельяном дают команду покинуть самолет.

— Разрешите садиться на одно колесо, — просит пилот.

Комполка и старший инженер переглянулись: такого еще не делал никто.

— Разрешаю! — ушло распоряжение па борт. Это было похоже на смертельно опасный цирковой трюк. На аэродроме все затаили дыхание. А Пуап — тончайший мастер пилотажа — спокойно подвел "як" к земле, коснулся единственным колесом и, балансируя, словно на канате, покатился по траве в нужном направлении. Только в конце пробега его круто развернуло и зава' лило на крыло.

— Прости меня, дорогой Алекс, я немного повредил самолет, — выбравшись из кабины, проговорил Ролан.

Агавельян долго расспрашивал его о деталях необычной посадки, затем всю ночь просидел над соответствующей инструкцией, благодаря которой было спасено несколько машин.

Но самая любопытная история, по мнению Георгия Литвинова — механика Пьера Жапнеля, случилась с последним. Пилот, излечившись в Каире от ран, вернулся в полк. В первом же тренировочном полете от его "яка" остались "рожки да ножки", как говорил Агавельян. Разбил на посадке.

— Мой командир, — виновато объяснялся Жаннель перед Пуйядом, — я все делал по правилам: сначала сбавил "газ", затем — прибавил, а самолет будто взбесился: вместо того, чтобы терять скорость, начал набирать ее.

— В Каире на чем летали? — поинтересовался Пуйяд.

— На "девуатине"...

— Все ясно: там, чтобы увеличить обороты, следует сектор "газа" брать на себя, а на "яке" — двигать вперед.

Подобных историй можно привести еще немало. Как бы то ни было, все они служили доброй основой для душевного сближения, боевого сплочения совершенно разных людей. А братство, в свою очередь, рождало подвиги.

14 июля сообщили о завтрашней перебазировке на новый аэродром — у литовской деревушки Микунтаны.

Небо Дубровки больше не будет ареной боевых действий, сюда воздушным разбойникам путь уже накрепко закрыт. Но это небо на многие века останется свидетелем мужества французов.

Были дни, когда полку приходилось совершать до семидесяти боевых вылетов. Жесточайшее побоище состоялось над Борисовом. Тогда "Нормандия" поднялась в воздух в полном составе, чтобы обеспечить действия советских войск, вплотную подступивших к городу. Одна за другой факелами вспыхивали вражеские машины. Они рушились вниз от огня Пьера Пуйяда, Луи Дельфино, Рене Шалля, которых надежно прикрывали впервые участвовавшие в воздушной схватке Шарль Микель, Жорж Лемар, Жак Гастон. Тем днем можно было бы гордиться, но омрачила гибель Гастона. Первый бой стал для него и последним. Его самолет взорвался от попадания вражеского снаряда в бензобак. Фашиста, который сразил его, тут же подожгли Муане и Табуре, но товарища уже не вернешь,

К новому месту базирования собирались без Бруно Фалетапа и Сергея Астахова. Пилот со своим механиком вылетели в тренировочный полет. Спустя несколько месяцев советские воины обнаружили разбившийся "як" с останками Фалетана и Астахова, однако обстоятельства их гибели навсегда останутся тайной.

Перебазировался к фронту и 18-й гвардейский истребительный полк. У него своя беда — временно остался без командира, полковника Анатолия Емельяновича Голубова.

В тот день никто не думал, что придется вылетать на задание: низкие сплошные облака беспрестанно плыли над головой. Но пришел приказ срочно произвести разведку переднего края и ближайшего к нему тыла противника.

Голубов решил лично отправиться в полет. Взлетели, чуть не задев верхушки деревьев на краю аэродрома, ушли к фронту на предельно малой высоте. Вот и вражеская оборона. К ней по лесной дороге движутся колонны танков и пехоты. Так и есть, гитлеровцы подтягивают резервы. Голубов немедленно связался по радио с командным пунктом своей дивизии и сообщил координаты места скопления крупных сил оккупантов.

Внезапно перед разведчиками встала стена разноцветных шариков — разрывов зенитных снарядов. Один из них поджег "як" Голубова. Кое-как дотянув до освобожденной территории, пилот на критически малой высоте вывалился из кабины. Упал на землю, не успев раскрыть парашют. Подбежавшие советские воины были уверены в гибели летчика. Однако он остался жив, правда, с тяжелейшими переломами.

По пути в столичный госпиталь Голубов упросил пилота У-2 приземлиться в Дубровке. Превозмогая адскую боль, Анатолий Емельянович приподнял на носилках свой могучий атлетический торс, обвел всех потускневшим, плохо видящим взглядом и произнес:

— Дорогие друзья, я вынужден вас покинуть. Но это временно. Я обязательно вернусь.

Все, кто присутствовал при этом, — генерал Захаров, подполковник Пуйяд и майор Дельфино — не могли сдержать слез.

Прощальный вечер "нормандцы" провели в Дубровке вместе с немногочисленными жителями этого населенного пункта, с которыми успели подружиться. Колхозникам особенно нравилось то, что французские летчики приходили к ним в гости с советскими авиаспециалистами и вели себя с ними как равный с равным. Исключительные симпатии вызывали у них де Сейн и Белозуб. Внешне разные — стройный, изящный маркиз и неуклюжий, громоздкий механик — были очень дружны меж собой. К тому времени они уже сравнительно сносно изъяснялись на обоих языках. Их всегда рад был видеть у себя заведующий ветряной мельницей — дед Митрич. Сейчас они пришли к нему побалагурить за чашкой парного молока в последний раз.

— Значит, гоните, сынки, супостата, — не то спросил, не то утвердительно молвил хозяин.

— Гоним, отец, гоним, — по-русски ответил де Сейн.

— Так и быть должно. Почитай, весь народ поднялся. У нас, в деревне, из мужиков только такие, как я, остались.

— Что верно, то верно. Россия -удивительная страна.

— А что тут удивительного. Слыхали сказку про золотую рыбку?

— Да кто же не слыхал ее? — спросил молчавший до сих пор Белозуб.

— Слыхать-то все слыхали, да ту ли?

— Одна она — про разбитое корыто.

— Ан нет. Есть и другая.

— Какая же?

Митрич принял позу старинного рассказчика былин и начал:

— Когда Гитлер напал на нас, старику в сеть попалась золотая рыбка. Взмолилась она: "Проси, что хочешь, только отпусти меня". Рыбак ответил: "А ничего мне от тебя не надобно, сделай лишь одно: чтобы скорее мир вернулся", "Хорошо, — сказала золотая рыбка, - ступай себе, старче, домой, быть по-твоему". Вернулся старик к своему порогу, смотрит, висит на двери ружье. Заряженное. "Хочешь, чтобы мир снова вернулся, — бери ружье и бей врага-изверга", — раздался голос золотой рыбки. И ушел дед в партизаны.

— Хорошая сказка, истинно русская. Только у вас могла родиться такая, — задумчиво произнес де Сейн.

— Отчего же? — не согласился Белозуб. — Вас немцы тоже объявили партизанами. Выходит, и вы послушались совета золотой рыбки.

— Браво-браво, Володя! У вас и у нас одна золотая рыбка!..

Поздним вечером Пьер Пуйяд сообщил "нормандцам" интересную новость. Оказывается, он с генералом Захаровым побывал в гостях у командира авиационной дивизии, обосновавшейся неподалеку. Это соединение тоже имело славные боевые традиции.

Пуйяд захватил с собой Шика. Комдив — лет тридцати, невысокого роста, щуплый, легко возбуждающийся — произвел на подполковника впечатление. Он был наслышан о нем как о великолепном летчике-истребителе и неплохом командире. Командир дивизии сказал много добрых слов в адрес полка "Нормандия". И Захаров, и Пуйяд почувствовали; за этим последует еще что-то. И не ошиблись.

— Пьер Пуйяд, — обратился хозяин тоном, исключаящим несогласие с его точкой зрения, — как вы смотрите на включение вашего полка в состав нашей дивизии?

Захаров понимал: стоит подполковнику дать согласие, и он лишится одной из лучших своих частей.

Но комполка "нормандцев" был не из тех, кто легко изменял своим привязанностям; всегда помнил, кому и за что обязан.

— Ваше предложение, товарищ полковник, конечно же лестно для нас, — отвечал в раздумье Пуйяд. — Только весь наш прежний боевой путь связан с триста третьей дивизией, и с ней мы хотели бы пройти до конца.

Хозяину ответ пришелся явно не по душе. У него, видно, были какие-то свои планы. Он встал:

— Ценю преданность боевой дружбе.

На том визит и закончился. Но после него Пьер еще долго с тревогой ожидал приказа о переподчинении полка.

Не успели толком уснуть в ночь перед перелетом — уже подъем. На рассвете аэродром огласился командами, гулом автомобильных и авиационных двигателей.

Первым на этот раз улетал Мишель Шик, который уже побывал в Микунтанах. После памятной посадки, когда он забыл выпустить шасси, Пуйяд наказал его запретом на боевые вылеты, а также месячным запретом игры в покер. Последнее наказание комполка через неделю отменил: лишил самого себя отменного партнера в игре. А с главным не спешил — любил своего переводчика, старался уберечь малоопытного пилота от беды. Поручал ему знакомить молодых летчиков с обстановкой, выполнять отдельные, не связанные с риском, поручения. Шик пытался бунтовать, но комполка быстро урезонил его тем, что во всех документах полка он фигурировал как штурман.

— Если собьют, никому не докажу, что вы были пилотом, и неприятностей не оберусь.

Чтобы Мишель совсем не раскис, Пуйяд доверил ему право первой посадки в Микунтанах и организации там приема остальных самолетов. Это задание было более чем ответственное: по сведениям, полученным от местных жителей, в окрестных лесах затаилось немало всяческого сброда — от не успевших удрать оккупантов до бандитов-националистов.

Шик улетел. И только потом, по рассказам очевидцев, узнал о потрясшем всех, невероятном по самоотверженности и верности боевому братству подвиге.

Эскадрильи стартовали одна за другой. На борту каждого "яка", вопреки инструкции, в тесном багажном отсеке находился механик. Это диктовалось требованием сразу же наладить боевую работу на новом месте.

Вначале все шло без каких-либо отклонений, как по конвейеру. А минут через двадцать после взлета по радио прозвучал голос де Сейна:

— Возвращаюсь, обнаружена утечка бензина. На аэродроме приостановилось движение, расчистили полосу.

— С хода заходите на посадку, — распорядился Луи Дельфино, оставшийся за командира полка.

Де Сейн делает уже четвертый разворот и снова уходит на круг.

— Доложите, что случилось? — волнуется Дельфино.

— Пары бензина проникают в кабину. Плохо вижу землю.

— Подводите машину к полосе по моим командам. Следующая попытка приземлиться тоже не удалась.

— Пары заполняют кабину, — как сквозь вату передал де Сейн.

Дело принимало трагический оборот. Нависла угроза взрыва самолета или удушения летчика. Ситуация, схожая с той, в какую попал Лефевр.

О случившемся немедленно доложили генералу Хрюкину. Правда, ему не сообщили, что на борту, в нарушение существующих правил, находится советский механик.

— Прикажете де Сейну покинуть самолет, — решительно ответил командарм.

Дельфино, часто глотая воздух, сказал в микрофон:

— Слышишь, Морис, командующий приказал прыгать.

Тишина. Де Сейн снова заходит на посадку. И опять безуспешно.

— Морис, наберите высоту и немедленно покидайте самолет.

Снова ни звука. Потом голос де Сейна:

— На борту Володя. Без парашюта.

Дельфино скрипнул зубами: ситуация безвыходная. Он не может приказать своему пилоту бросить русского механика! Передает микрофон Агавельяну.

— Вы — представитель советского командования. Решайте сами.

Сергей Давидович так сжал трубку микрофона, что послышался хруст пальцев.

Минуту молчал. Мобилизовал все инженерные познания и опыт, чтобы помочь де Сейну избежать беды. Но ничего, абсолютно ничего не придумал. Никакого варианта, кроме как ценой жизни механика спасти пилота, не оставалось. Дальнейшее промедление грозило гибелью обоих. Лучше бы не родиться Агавельяну, не доживать до такого часа, когда приходится выносить смертный приговор своему лучшему механику!

Пересиливая себя, с трудом ворочая неподчиняющимся языком, Сергей Давидович медленно, с растяжкой произносит:

— Морис, дорогой, прыгай. Это приказ! Ты обязан выполнить. Прыгай!

Все окаменели в ожидании развязки.

Наступил момент, когда только сам де Сейн мог решить, как ему поступить. Выполнить приказ и остаться жить? А Володя?

Это был первый и единственный приказ, который де Сейн не выполнил.

Теряя сознание, не видя земли, он идет на снижение. В ста метрах от земли машина начала резко рыскать то влево, то вправо.

— Убери обороты, держись прямо, — попробовал подсказывать Дельфино. Но летчик, по всей вероятности, уже ничего не слышал. Неуправляемый "як" накрывается, задирает нос, опрокидывается, падает на спину, скрывается в клубе огня, дыма и поднятой пыли.

Не помня себя от увиденной картины, все рванулись к месту взрыва. Надеялись на чудо. Не хотели верить в гибель двух верных друзей.

Но чуда не произошло. Силой удара Мориса де Сейна и Владимира Белозуба выбросило из самолета. Они, раскинув руки, лежали почти рядом на обожженной траве. Их похоронили в Дубровке в одной могиле. Дольше всех оставался возле нее дед Митрич.

— Ты прав, Володя, у нас у всех одна золотая рыбка, — шепотом потерял он слова де Сейна.

Через два часа в Микунтанах полк "Нормандия" в торжественном строю минутой молчания почтил память Мориса де Сейна и Владимира Белозуба. Спустя несколько дней в приказе по армии и во фронтовой газете подвиг де Сейна был отмечен как образец мужества и взаимовыручки.

Микунтаны — маленькое селение, многим отличающееся от Дубровки. Здесь добротные кирпичные дома под черепицей, богатые фермы, вокруг холмистая, поросшая лесом местность, маленькие чистые озера. А главное — подвалы жителей набиты продуктами. Оказывается, сюда за всю войну не заглядывал ни один захватчик.

— Это одно из доказательств, что оккупация такой обширной страны, как СССР, — весьма обременительное для агрессора дело, — пришел к заключению Жозеф Риссо.

Единственное, в чем нуждались здешние жители — в одежде. Они охотно меняли свиней, домашнюю птицу на любые вещи. В результате французы с аппетитом вдыхали почти забытые ароматы вкуснейших блюд, мастером изготовления которых оказался летчик 2-й эскадрильи Марк Вердье.

Весь полк разместился на просторной ферме. Один день на устройство, второй — для передышки. И снова взялись за боевую работу. Обеспечивали форсирование Немана, прикрывали тогдашнюю столицу Литвы — Каунас. Уничтожили несколько вражеских самолетов. Было и огорчение: гитлеровцы заставили лейтенанта Ширраса возвращаться в полк пешком.

У Немана фашисты мертвой хваткой цеплялись за каждый клочок земли. Усиленно действовала их авиация.

Марсель Дльбер, Жозеф Риссо, Ролан де ля Пуап, охваченные "лефевровской горячкой", не могли усидеть на земле. Вылетали по пять-шесть раз в день. И лишь тогда, когда изматывались до изнурения, не стесняясь, обращались к Пуйяду: "Командир, выдохся, надо передохнуть". Пьер Пуйяд в таких случаях ни о чем не расспрашивал, только отвечал: "Хорошо". Он понимал, что есть предел физическому и нервному напряжению.

Комполка считал своим долгом беречь оставшихся JB живых носителей героических традиций "Нормандии". Это не значило, что он сдерживал их, не посылал на ответственные

задания; все было как раз наоборот, но на одну-единственную льготу они имели безоговорочное право: не хотели лететь — не летели.

Кто знает, может, именно поэтому множились победы Альбера, Риссо, де ля Пуапа, а сами они до конца войны оставались недостижимыми для вражеских пуль и снарядов. Во всяком случае ветераны всегда подавали хороший, надежный пример молодежи. Почти каждый день кто-нибудь из них докладывал о сбитом самолете противника. Через некоторое время то ли от партизан, то ли от пехотинцев приходило подтверждение, и эти сведения заносились в маршевый журнал. Но однажды случилось иначе. В полк приехали советские летчики и попросили показать тех, кто выручил их в последнем воздушном бою. Ими оказались Жозеф Риссо и Ролан де ля Пуап.

— Спасибо вам за помощь и поздравляем с победой! — пожали им руки гости.

— "Спасибо" с признательностью принимаем, — любезно ответил Риссо, — а вот победы за собой не знаем.

— Нет, один из вас сбил "фоккера".

— Его сразил кто-то из вас.

— Прицеливался я, — выступил вперед один из приехавших. — Только отказало оружие.

Тогда все ясно, — улыбнулся Риссо. — Я думал: ваши снаряды первыми достали разбойника, а выходит — мои.

— Ну вот, значит, с победой! — снова пожал ему руку белобрысый жизнерадостный лейтенант.

А произошло следующее. Риссо и Пуап, возвращавшиеся с задания, увидели четырех "лавочкиных", ведущих неравный бой с восьмеркой "фоккеров". Французы сразу ввязались в драку. Получилось так, что пара гитлеровцев зажала "в тиски" Пуапа. Он рванул вверх, а сзади к нему начал пристраиваться для атаки третий фашист. Риссо кинулся другу на выручку. Советский летчик сделал то же самое. Они, наверное, одновременно нажали гашетки, но у одного сработало оружие, у другого — нет.

Короче говоря, враг, потеряв два самолета, поспешил ретироваться. Наши и французы, помахав друг другу крыльями, разошлись по своим аэродромам.

И вот, когда все разъяснилось, Пуап, придав своему голосу как можно больше серьезности, сказал:

— Признавайся, Жозеф, что я здорово вывел фашиста под твой прицел. Делимся победой? Риссо в тон Пуапу ответил:

— Делимся. Давай так действовать и впредь. Только, чур, не обижаться, если я не успею предупредить врага. Все рассмеялись этой шутке.

...А через день — снова гости из соседнего полка. Только теперь злые, раздраженные.

Пьер Пуйяд пригласил их к себе, чтобы поговорить в спокойной обстановке, но прибывшие с порога огорошили его вопросом:

— Кто подбил нашего летчика?

— Где, когда?

— Два часа назад в районе Орши.

— Минутку. Панж, позовите капитана Шурахова. Начальник штаба тут же явился.

— Установите, кто два часа назад в районе Орши сбил самолет.

— Это уже известно. Морис Шалль доложил, что открыл свой боевой счет.

— Пригласите его сюда.

Прибежал запыхавшийся, возбужденный Морис. На его устах "висел" рассказ о первой победе.

— Противник оказывал вам сопротивление? — вопросом встретил его Пуйяд.

По командирскому тону, сердитому выражению лица Шалль понял: произошло скверное недоразумение.

— Он не сопротивлялся, он уходил, уклонялся от огня, наверное, у него кончился боезапас, — скороговоркой ответил Морис.

— А знаки видели? Ну, звезды или кресты?

— Да в той круговерти некогда было всматриваться...

— А надо, надо всматриваться! — жестко сказал Пуйяд. — Вы стреляли по советскому самолету, ранили летчика. Вот объяснитесь перед его товарищами.

Крутой, нелицеприятный разговор. Русские, казалось, прибыли требовать для виновника трагического происшествия суда военного трибунала. Но перед ними стоял, в отчаянии потупя взор, совсем еще безусый юнец, не нюхавший пороха, впервые участвовавший в настоящем бою. Ну, что с него возьмешь?

Раздосадованные гости уехали.

А Морис Шалль, готовый рвать на себе волосы, покаянно обратился к Пуйяду:

— Мой командир, посылайте меня на самые опасные задания, хочу кровью искупить ошибку.

— Сначала, Шалль, придется вас и остальных новичков научить разбираться в самолетах, — был ответ.

У выхода из штаба Мориса ждал его брат Рене. Ему уже рассказали обо всем, и он решил повести разговор по-своему: рукава у него были засучены. Пуйяд сквозь приоткрытую дверь заметил разъяренного Рене. Он поспешил за Морисом и, обращаясь к его брату, приказал:

— Срочно разыщите старшего инженера, пусть придет ко мне.

Рене помчался исполнять приказание. Пока бегал — пыл его поостыл, и гроза для Мориса миновала. Агавельян не заставил себя долго ждать.

— Сергей Давидович, нам нужно срочно ликвидировать одно упущение.

— Какое? — приготовился записывать тот.

— Надо научить пополнение отличать свои самолеты от чужих. Иначе они столько дров наломают, что нам придется сидеть в тюрьме.

— Понятно, товарищ подполковник. Об этом я давно должен был подумать.

— Да тут, Сергей Давидович, вашей вины нет. Это скорее по моей, летной части. Только, к сожалению, нет у меня макетов немецких и советских самолетов. Не на чем показывать их различия.

— Макеты будут, — заверил Агавельян. — И занятия разрешите проводить мне. У вас других забот предостаточно.

— Хорошо. Спасибо.

Через несколько дней старший инженер начал давать летному составу уроки. Подробно раскрывал особенности разных вражеских и советских самолетов. Его слушали с глубочайшим вниманием, впитывали каждое сказанное слово, понимая, что речь идет о жизненно важных для летчиков-истребителей вещах.

На занятия Агавельяна загонять французов не требовалось. Это выводило из равновесия кюре Патрика. Тот жаловался Пьеру Пуйяду, на что комполка полушутя-полусерьезно отвечал:

— Что я могу сделать для вас, падре? Ведь вашими молитвами боя не выиграешь.

В конце концов, священник, убедившись, что в полку делать ему нечего, с первой же оказией убыл на Ближний Восток.

Прощаясь, он подошел к Александру Лорану:

— Больше всего сожалею, что не обвенчал вас с Ритой. Это был бы единственный случай моей деятельности в истории "Нормандии", и, надеюсь, о нем помнили бы.

— Это можно поправить, только во Франции, после войны. Раньше мы не поженимся — таково условие Риты, — ответил Александр.

— Что ж, даст бог, встретимся.

— Молитесь за ото, падре.

Постепенно весь полк стал переживать за развитие отношений между Александром и Ритой. Да и как тут будешь безучастным, если каждый день почта приносила письма, идущие через Москву из Тулы. Через Москву потому, что Люси стала как бы посредником между влюбленными; Рита не знала французского языка, Александр — русского. Кто-то

должен был переводить письма. Это щепетильное дело оба доверили Люсетт Моро. Таким образом, к ее многообразным обязанностям по военной миссии как бы добавилась еще одна: активно содействовать развитию переписки между новыми хорошими друзьями. Самой Люси это очень импонировало: была рада любой возможности поддерживать постоянную связь с "Нормандией".

Однажды Лоран вместе с весточкой от Риты извлек несколько мелко исписанных листочков от Люси. Прочитал их и направился к Пьеру Пуйяду.

— Господин подполковник, мне представляется, что письмо Люсетт будет интересно послушать всем.

— А что в нем, Лоран?

— Взгляните сами.

Пуйяд пробежал глазами листки

— Де Панж, — приказал Пуйяд лейтенанту, — сегодня вечером зачитаете это всем.

— Русским тоже?

— Обязательно.

Читка письма Люси состоялась после ужина. В начале Люсетт от себя и Жинетт передавала привет и сердечные поцелуи всем, кто их помнит. А дальше писала:

Недавно, Алекс, мы всей миссией присутствовали на незабываемом зрелище: по Москве вели тысячи плененных гитлеровцев. Об этом было заранее объявлено по радио, и населению разрешили стоять за бордюрами тротуаров. Немцам предстояло пересечь весь город (как если бы они прибыли в Париж на Лионский вокзал, а потом пешком добирались до Восточного). Они шли в мертвой тишине, на них гордо, с достоинством и с презрением смотрели женщины, старики и дети.

Вся военная миссия "Сражающейся Франции" в СССР в полном составе стояла на Садовой, перед станцией метро. Генерал Пети и все наши офицеры были в военной форме.

И вот представь себе, Алекс, этот небывалый в истории марш начался. В голове колонны шли генералы и старшие офицеры. Каждое каре пленников спереди и сзади конвоировали советские солдаты. Это было потрясающее зрелище, особенно на фоне воспоминаний о триумфальных маршах фашистов по другим странам. Куда девалась их былая спесь! Шли побежденные: один еле волок за собой обернутую грязной тряпкой ногу, второй брел с черной повязкой на глазу, третий — без руки...

Советские люди не проронили ни звука, никто не двигался. За время марша был всего один инцидент;

какой-то старичок, не в силах сдерживать чувства, прорвался сквозь оцепление, бросился к первому гитлеровцу, обругал его страшными словами, плюнул в лицо.

Но для нас, французов, милый Алекс, самым волнующим моментом того дня было окончание марша, когда шла колонна пленников — наших земляков из Эльзаса и Лотарингии. Все они прикрепили к курткам какое-то подобие трехцветных кокард, а когда поравнялись с нами и увидели генерала Пети, стоявшего в кузове грузовика с откинутыми бортами, принялись кричать: "Вив ля Франс, мой генерал! Мы не были добровольцами! Нас призвали насильно. Да здравствует Франция!"

Эрнест Пети не проявил к ним ни малейшего со-, чувствия. Наоборот, зло сплюнул и сказал сквозь зубы: "Мерзавцы! Кто не хотел, тот с нами". А я разразилась рыданиями. Как показалось, не одну меня так все это взволновало. Наши мужчины тоже чувствовали себя не в своей тарелке, говорили глухими, надтреснутыми голосами, часто сморкались в платки.

Марш продолжался два часа. Завершился он тем, что, ко всеобщему одобрению москвичей, по мостовым прошли поливальные машины и тщательно смыли следы колонны...

Жан закончил чтение. В комнате долго стояла тишина. Каждый живо представлял себе услышанное. Люси так ярко все описала, что это нетрудно было сделать.

Нашлась страна, где Гитлеру уже дали по хребту, а со временем сломают его окончательно. Он вождьеленно мечтал о параде в Москве. И вот получил его. Только не парад триумфа, а парад позора.

— Неужели есть французы, воюющие против России и против нас? — нарушил тишину Дешане.

— Да, нашлись, — ответил Пуйяд, — об этом мало кто из нас знает, но вишисты имеют свои, правда, немногочисленные, войска на восточном фронте,

— Хотел бы я столкнуться хоть с одним петеновцем в воздухе, живо бы из него кишки выпустил! — зло сказал Риссо.

— Самолеты им не доверяют, — сообщил Альбер.

— Видать, такие они вояки, — раздался чей-то голос.

— Какое дело, такие и вояки, — подытожил Агавельян.

Письмо Люсетт Моро никого не оставило равнодушным. Оно еще раз помогло всем убедиться; крах фашистского рейха не за горами.

Несмотря на то что война вроде бы обошла Микунтаны стороной, жизнь в деревне с каждым днем становилась беспокойнее.

Пробивавшиеся на запад, к своим, разрозненные группки гитлеровцев то и дело давали знать о себе. Новый начштаба полка майор Вдовий, сменивший капитана Шурахова, убывшего к новому месту службы, вместе со своим помощником капитаном Профателюком первым делом организовал оборону аэродрома, а также "прочесывание" лесных массивов, окружающих его. Было несколько стычек, в результате которых полк "обзавелся" двумя пленными гитлеровцами — солдатом и офицером.

Всем не терпелось покинуть это зажиточное, но небезопасное селение, где приходилось заниматься делом, не свойственным авиаторам.

Пуйяд доложил о настроениях в полку Захарову. Тот, человек деятельный и решительный, велел срочно перебазироваться в только что освобожденный городок Алитус.

— Не знаю, как там все сложится, — добавил он, — но если позволят обстоятельства, вы получите новые самолеты.

— Какие? — невольно вырвалось у Пуйяда,

— Як-три.

— Благодарю за прекрасную новость, мой генерал! Еще год назад у Пуйяда состоялся доверительный разговор с представителем авиазавода, выпускавшего Як-9.

Тот рассказал, что уже тогда проходили испытания самых легких в мире истребителей, созданных по личному указанию Сталина, потребовавшего в кратчайшее время противопоставить немецкому Ме-109Ф более надежную боевую машину.

Новость обрадовала всех. Ускоренными темпами полк начал готовиться к перелету в Алитус. Но Микунтаны не пожелали расставаться с французами без приятного сюрприза. Он свалился с неба в виде обыкновенной куклы-матрешки. Подобрали ее, осмотрели — женской булавкой приколоты записочка: "Наше сердечное спасибо за поддержку огоньком. Летчицы Пе-2".

Французы были изумлены и восхищены. Пикирующие бомбардировщики Пе-2 они прикрывали при форсировании Немана. Восхищались работой "петляковых":

после них на переднем крае обороны противника оставалось глубоко вспаханное поле с искореженной, разбросанной повсюду вражеской техникой. Таких все уничтожающих, сокрушительных ударов французам еще не приходилось видеть. Конечно же, никто из "нормандцев" и подумать не мог, что этими грозными машинами управляли русские девушки. Правда, кое-кто строил об этом догадки, вспоминая случай, когда однажды зимой на их аэродром из-за сильной метели приземлился Пе-2. Тогда на землю, как уверяли очевидцы, спустилась ангельской красоты летчица Ольга Шорохова. Переждала пургу в компании французов, наперебой галантно расшаркивающихся перед ней, и улетела, не оставив адреса.

Пуйяд сразу же навел справки о местонахождении полка Пе-2. Выяснилось: почти рядом.

— Мы обязаны ответить на вызов, — сказал Дельфино. — Надо пригласить их в гости.

— Позовите Жака Андре, — приказал Пуйяд. Тот не заставил себя долго ждать.

— Вы просились в смоленский госпиталь — проведать раненого друга Ширраса. Лебединскому тоже нужно туда: получить противомаларийную вакцину. Для Эйхенбаума у меня будет особое поручение. Берите У-два и втроем отправляйтесь в Смоленск.

Миссия Эйхенбаума заключалась в том, что он должен был на обратном пути, когда Андре приземлится на аэродроме базирования Пе-2, пригласить летчиц в гости к "нормандцам".

Веселой компанией троица убыла в Смоленск. Там они не нашли ничего лучшего, как приземлиться на футбольное поле у госпиталя. Андре что-то не рассчитал и врезался в какое-то деревянное сооружение; его ноги оказались зажатыми досками, пробившими пол кабины. Лебединский попробовал высвободить незадачливого пилота. Это не удалось, и он помчался в госпиталь просить пилу.

— Вам стерильную или простую? — недоуменно спросили его.

Жорж также ничего не понимая, замигал глазами, а когда сообразил, что находится в операционной, сокрушенно махнул рукой:

— Извините, не туда попал. Где у вас столярная мастерская?

Андре отделался лишь сильными ушибами. И потому встреча с летчицами Пе-2 оттянулась на три дня, то есть на время, потребовавшееся для восстановления У-2.

— Вас только за смертью посылать, вволю пожил бы на свете — зло прошипел Пуйяд.

Однако ему тут же пришлось сменить гнев на милость: следом приземлился Ли-2, из которого яркой, щебечущей стайкой высыпали пилоты пикирующих бомбардировщиков в своей лучшей, хранившейся для особых случаев форме. Среди них были Надя Федутенко, Катя Федорова, Галя Турабелидзе, Милица Казаринова, Валя Волкова и... Оля Шорохова. С трудом верилось, что эти милые, нежные, хрупкие девушки — мужественные героини фронтового неба. Восхищенный Пьер Пуйяд за ужином провозгласил:

— Если бы можно было собрать все цветы земли, их было бы мало, чтобы по достоинству отблагодарить за подвиги советских женщин-летчиц.

— За таких девушек Жак Андре мог разбить десять связанных "стрекоз", — говорили после встречи "нормандцы", благодаря судьбу, ниспославшую им великолепный вечер в обществе очаровательных и отважных дам.

Алитус находится в пятидесяти километрах от Каунаса, на берегу Немана — той самой реки, которая еще недавно представлялась недосягаемой. Сейчас ее волны перекачивали разбухшие трупы в мышино-зеленых гитлеровских мундирах.

Не успели приземлиться и освоиться — приказ на взлет. Продолжались бои за полное очищение правобережья Немана. Советские войска наступали также южнее — в направлении Гумбинена.

Под командованием Матраса три пары истребителей ушли на свободный полет. Не успели углубиться в воздушное пространство над занятой врагом территорией, как увидели десять "юнкерсов" под прикрытием четырех "фоккеров". Завязался бой. Правда, не такой, какие случались в начальный период действий "Нормандии". Сейчас каждый знал свое место, свою задачу, никто никого не упускал из виду. Теперь только непосвященному могло показаться, что происходящая схватка — беспорядочное, неосмысленное кувырканье самолетов. Нет, бой шел по тактическим законам, каждая сторона добивалась осуществления четкой цели: враг хотел, избежав собственных потерь, нанести бомбовый удар по нашим войскам, а "нормандцы" — сорвать его планы и уничтожить как можно больше машин противника.

Крутится, вертится клубок истребителей вокруг яростно отстреливающихся бомбардировщиков, которые сомкнулись в плотный строй. Эфир забит французскими, немецкими командами и ругательствами. "Нормандцы" то и дело подсказывают друг другу:

— Пен, отверни в сторону!

— Стреляй, Мартело, стреляй же!

— Мовье, сзади "месс".

Истребители пикируют, взмывают ввысь, переворачиваются через крыло, идут на боевые развороты. Огненные трассы, чередуясь и скрещиваясь, тянутся со всех

сторон.

Что-то долго нет результата. Ага, есть! Кто-то выпрыгнул с парашютом. Чей самолет, разматывая черную дымную ленту, пошел к земле? Мелькают кресты — "фоккер". Победа Жака Андре. Молодец! У врага осталось три истребителя. Уже легче. Горит "юнкере"! Поджег Морис Шалль. Искушает вину. Отваливается крыло еще у одного "юнкерса". На сберкнижку Ле Мартело сегодня поступит первая тысяча рублей. А почему "заковылял" Андре? Ах, отбит правый элерон! Куда девался Франсуа де Жоффр? Уходит — что-то стряслось с мотором.

— Раяки, раяки, все ко мне! — командуем Матрае. К нему тут же пристроились Бейсад, Монье, Мартело.

— Атакуем!

Горит еще один «фоккер», за ним — "юнкере". Пять побед! Еще одна и в среднем будет на каждого по сбитому пирату. Но гитлеровцы больше не изъявляют желания сражаться, поспешно уходят.

Матрас снова командует: "Все ко мне!" Однако видит рядом с собой только Ле Мартело.

К моменту приземления этой пары на аэродром уже залатывали пробойны на машинах Андре и де Жоффра. Бейсада и Монье не было. Через день Монье появился — ему пришлось воспользоваться парашютом. "Противоударный, пылевлагонепроницаемый Попов!" — говорили о нем. В который раз он вышел сухим из воды! А Бейсад пропал. Ему так и не довелось услышать из уст Пуйяда взволновавшую всех новость о том, что 31 июля в ознаменование особых заслуг полка в боях за Неман Сталин подписал приказ о присвоении ему наименования Неманского.

— Отныне и навсегда, — громко объявил командир перед строем, — наша воинская часть именуется: "Авиационный истребительный полк "Нормандия — Неман". Дети, внуки в правнуки наши будут с гордостью произносить это название. Ибо оно стало символом немеркнувшей славы французского мужества, символом нашего боевого братства с великим русским народом!

Когда завершились торжества по поводу столь знаменательного события, из штаба принесли радиogramму. Пуйяд пробежал текст и резко скомандовал:

— По самолетам!

В тот день летчики не задерживались на земле ни одной лишней минуты. Заправлялись горючим, пополняли боекомплект — и по "газам". С каждым вылетом рос боевой счет полка. Его умножили Альбер, Мартело, Лорийон, Мурье. Но недосчитались в своих — Ройве Пинона, Константина Фельдзера.

Куда девался Пинон, не видел никто. Что же касается Фельдзера, то командир звена Мурье, занятый отражением атаки двух наседавших "мессов", заметил, как Константин выбросился с парашютом из подбитой машины, как ветром понесло его в сторону противника. Пока Мурье развязал себе руки, свалив одного фашиста, Фельдзер упал прямо на позиции гитлеровцев и был взят в плен.

Все знали сложную жизненную историю Константина. Уроженец Киева, он попал во Францию вместе с родителями, подвергшимися преследованию царских сатрапов. Закончил авиационную школу в Блерио. Вишистов отверг сразу, пытался присоединиться к силам Сопротивления. В Испании его арестовали. Бежал. В Алжире снова был схвачен и приговорен к каторжным работам в Тунисе. Вываться на волю смог только в 1942-м. Через год добился права быть посланным в "Нормандию".

И вот теперь судьба уготовила ему новое испытание.

Александр Лоран вспоминал позже, что Константин предчувствовал беду. За несколько дней до упомянутого вылета он обратился к Пуйяду с предложением выдать "нормандцам" удостоверения на вымышленные имена, как делалось в республиканской Испании. В штабе воздушной армии пошли навстречу: летчики, пожелавшие этого, поменяли документы. Фельдзер стал Бертье — взял девичью фамилию своей матери. В свое время механик украсил ему рукоятку пистолета ТТ — с одной стороны под плексигласовой пластинкой поместил

изображение лотарингского креста я штриховой портрет де Голля, с другой — серпа и молота и силуэт Сталина. Совсем недавно Фельдзер-Бертье извлек оба рисунка и спрятал среди вещей, которые не брал с собой на задания.

Худшие предчувствия Фельдзера оправдались. Со 2 августа начался его путь испытаний, о котором "нормандцы" узнают лишь несколько лет спустя после войны.

Фельдзер приземлился в самом центре литовского городка Вилкавичи, в 130 километрах от Кенигсберга. В самолете он был оглушен взрывом снаряда и с трудом соображал, что происходит. Ужасно болела обожженная кожа лица.

Когда опомнился, увидел офицера-эсэсовца, с любопытством рассматривающего летную куртку королевских ВВС Англии — предмет помощи союзников "нормандцам".

— Что, сражаешься за рубли?! — заорал фашист. Глядя на врага, Фельдзер думал, что единственное, чего бы он сейчас хотел — просто перестать существовать. Но изменить уже ничего не мог.

— Час назад мы расстреляли француза — летчика-партизана, — по-сорочьи стрекотал эсэсовец. — Вот его документы. Смотрите! — сунул пленному под нос развернутое удостоверение личности. "Роже Пинон", — прочел Фельдзер и внутренне содрогнулся.

— Ясно, тоже "Нормандия", — заключил гитлеровец. — Но вы, Бертье, итальянец и, к сожалению, закон смерти на вас не распространяется.

Узника бросили в битком набитый такими же страдальцами товарный вагон и отправили в нюрнбергский концлагерь. Там он встретился с... Бейсадом, которого тоже спасло от немедленного расстрела замененное удостоверение личности. С тех пор они не расставались.

Фельдзер лишь в конце войны сумел вырваться из плена вместе с русскими офицерами — летчиком Иваном Грязновым и артиллеристом Филиппом Гурьевым. Полуживых, их подобрали американцы.

Жана Бейсада союзники освободили из другого концлагеря, в который тот был заключен после неудачного побега.

В ночь, когда Фельдзер не вернулся в "Нормандию — Неман", аэродром полка подвергся массовой бомбардировке. К счастью, никто из личного состава не был даже ранен. Но 12 "яков" оказались полностью выведенными из строя. Даже примени Агавельян всю изобретательность, ему не удалось бы восстановить их. Пришлось эти самолеты списывать.

И вот, наконец, появились Як-3, очаровавшие французов. Простой, легкий, быстрый и отлично вооруженный истребитель. Равных ему не было в мире. Правда, скоро дали знать о себе и его слабости: относительно небольшая автономность (всего один час полета), деликатное шасси, недостаточная прочность при перегрузках. Последний недостаток в какой-то мере стал причиной гибели лейтенанта Бертрана.

И все же минусы нового самолета никак не могли затмить его положительных качеств.

Преимущества Як-3 перед немецкими истребителями были настолько очевидны, что со слабостями примирились.

Боевые действия показали, что в умелых руках новой машине нет цены. В этом в числе первых на собственном опыте убедился Гаэль Табуре. Над Тильзитом он вместе с Роже Соважем связал боем четверку "фокке-вульфов". Роже с ходу сбил одного из них, и теперь можно было действовать поспокойнее. Пока Табуре выбирал наиболее выгодное положение для атаки, со стороны солнца навалилось еще восемь "мессов", один из которых устремился прямо к Гаэлю. Хорошо, что пилот твердо запомнил передаваемое от Пуликена к Тюляну, от Тюляна к Альберу неписаное правило: "Истребитель должен иметь глаза на затылке". Прежде чем открыть огонь по взятому на прицел фашисту, Табуре очень кстати оглянулся — и смог уклониться от выпущенной по иему трассы. Его начали зажимать "в тиски" четыре вражеских истребителя. Соваж дрался вверху, тоже в окружении четырех машин противника. По всему чувствовалось, что у него подходят к концу боеприпасы: уж слишком экономно отстреливается. Значит, на помощь друга надежды нет. Скорее наоборот, необходимо как можно быстрее выручать его. Гаэль вспомнил, что он на Як-3 — самом маневренном истребителе. Чуть подал сектор газа вперед, взял ручку на себя — и машина,

как вздыбленная, рванулась ввысь. Однако смысла в том уже не было: отстрелявшийся Соваж на форсаже вышел из боя, а немецкие самолеты, преследовавшие его, развернулись и понеслись наперерез Табуре.

Ну и ситуация! По словам Гаэля, он уже представлял себе встречу со своей прапрабабушкой. Но слова мелькнула спасительная мысль: "Я же на Як-3! Не пускают вверх, брошусь вниз". Увлекая за собой восемь лучших истребителей люфтваффе, Табуре вошел в крутое пике. Не забывал происшедшего с Бертраном: до предельной перегрузки Як-3 не доводил. На очень малой высоте выровнял машину, сделал глубокий вираж — до минимума, гарантировавшего от сваливания на крыло, потом снизил скорость и получил возможность ходить по кругу с наименьшим радиусом.

Гитлеровцы уверовали: в их руки попала легкая добыча. Один за другим они стали пристраиваться к "яку" в хвост, но через какую-то минуту оказывались у него впереди; над каждым из них нависала угроза срыва в штопор — подобное маневрирование "мессеру" было совершенно противопоказано. Орешек оказался фашистам не по зубам. Мало того, они едва успевали уклоняться от огня Табура. Что-то отлетело от киля одного "месса", получил пробоину в боку другой, а третий зачал-задымил и пошел на вынужденную.

"Ну и поделом вам, гады!" — воспрянул духом Табуре. Удручало одно: стрелка топливомера клонилась к нулю. Надо думать, как быть дальше. Пока Гаэль закладывал виражи все ниже, немцы, уже только пять, снижались, правда, по гораздо большему кругу. Они и так, и этак пытались взять "яка" на прицел, но никак не получалось.

Вдруг все "мессы", как по сигналу, исчезли, растворились в пространстве. "Что их напугало?" Табуре осмотрелся — советские истребители. Целых два звена! "Восемнадцатый полк!" — радостно восклицает Гаэль и направляется домой. Только ткнулся колесами о землю — винт прекратил вращение.

Прибежал взбешенный Альбер.

— Если в следующий раз тебе захочется быть сбитым, будь добр, не бери мой самолет! — кричал он.

Гаэлю действительно пришлось воспользоваться машиной Мориса — на своей что-то не ладилось. Он не обиделся за столь холодный прием; как и все, знал: если Альбер кричит, значит, рад, что летчик вернулся живым и невредимым.

В самом деле, Морис тут же перешел на мирный тон:

— Пересаживайся на свой самолет, взмывай снова. Надо сменить над передним краем группу истребителей полка Голубова.

Сам полковник еще находился в госпитале, его заменял подполковник Заморив, но везде и всюду в разговорах продолжал жить "полк Голубова".

— Отличная машина, мой командир, для побед созданная. — Гаэль похлопал "як" по фюзеляжу.

— Сейчас представится возможность еще раз проверить ее.

Над линией фронта истребители обнаружили восьмерку немецких бомбардировщиков.

По радио раздался голос Альбера:

— "Куры" собираются снести яички. Приготовиться к атаке. Смотреть 'в оба — могут появиться "мессы".

Две пары "яков", будто острые кинжалы, вонзаются во вражескую стаю. Что тут началось! Гаэль потом говорил, что это напоминало резню Варфоломеевской ночи. Гитлеровские стрелки-радисты пытались отбиваться, не получали дозу свинца и умолкала. "Юнкеры", вспыхивая и взрываясь, падали обломками на головы засевших в траншеях фашистов. Только одному Ю-87 удалось вырваться из побоища. Это случилось лишь потому, что появились "мессершмитты". На сей раз что-то не сработало в педантично налаженной немецкой машине: истребители опоздали. Но они были полны решимости взять реванш и хоть как-то оправдаться перед своим начальством за столь большие потери среди бомбардировщиков.

Сейчас кашу заваривал противник. Но поспеть ей не

удалось: на помощь "нормандцам" пришли смелые, brave парни полковника Голубова.

Однако один из "мессов" испортил Табуре настроение — повредил ему систему управления. Гаэль уже начал готовиться к прыжку — открыл фонарь, отстегнул привязные ремни; упершись руками о борта кабины, приподнялся на сиденье, но, когда увидел, что подоспела помощь, успокоился и решил еще раз опробовать рули. Машина реагировала только на отклонение элеронов. Этого явно мало для боя, но лететь на базу с горем пополам можно.

Кое-как Гаэль "приковылял" домой. А выйдя из кабины и увидев, что сделал с его "яком" враг, стал мрачнее тучи: половина стабилизатора срезана, руль высоты заклинен, от руля поворота почти ничего не осталось.

— Вот теперь действительно можешь сказать, что машина отличная, — произнес подошедший Альбер. — Вернуться без нее можно только по глупости.

— Я чуть было не спорил такой глупости, мой командир, — чистосердечно признался Табуре.

— Павел Друзенков в таких случаях говорил: ошибся — что ушибся, вперед — наука.

— А кто такой этот Павел Друзенков?

— Мой русский учитель.

— Где вы учились у него?

Марсель взглянул на молодого пилота и подумал о том, как быстро на войне все меняется.

— Здесь, в "Нормандии", — ответил комэск. Табуре, пилот с 1938 года, уже был достаточно опытен для того, чтобы знать, каких летчиков-инструкторов ученики помнят всю жизнь.

Жозеф Риссо, Александр Лоран, Жорж Лемар и Лионель Менью вылетели на свободную охоту, когда в воздухе уже повисали предвечерние сумерки. Минут сорок походили над передним краем — нигде никого. Пора обратно. Пары, идущие друг от друга на солидном расстоянии, по команде разворачиваются. И тут Жозеф обнаруживает два Me-109.

— Лоран, атакуй! — приказывает он. А сам, вроде бы не заметив противника, идет своим курсом.

"Мессы" клюют на приманку; увернувшись от атаки Лорана, бросаются вдогонку за Риссо.

— Лемар, Менью, — передал командир, — веду за собой двух "мессов". Приготовьтесь.

Жозеф лишь чуть-чуть увеличил обороты, и самолет стал быстро наращивать скорость. Великолепная приемистость двигателя!

"Мессеры", решив, что победа у них в кармане, жмут, как говорится, на все железки. Жозеф избегает резких маневров, но держит преследователей на дистанции, исключаящей прицельный огонь. Сквозь дымку несколько слева по курсу уже просматривается пара Лемара. Вот-вот сработает "эффект ослепления", как любит говорить Риссо. Еще секунду, еще миг — и Риссо резко уходит влево на боевой разворот, а в борта вражеских истребителей вонзаются пушечно-пулеметные очереди Лемара и Менью. Сбиты оба. Сбиты, благодаря исключительным возможностям нового истребителя. И смекалке летчиков, разумеется.

А Робер Марки, этот виртуоз высшего пилотажа, затеял с Me-109 игру в кошки-мышки. Он мог сразить врага незамедлительно, как только они встретились, но, чувствуя собственную силу, Марки начал затягивать фашиста то на вертикали, то на горизонтали, навязывать ему свою тактику, заставляя действовать против воли. А затем он преспокойно сбил "месса". Но, собравшись возвращаться, увидел, что баки пусты. Доигрался! Пришлось приземляться вне аэродрома. Самолет был поврежден. Узнав об этом, Дельфино чуть не растерзал Марки.

— Кому нужны такие победы?! — кричал он, в гневе сжимая кулаки. — Да за подобные проделки сажают на гауптвахту! Кто даст новый самолет? Будете загорать "безлошадным", пока наберетесь ума!

Марки виновато переминался с ноги на ногу. Ну что он мог сказать в оправдание?

Наутро Робер явился на аэродром без шлема и планшета. Обратился к Пуйяду:

— Дайте хоть какую-нибудь работу, не могу же я бездельничать.

В это время подошел Агавельян:

— Марки может летать.

— Как? На чем? — удивленно спросил Пуйяд.

За ночь мои люди восстановили его "як".

— Ну и черти же ваши люди! Иди, Марки, благодари их.

В тот день Робер, искупая вину, сбил еще два самолета.

Противник начал избегать встреч с Як-3, не суливших ему ничего хорошего. И тогда на доске приказов полка "Нормандия — Неман" появилось чье-то шуточное объявление: "Ввиду отсутствия работы, меняю совершенно новый Як-3 на пишущую машинку, можно — бывшую в употреблении". Одни говорили, что автором этих строк был Риссо, особенно скучавший от "безделья". Другие приписывали их полковому карикатуристу Дешане. Правы были скорее первые.

Дешане рисовал Жозефа Риссо выделяющим акробатические номера на цирковой арене. Под иллюстрацией воспроизводились слова Пьера Пуйяда: "Риссо устраивает в воздухе цирк, от которого врагу ожидать добра не приходится". Дружеские шаржи посвящались также де ля Пуапу, де Жоффру, Карбону, Мурье, Пистраку и другим пилотам, особенно отличавшимся в воздушных баталиях. Они всегда собирали веселую толпу французов, понимающих толк в юморе и умеющих ценить любое проявление остроумия.

Капитану Луничкину, начальнику передвижной контрольной радиостанции, со времени Курской битвы обеспечивающей полк связью, никогда раньше не приходилось принимать у себя столько гостей. Ну, бывало, придут Шик или Эйхенбаум, послушают сводку Совинформбюро, передачу "Сражающейся Франции", чтобы рассказать всем о последних событиях, — и все тут. А в последние дни сразу по несколько человек, наострив уши, часами сидят у приемника. Одна группа уходит, появляется другая.

— Что-то эфир вас больно стал интересовать. Не надеетесь ли на радиоприветствие от любимых подруг?

— Еще как надеемся! Пусть только союзники в Париж войдут, — отвечали гости.

Этой главной новости — об освобождении Парижа — с нетерпением ждали весь август. Пьер Пуйяд даже приберегал кое-что из напитков и съестных припасов, приговаривая: "Такое событие нельзя не отметить как следует".

Долгожданную новость первым услышал "дежуривший" у радиостанции лейтенант Дуарр. Он заорал будто оглашенный:

— Ви-ва! Ви-ва! Париж взят! Париж освобожден!

Луничкин догадался включить громкоговорители. По всему аэродрому полился звон парижских колоколов. Безо всякой команды утихли все двигатели, прекратился всякий шум и разговоры. Глотая слезы, французы восторженно слушали звуки родной столицы, доносившиеся за две тысячи километров.

Когда малиновый, радующий сердце перезвон закончился, французы попали в объятия русских авиаспециалистов.

К Пуйяду прибежал запыхавшийся офицер связи капитан Вдовин:

— Господин подполковник, генерал Захаров передал, что сегодня в честь освобождения Парижа во всей триста третьей устраивается праздник. Командир дивизии прибудет к нам в двадцать один ноль-ноль.

В назначенное время к "нормандцам" прибыл почти весь 18-й гвардейский полк. Приехал генерал Захаров. От души, до хруста в костях, обнял Пуйяда, Дельфино, Альбера, Риссо, де ля Пуапа, Матраса... Потом, повернувшись к личному составу голубовского полка, который выстроился в стороне, скомандовал:

— Давай!

И в литовское небо взвилась самая дорогая для каждого француза песня, гимн Франции — "Марсельеза". Ее хором запели русские, дружно подхватили "нормандцы"; Такой сюрприз взволновал их до глубины души.

Троекратное "ура" было благодарностью русским друзьям. Не успело прокатиться эхо от него, все вокруг потрясли залпы зенитных батарей.

Русские салютовали в честь освобождения Парижа! Салютовали участникам вооруженного восстания сил Сопротивления, воинским частям союзников, избавившим от фашистской чумы столицу боевых соратников.

— Качать, качать! — раздалось вокруг, и, подхваченные сильными, теплыми, добрыми руками, взлетели в воздух Захаров, Пуйяд, Дельфино, Альбер, Риссо...

В права вступала осень. Она принесла дожди, холода. В это же время на фронт прибыл сильный противник — специальная эскадрилья истребителей "Мельдерс", которой Геринг лично поручил уничтожить "Нормандию — Неман". В состав эскадрильи входили отборные пилоты, каждый из которых имел на своем счету не менее пятнадцати самолетов, сбитых на разных фронтах. Все летчики имели высшие гитлеровские ордена я на ступень выше положенного воинские звания, получали чуть ли не двойные оклады. Их самолеты имели отличительный знак: желтую полосу на конце фюзеляжа, которая упиралась в круглый жетон. Желтый цвет символизировал разлуку. Мол, встретился в воздухе с "мельдерцем", пой жизни отходную молитву.

— Боши причислили нас к франтирерам — не подействовало. Теперь решили запугать своими асами. Поглядим, что у них за класс, — сказал по этому поводу Альбер.

Первой взаимной пробы сил ждать довелось недолго.

Восьмерке "яков" во главе с Альбером приказали преградить путь тридцати "юнкерсам".

Было пасмурно, сыро, размокший грунтовой аэродром нехотя отпускал самолеты в небо.

Ожидая момента отрыва, Марсель уже представлял себе, как организует бой с армадой бомбардировщиков. "Хорошо бы, поменьше истребителей сопровождало их", — думал он.

Наконец машина перестала вздрагивать, перешла в набор высоты. Двигатель гудит ровно, мощно. Марсель оглянулся — за ним идут четким строем Риссо, Лоран, Фару, де Жоффри, Дешане...

Сколько позади таких вот вылетов? Не считал, не знает. А вот цифру сбитых фашистов помнит — 16. А сам, между прочим, пока не получил ни единой царапины. Везение? Умение? Как тут рассудить? На войне действуют очень суровые законы. А как привередлив его высочество случай! Тюлян, Литольф, Лефевр... Какие мастера были! Цвет и гордость французских ВВС. А поди же, погибли.

Вполне может быть, что сегодняшний вылет станет последним для Альбера или любого другого пилота его группы.

Нет, не мог предвидеть командир, что через минуту ему придется иметь дело не только с тридцатью Ю-87, но и двенадцатью Ме-109 эскадрильи "Мельдерс".

Увидев желтые полосы на фюзеляжах, Альбер немедленно передал по радио:

— Риссо, четверкой атакуй "юнкерсов"! Лоран, де Жоффри, Дешане — за мной, на желтых жизнеразлучников!

"Посмотрим, проверим, что вы собой представляете. Узнаем, где бывали, с кем дело имели, отборные асы", — думал Альбер.

Вражеские истребители тоже разделились на две группы. "Понятно, одна хочет сковать боем четверку Риссо, другая займется моей, а бомбардировщики без помех направятся к цели, — сообразил Марсель. — Нет, не выйдет так!"

— Лоран и Дешане! Следуйте на перехват отделившейся шестерки "мессов"!

— Поняли.

Итак, четверка против двенадцати.

Гитлеровцы держатся нагло, пытаясь заключить каждого "яка" в тройные клещи. Только создается впечатление, что они ничего не слышали о новых советских истребителях. "Яки"

подобно вьюнам увертываются, ускользают от снарядных и пулеметных очередей, сами ухитряются оказываться в хвосте у личных посланцев Геринга. Это начинает нервировать "мельдерцев". Их пилотаж теряет прежнюю плавность, становится грубым, дерганным.

Вот Риссо "подлил масла в огонь": умудрился одним залпом пронзить двух "юнкерсов". Тяжелые бомбовозы взорвались, их обломки долго кружились, разлетаясь на сотни метров вокруг.

"Желтые" от такой неожиданности дрогнули, замешкались. Этим не замедлил воспользоваться Альбер — всадил заряд точно в кабину ведущего. Самолет, как оглушенная рыба, перевернулся вверх брюхом и падающим листом закувыркался к земле.

"Мессы" перегруппировались, сомкнулись и, открыв огонь из всего бортового оружия, устремились на "яков" Альбера. А он с де Жоффром нырнул под них и боевым разворотом ушел вверх, чтобы снова молниеносно атаковать. Рухнул еще один ас. Ниже Лоран поджег "месса", чуть в стороне группа Риссо сразила двух "юнкерсов".

Через пять — десять минут в небе наступила полнейшая тишина. "Желтые" скрылись в облаках. Бомбардировщики взяли обратный курс. Теперь им забота — искать место, куда сбросить бомбы на "своей" территории.

На земле чадили остатки семи немецких самолетов.

— Ну, как эскадрилья "Мельдер"? — спросил Пуйяд у Альбера после посадки.

— Думаю, Герингу придется распрощаться с ней, — ответил Марсель, вытирая платочком лицо и шею, мокрые от пота. — Хотя повозиться придется — летчики действительно не слабого десятка.

— Ну что ж, повозимся. Нам не привыкать.

303-я авиадивизия, в том числе полк "Нормандия — Неман", перебазировалась в Антонове, потом в Средники. Здесь генерал Захаров ставит перед авиасоединением задачу: наглухо закрыть советское небо для гитлеровских самолетов. Это значит, что пилотам надо находиться в воздухе больше, чем на земле.

Это означало новые победы и новые потери. Бесследно исчезли, не вернувшись с задания, Марк Вердье и Луи Керн. Их долго разыскивали, еще дольше ждали сведений о них — все безрезультатно. Отплата врагу не заставила себя ждать: 12 сбитых самолетов прибавилось к боевому счету полка. Но ведь когда речь идет о погибших друзьях, товарищах по оружию — в этом мало утешения.

Погода все ухудшалась. Полеты в сложной метеорологической обстановке приводили к вынужденным посадкам, поломкам и авариям.

Люди устали. Назревала критическая ситуация конца 1944 года, когда погибало больше летчиков, чем возвращалось с заданий.

Пьер Пуйяд пребывал в тяжелом раздумье: как быть дальше. В комнату зашел с пакетом де Панж. Лицо его сияло.

— Что там еще, Жан? — устало спросил командир.

— Телеграмма.

— Пополнение?

— Нет. Отпуска.

— Отпуска? Какие, кому? Да читайте же, наконец!

— "Всем, кто более трех лет не виделся с семьей, предлагается убыть в месячный отпуск во Францию", — радостно прозвучал голос Панжа.

— Да, теперь я мог бы сказать кюре, что бог действительно есть! — возбужденно проговорил Пуйяд и откинулся на спинку стула. — Ну что ж, лейтенант, составляй список согласно телеграмме, а я свяжусь с генералами Захаровым и Хрюкиным.

Со стороны советского командования никаких возражений и задержек не последовало. Наоборот, было обещано уже завтра прислать Ли-2 — для переброски отпускников в Москву. Оттуда на Родину они будут добираться через Тегеран.

Счастливицы впопыхах собирали чемоданы. Брали самое необходимое, остальное — утепленные сапоги, свитера, куртки — поручали на хранение остающимся.

К ужину официантки по-праздничному сервировали столы, украсили столовую сосновыми ветками и плакатами: "Слава старичкам!", "Хорошего отпуска!", "Счастливого возвращения в полк!".

К прощальному торжеству прилетел Георгий Нефедович Захаров.

Генерал был чем-то сильно озабочен. Вместо того чтобы направиться к своему почетному месту во главе стола, он позвал Пуйяда в уединенную комнату; там они с глазу на глаз о чем-то поговорили.

Комполка вышел сосредоточенным, собранным. Когда его видели таким, знали: произошло что-то очень важное.

— Всех отпускников, — сказал он твердо, решительным голосом, — приглашаю пройти со мной в ельник. Есть разговор.

Ничего не понимая, счастливы — Альбер, Риссо, де ля Пуап, Лоран, Мурье, Муане, Монье, Сент-Фалль, Жаннель, Соваж, де Панж и Лебединский двинулись за подполковником.

— Может, Францию снова сдали бошам? — успел высказать догадку Лоран.

— Нет, наверное, встал вопрос о том, как перебросить туда твою невесту Риту? — поддел Александра де Панж.

— Вот что, господа, — обратился Пуйяд к офицерам, обступившим его тесным кружком, — генерал Захаров доверил мне совершенно секретную информацию и просил поделиться ею с вами. Дело в том, что через несколько дней начнется большая Восточно-Прусская операция. На нашем направлении она, возможно, будет последней. Командир дивизии ни на чем не настаивает. Сказал, что мы совершенно свободны в выборе, и он примет наше решение, каким бы оно ни было.

Наступила минута тягостной тишины.

Стало зябко: прихватывал мороз — вестник третьей русской зимы. В небольшой группе "несбиваемых", как назвал отпускников Луи Дельфино, были участники всех кампаний. За плечами у каждого — побеги из плена и тюрем, Бельгия, Англия, Испания, Дания, Мадагаскар, Ливия, Эфиопия, Сирия, Иран, Курск, Орша, Витебск, Смоленск... Люди, испытывшие все, что бывает на войне, прошедшие сквозь ое горнило, закаленные, мужественные. Почему молчат они сейчас? О чем думает де ля Пуап? Какие мысли одолели Александра Лорана, час назад весело распевавшего "О, Париж, мой Париж..."? Отчего погрузился Жорж Лебединский?

Многие мысли промелькнули в их отчаянных головах, но все слилось в едином мнении, которое высказал Марсель Альбер:

— Мой командир, если мы здесь будем продолжать корчить из себя трусов, другие оставят нас без водки за сбитые самолеты!

Эти слова словно прорвали дамбу. Все зашумели, загалдели.

— Будем сражаться до конца!

— С отпусками потерпим.

— Кому суждено еще раз побывать во Франции — тот побывает.

Веселой, возбужденной толпой все ввалились в столовую.

— Господа, — объявил Пьер Пуйяд, — мы остаемся. Прощальный ужин отменяется, вернее, начинается ужин дружеский.

— Тем более что есть другой хороший повод: вашему командиру присвоено звание полковника, — добавил Захаров.

— Ура! — трижды раздалось так дружно, будто все заранее ждали этого известия.

Если у кого и было омрачено настроение отменой отпусков, то оно быстро улучшилось.

Генерал Захаров не мог скрыть волнения. Его глаза выражали не просто дань уважения к собратям по оружию, а гораздо большее — отеческую нежность и любовь к ним.

Информация, переданная Пуйяду командиром дивизии, лишилась грифа секретности 16 октября.

Все вокруг потряс оглушительный грохот, напоминавший горный обвал. Мощной артиллерийской подготовкой, поддержанной авиацией, началось большое наступление советских войск в Восточной Пруссии.

— Ну, орлы-раяки, настоящая работа продолжается. Вылетаем вместе с восемнадцатым гвардейским полком, которым снова командует вернувшийся из госпиталя полковник Голубов, — обратился к своим летчикам Пуйяд.

Последнее сообщение вызвало оживление в строю пилотов. Все они любили этого истинного богатыря русской земли, были рады его возвращению.

Пуйяд подождал, пока улеглось возбуждение, и продолжал:

— Наша задача — прикрывать наступающие Тацинский танковый корпус, обеспечивать действия бомбардировщиков русских, нейтрализовать ряд аэродромов противника. Руководство дивизией, как и раньше, будет осуществлять генерал Захаров. А теперь слушайте обращение командующего нашей воздушной армией генерала Хрюкина.

— "Товарищи офицеры, сержанты, солдаты! Настал долгожданный, желанный час. Мы стоим у границ Восточной Пруссии. Под нашими крыльями — логово страшного зверя. Уничтожить его — приказ Родины.

Вперед, за полное поражение фашистской Германии!

Смерть немецким оккупантам!"

Через несколько минут в Антонове стартовали "нормандцы", в Средниках — голубовцы.

Внизу — Восточная Пруссия, цитадель германской военщины и реакции, плацдарм агрессии против славян. Он оцетинился тысячами долговременных оборонительных сооружений из железобетона, опутанных паутиной траншей, ходов сообщения, рядами противотанковых рвов, проволочных заграждений и минных полей.

Где-то здесь, в глубинных бронированных бункерах, находилась ставка Гитлера.

Фашисты будут зубами держаться за этот край.

Враг, ошеломленный мощным огневым шквалом, пока молчит, не отвечает на удар. Видимо, собирается с силами, соображая, какой урон ему нанесен.

"Внимание! Группам Запаскина и Альбера атаковать аэродром Югштейн. Серегину и Шаллю — блокировать аэродром Бурдниенен", — раздается в наушниках голос генерала Захарова.

Звучат короткие ответы: "Вас понял!" И юркие "яки", как бы опрокидываясь на крыло, входят в крутое пике.

Югштейн — это скопище более тридцати немецких самолетов. Осатанело бьют зенитки. Опомнились, гады!

Четыре "фоккера" пытаются взлететь. Капитан Запаскин меткой очередью пригвозждает их к земле. Его подчиненные обрушили смертоносный огонь на зенитчиков. "Яки", пройдясь над самолетными стоянками, оставили после себя огромные султаны взрывов, взметнувшие высоко в небо груды искореженного металла. Прошло две минуты — и всей вражеской техники как не бывало.

Такая же картина происходила и на аэродроме Бурдниенен. 10 гвардейцев во главе с Анатолием Голубовым и 10 "нормандцев" под командованием Рене Шалля громили автомашины, "Фокке-Вульфы-190"...

— Барахтаев, я — Серегин. Атакую взлетающего лидера, займись его ведомым.

— Тарасов, смотри в оба!

— Я — Шалль! Захожу на зенитную батарею!

— Де Жоффри, прикрой комэска!

Четыре эскадрильи — две советских и две французских — уничтожили на земле более восьмидесяти немецких самолетов. Добротню сделав свое дело, они ушли восполнять боезапас и горючее.

В это время эскадрильи Василия Барсукова, Ива Майе, Пьера Матраса прикрывали колонну бомбардировщиков, наносящих удар по объектам врага к югу от Шталуниенена. Из-за плохой видимости истребителям приходилось идти вплотную с подопечными, что не

позволяло в полной мере использовать маневренные качества Як-3. А тут, как назло, откуда ни возмись — целая свора "мессов". Французы делали все возможное, чтобы не дать им приблизиться к Пе-2 на дальность открытия прицельного огня. Гастон де Сент-Марсо, Пьер Лорийон смертоносными молниями носились прямо у них под носом, но все же гитлеровцам удалось повредить один бомбардировщик — тот вынужден был выйти из боя.

Пуйяд через подвижную радиостанцию Луничкина связался с Захаровым:

— Мой генерал, разрешите вместо эскортирования Пе-два на задания организовать постоянное патрулирование в зоне действия пикирующих бомбардировщиков.

— Дорогой Пьер, на твоём участке тебе виднее, поступай, как находишь нужным, — был ответ.

Тактическая перестройка сразу же улучшила результаты — на землю рухнули три Ме-109Ф. Их сбили Пуйяд, Сент-Марсо, Монье-Попов. Вот что значит раскованность маневра!

Не успели эскадрильи Альбера, Шалля, Запаскина, Серегина закончить заправку горючим, поступил новый приказ: прикрыть советские танки, прорвавшиеся сквозь вражескую оборону. Шалль остается в резерве.

— По самолетам!

На месте прорыва идет ожесточенное сражение. Горят "пантеры", "тигры", но и советским Т-34 не сладко — по ним в упор бьют немецкие пушки. А тут на горизонте к тому же возникла масса черных точек — более пятидесяти Ю-88.

Правда, прибыло и нашего полку. Генерал Захаров перенацелил сюда три эскадрильи полковника Пуйяда. У них горючего минут на двадцать — для воздушного боя вполне достаточно.

— Алло, Альбер! Алло, Альбер! "Юнкерсов" прикрывают "мессы", свяжите их боем, — слышится голос Пуйяда.

— Понял. Вижу. Выполняю.

Марсель бросает эскадрилью на вражеских истребителей, а две другие наваливаются на Ю-88. В воздухе калейдоскоп, в котором трудно разобраться. Небо взрывалось, горело, дымило, бросало на землю, разбивая в щепки, крестоносные машины, сжигало купола парашютов, на которых выбрасывались фашистские летчики.

Воздушное сражение развернулось па огромном пространстве, стало делиться на отдельные огненные очаги.

Альбер, последний из оставшихся в живых "трех мушкетеров", окинул взглядом представшую перед ним панораму и сказал себе:

— Начинается ближний бой. Теперь успех будет за тем, у кого острее шпага и точнее глаз.

Марсель врезался в гущу наседавших на него "мессов", скрещивая с ними огненные трассы.

Пуйяд, Дельфино, де ля Пуап "приземлили" три "Фокке-Вульфа-190". Четверка Андре, Риссо, Кюффо, Табуре довела свой счет до девяти. С шестью "фоккерами" сцепилсь Марки и Кастен, и четыре из них отправили в преисподнюю.

И только Лорийону не везло. Он надежно прикрывал Пуйяда, но ему хотелось и своей личной победы. Командир понял его состояние:

— Не горюй, Пьер, война еще не кончается. Завтра наверстаешь свое, — утешил по радио.

Пуйяд должен уводить "яков" — на исходе горючее. А тут появляется 15 свеженьких "фоккеров". Генерал Захаров бросает в бой резерв — эскадрильи Рене Шалля и Василия Барсукова. Пока те подходили, звено Резникова сражалось с вдвое превосходящим противником. Полковник Голубов со своим ведомым едва поспевал от одного места к другому, выручая своих бойцов. Вот комполка заметил, что к Резникову, сбившему двух фашистов, пристраивается в хвост вражеский истребитель. Еще миг — и трагедия неизбежна. Голубов с вертикального пикирования сваливается на врага как снег на голову. "Та-та-та", — коротко бьет его пушка, и наступает развязка.

Эскадрильи Шалля и Барсукова в действии. Сопротивление гитлеровцев сломлено, они покидают поле боя. Ни одна бомба не упала на наши танки, успешно развивающие прорыв.

Рев моторов утих только с наступлением темноты. Пуйяд и Голубов собрались у Захарова. Подводили итоги.

— Прекрасный был день, — удовлетворенно потирал руки командир дивизии. — Летчики полка "Нормандия — Неман" сбили двадцать девять самолетов, восемнадцатого полка — двадцать пять. А сколько воздушных машин врага уничтожено на земле! И ни одной потери с нашей стороны! Этот день войдет в историю дивизии как самый выдающийся.

— А для нас, — сказал Пуйяд, — это звездный час. Мы никогда не имели столько побед.

— Благодаря чему же они достигнуты? — хитро прищурился Георгий Нефедович.

— Благодаря взаимодействию и боевой взаимовыручке, мой генерал.

— Правильно, Пьер. А ведь было время, когда французы надеялись только каждый на себя.

— По этому поводу русские говорят: было да сплыло.

— Ну, что ж, отправляйтесь в свои части, порауйте личный состав результатами, сообщите, что все отличившиеся будут представлены к наградам...

Командира полка Пуйяда встретил начальник штаба майор Вдовин. Встретил с донесением в руках, подготовленным для передачи в вышестоящий штаб. В документе значилось, что полк за день произвел 100 боевых вылетов, не имея потерь, сбил 29 и сжег на земле почти 50 вражеских самолетов.

"Да, настоящий звездный час. Такому успеху, если его не зафиксировать в документах, могут потом просто не верить. Молодец, Вдовин! Впрочем, молодцом он был давно, только я иногда недооценивал его", — думал Пуйяд. Ему не нравилось, что Вдовин — штабной офицер — совал нос в летные дела. Например, настаивал, чтобы французы возвращались с заданий не по одному, а той же группой, какой взлетали. Пуйяд глухо Противился тому, пока сам не попал впросак: когда остался один, его атаквали сразу восемь "мессов". Отбил — получил наглядный урок правоты начштаба. После этого приказал всем держаться вместе до самой посадки.

— У вас конечно же есть поименный учет? — спросил Пуйяд.

— Обязательно. Пожалуйста, — протянул Вдовин новый листок.

Командир полка углубился в чтение, и перед ним предстало все воздушное сражение, хронометрированное до минуты. В 12.00 пара Морис Шалль-Шарль Микель сразила двух "мессов"; в 12.30 по одному гитлеровцу уничтожили Дешане, Марки, де ля Пуап, Сент-Фалль; в 14.00 — пары Пуйяд — Перрен и Соваж — Пьеро сбили по два и т. д.

Бесконечный список побед. Что это: удача или случайность? Скорее всего, дали знать о себе накопленные знания и опыт, превратившиеся в подлинное боевое мастерство.

Просматривая сводку дальше, Пуйяд с удивлением прочел строки о себе: "...атакованный четырьмя Me-109, он из положения на спине бросил машину в штопор, из которого вышел у самой земли, а затем, устремившись ввысь, с лета сразил ведущего вражеской группы..."

Когда это было, вспомнить не мог. Собственно, в той кутерьме многое делалось подсознательно, автоматически, вроде бы само собой, как и должно быть у человека, в совершенстве владеющего своим делом.

Пуйяд прошел в помещение к летчикам, чтобы обсудить с ними перипетии прошедшего дня, но говорить было не с кем: все мертвецки спали. Он почувствовал, что сон и его валит с ног.

Утром — новый подъем по тревоге.

Снова уходит весь полк. Напряжение и задания те же. В 14.00 Пуйяд взлетел с Лорийоном в четвертый раз.

Лорийон, как и прежде, полон решимости сбить врага. Теперь это ему удастся — поджигает "юнкерса". И тут замечает, что Мопье-Попову грозит опасность. Бросается ему на выручку и неожиданно для самого себя оказывается лицом к лицу с фашистом. На полной скорости противники сближаются, ведут огонь из всего оружия. Лорийону везет: его снаряд разбивает капот вражеского самолета, тот окутывается дымом. Теперь можно уходить. Но в ту же сторону отворачивает и ослепленный немец. Удар — оба самолета стали падать.

Лорийон опомнился, когда до земли было уже рукой подать. С трудом выправил машину. Боже мой, что с нею случилось! Нет половины левого крыла, отбита часть стабилизатора... Мотор работает так, что, кажется, от вибрации вот-вот развалится. Внизу — танковое сражение. Там пилота никто не ждет. Надо держаться в воздухе, чудом держаться. Куда же лететь? Вспомнилось наставление Риссо: "Хочешь благополучно выйти из переделки, смотри, чтобы солнце было справа, если оно светило слева, когда шел на задание". Немудреное правило, а в такой обстановке здорово выручает.

Сам себе не веря, Пьер Лорийон все же добрался до аэродрома. А на посадке самолет вышел из повиновения, перевернулся на спину и в таком положении скользил по обледеневшей полосе, пока во что-то не уперся.

Через час Лорийон как ни в чем не бывало просил у Пуйяда новый самолет.

— Две ссадины за две победы — счет подходящий, не так ли? — говорил он.

— Это, конечно, приемлемо, — отвечал Пуйяд, — только с новым "яком" дело обстоит худо. Риссо и Фа-, ру вернулись из Москвы с пополнением — целых семь человек. Им тоже нужны машины.

Новички — Анри Жорж, Пьер Блетон, Морис Гидо, Морис Монж, Жан Пикено, Леон Углофф, Шарль Ревершон — совершили перелет прямо из знойной Африки. Это были, так сказать, последние из могикан: больше "Нормандия-Неман" получать пополнение не будет.

Новичкам предстояло испытать в России многое из того, что испытали первые "нормандцы" в суровом 1942 году. Правда, сейчас иная ситуация. Неизвестность, неопределенность будущего не гложет сознание: вырисовываются контуры великой Победы. Но и на долю вновь прибывших достанется немало, напереживаются, узнают, почем фунт лиха. Уже сегодня им довелось почувствовать, куда попали. Командир полка, весь взмокший, успел лишь на минуту выскочить из кабины истребителя, чтобы пожать руки новичкам и сказать:

— Ребята, когда получите эмблемы "Нормандии — Немана", прикрепите их себе на фуражки. — И улетел снова.

В день прибытия новичков отправляли в госпиталь полуживого Эмона. Видели они и весьма необычную посадку Лорийона.

Пьер Пуйяд, выбравший время познакомиться с пополнением и понаблюдать за ним, заметил, что высокий, стройный брюнет Ревершон вроде бы уже скис.

— Вам уже грустно у нас? — спросил он.

— Что вы, господин полковник, я расстроился, услышав, что самолетов мало.

— А кто вас надоумил направить стопы в "Нормандию — Неман"?

— Альбер Мирле. Он сказал, что лично для меня здесь будет зарезервирован сектор для свободной охоты. Вот я и рванул в Россию.

— А стреляете хорошо?

— На базе Раяк брал все призы.

— Отлично. Такие люди нам очень нужны. Отныне вашим шефом будет лейтенант Пьер Лорийон. Даю в ваше распоряжение свободный Як-три и учебный Як-семь. Когда будете готовы к вылету на задание, инструктор доложит — проверю.

Следующие восемь дней летчики не имели ни минуты передышки. Они удивлялись: откуда у немцев берутся резервы? Бьют их, бьют, а самолетов у них будто бы не уменьшается. Ясно: через Восточную Пруссию лежит ближайший путь к Берлину. Сюда Гитлер бросает все, что может. Но только нет у него уже таких пилотов, о которыми "нормандцы" сталкивались минувшим летом. Пошли юнцы, не знающие или забывающие преимущества "яка" в скорости.

Каждый день майор Вдовин отсылал донесения о новых успехах "Нормандии — Немана". А 27 октября Пьер Пуйяд лично дал радиogramму в военную миссию: "Поли добился двухсотой официальной победы над врагом. Марсель Альбер сбил 23 самолета противника".

Из-за яростного, отчаянного сопротивления фашистских войск Кенигсберг взять с ходу не удалось. Наступление приостановилось.

Для летчиков очень некстати началась пора сплошных прибалтийских туманов. Нет ничего хуже, чем сидеть в бездействии на земле, когда ты крайне нужен фронту.

Передний край к тому времени удалился далеко на запад, и следовало подумать о перебазировании полка поближе к нему.

Пуйяд послал Шика и механика Голубева на У-2 разведать аэродром близ деревни Гросс-Кальвеген.

Кто-то вслед прокричал:

— Берегись, там могут быть мины!

Да только Мишель, обрадованный тем, что ему не то переводчику, не то штурману, не то летчику - поручили столь серьезное дело, совершенно напрасно не воспринял совет. Уже в конце пробега, выкатившись за пределы летного поля, напоролся на мину, взрывом которой вырвало правую стойку шасси. Шик с Голубевым решили взяться за ремонт, но для этого было необходимо поднять машину на какие-нибудь козлы. Пошли в деревню из аккуратных, однообразных домиков под черепицей. Там — ни единой живой души. Ни собака не залает, ни курица не закудахчет. Шик взглянул на карту и все понял: это же немецкая территория. Такое событие можно было бы как-то отметить, а вместо этого приходится сидеть сложа руки у разбитого корыта. Ведь и в ближайшей деревне может не оказаться ни людей, ни какой-либо связи, ни транспорта.

Оставалось одно: ждать, пока Пуйяд пришлет сюда еще кого-нибудь. Чтобы даром не терять время, тщательно обследовали аэродром, все подозрительные места так обложили камнями, чтобы сверху было видно их. К счастью, па самой полосе ничего не обнаружили. Видимо, гитлеровцы заминировали только подступы к аэродрому.

На второй день к вечеру в небе появился "як". Но не "Нормандии — Немана", а 18-го гвардейского полка. Прилетел сам полковник Голубов. Выслушал Шика и его механика о злоключениях, покачал головой:

— Прямо беда с этими минами. Вчера у вас в полку были похороны — подорвался Жан Мансо.

— Как? Где?

— Пошел с Перроном в лес побродить. Оторвало руку и ногу. Умер на руках у товарищей. Помолчали, отдавая дань безвременно ушедшему из жизни молодому пилоту.

— Берите, Мишель, мой самолет и улетайте. Такой уговор у меня с Пуйядом на случай, если я здесь застаю вас. Догоняйте свой полк — он убывает в Москву.

— Зачем? — вырвалось у обоих одновременно.

— На встречу, как вы говорите, с Большим Шарлем.

— Генералом де Голлем?

— Именно с ним. Торопитесь, Мишель, ваши товарищи уже в пути, сегодня выехали грузовиками в Каунас. Свяжитесь с моими, передайте, пусть перебираются сюда.

— Так здесь же собирался садиться наш полк.

— Пока неизвестно, где он в будущем приземлится. Да и здесь места хватает. В тесноте, говорят, да не в обиде.

— Ну, спасибо, господин полковник.

— Товарищ, — усмехнулся Голубов.

— Товарищ полковник, — поправился Мишель Шик. Он похлопал себя по карманам, извлек красиво инкрустированный нож турецкой выделки, протянул Голубову: — Не знаю, увидимся ли еще. Пусть будет вам память о нашей последней встрече.

— Благодарю, Мишель. Счастливого полета! Только в Каунасе Шик догнал попутными машинами свой полк, где он ожидал специально выделенный состав.

26 ноября Шарль де Голль вместе с министром иностранных дел Жоржем Бидо и другими сопровождающими лицами ступил на землю Баку, а оттуда проследовал в Москву. По пути глава Временного французского правительства получил возможность взглянуть на потрясшие его воображение руины Сталинграда.

Миссия де Голля состояла в заключении франко-советского договора о дальнейшей совместной борьбе против гитлеровской Германии.

Спустя неделю после высадки союзников на побережье Франции де Голль сошел с амфибии на пляж. нормандского порта Курсель. Первыми его встретили местные кюре и жандарм.

— Ну вот, меня уже и признали; в лице кюре — церковь, в лице жандарма — государство, — заявил он. И послал обоих в город Байе предупредить население о своем прибытии.

Де Голлю не терпелось попасть в Бретань, где летом 1940 года скончалась его мать, успев услышать по радио обращение сына к французской нации и сказать: "Так и должно быть, я узнаю Шарля, это именно то, что он должен делать".

Бретань еще была занята фашистами, и посещение могилы матери пришлось отложить. Но он не мог и не хотел откладывать утверждение за собой права вести французов к полному освобождению.

И вот сейчас этот исключительно своеобразный человек, державший в руках национальное знамя попранной врагом, но не павшей перед ним на колени Франции, прибыл в Москву как представитель ее свободолюбивого народа.

Две недели, пока готовились переговоры, Шарль де Голль знакомился с Москвой, о удовольствием смотрел балет, посещал заводы, институты. Но самое сильное впечатление произвел на него прием в одной из воинских частей.

— Да, узнаю, это она — вечная русская армия! — воскликнул восторженно.

Он таки действительно узнавал нашу армию. Мало кому было известно, что в первую мировую войну де Голль почти три года пробыл в немецком плену вместе с будущим советским маршалом Тухачевским, который проявил исключительную твердость духа, силу воли, непоколебимую веру в победу русского оружия. Он-то и научил Шарля более-менее сносно изъясняться на своем языке.

Потом, в 1919-1921 годах, у де Голля была возможность убедиться в блестящих достоинствах советского бойца, когда в качестве наемного офицера он сражался против Красной Армии в рядах белополяков на Волыни и под Варшавой.

Обо всем этом вспомнил де Голль в Москве, не переставая удивляться причудливости жизненных коллизий и тому, как иной раз скрещиваются, пересекаются пути-дороги людей. Он с гордостью подумал о полке "Нормандия — Неман". Де Голлю очень хотелось побывать в своем полку, лично посмотреть, как он устроен, как живет и сражается. Такая поездка на аэродром Антонове была запланирована. Уже был приготовлен специальный поезд, но в последнюю минуту Сталин выразил мнение, что лучше доставить полк в Москву и здесь вручить летчикам награды. Кроме того, он изъявил желание устроить прием в честь генерала де Голля и командира полка "Нормандия — Неман".

Чего угодно могли ожидать французские летчики, но только не такого поворота дела. 8 декабря, счастливые довольные, они, как говорится, с корабля на бал прибыли в Москву. В тот же вечер в Краснознаменном зале Центрального Дома Красной Армии главнокомандующий Советских ВВС Александр Александрович Новиков вручил двадцати пяти летчикам полка высокие награды Советского Союза. Их удостоены Пуйяд, Дельфино, Лоран, Риссо, Матрас, Шалль, де Жоффри, Фару, Сент-Фалль, Дешане, Муане... Под конец он прочитал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 ноября 1944 года, которым Марселю Альберу и Ролану де ля Пуапу было присвоено звание Героя Советского Союза.

Зал то и дело взрывался аплодисментами. Рукоплескания гремели все время, пока маршал прикреплял ордена Ленина и Золотые Звезды к темно-синим летным курткам героев. Овация сопровождала их до кресел и потом еще долго продолжалась.

Утро следующего дня принесло подобную торжественную церемонию, но уже во французском посольстве, где лично генерал Шарль де Голль — необыкновенно высокий, прямой, с величественными жестами и низким, звучно вибрирующим голосом — вручил награды своей родине французам и русским. Орден Почетного легиона получили из его рук генералы Левандович и Захаров, начальник штаба полка майор Вдовин, старший инженер

капитан Агавельян. Глава Временного правительства Французской Республики наградил полковника Голубова Большим военным крестом. Грудь многих представителей полка "Нормандия — Неман", в том числе и механиков, украсили ордена Военного креста, медали. Среди награжденных были и врачи военного госпиталя — Петровский, Караванов, Розенблум, вернувшие в строй немало летчиков полка "Нормандия — Неман".

К полковому знамени де Голль прикрепил Крест Освобождения, которого удостоились также Пуйяд, Альбер, де ля Пуап и Риссо. Затем де Голль на первой странице маршевого журнала сделал запись: "На русской земле, истерзанной врагом так же, как и французская, полк "Нормандия — Неман" подхватил и приумножил славу Франции".

В заключение генерал де Голль произнес темпераментную, яркую речь, которую летчики слушали, затаив дыхание.

Вечером в составе французской делегации полковник Пьер Пуйяд был приглашен на прием в Кремль. По монументальной лестнице, покрытой толстым красным ковром, поднялись на второй этаж. Прошли бывшие апартаменты русских царей, зал заседаний Верховного Совета и, наконец, попали в залитый светом церемониальный зал, где уже находились члены правительства и видные военачальники Советского Союза.

Сталин не заставил себя ждать. Одетый в скромный френч бежевого цвета, с Золотой Звездой Героя Социалистического Труда, среднего роста, плотный, он вышел уверенной походкой. Пуйяд с удивлением отметил, что, в отличие от портретов, на которых советский лидер изображался с черными усами и шевелюрой, он был почти совершенно седой.

Сталин обменялся рукопожатием с де Голлем, который представил ему Пуйяда и Бидо. Золото, хрусталь, мраморные колонны, блистая и переливаясь тысячами огней, придавали всему необыкновенную торжественность, рождали чувство приобщения к ее величеству Истории.

Сталин занял место в центре. Справа от него — генерал де Голль, слева — посол США в СССР Гарриман, Бидо, временный поверенный в делах Великобритании в СССР Бэлфор. Далее с французской стороны были генерал Жуэн, посол Франции в СССР Гарро, члены делегации де Шарбонье, Дежан, Палевски, де Розье и офицер для особых поручений де Голля, давнишний товарищ Пуйяда полковник де Ранкур. С советской стороны — члены правительства, Маршалы Советского Союза, Генеральный авиаконструктор генерал-полковник авиации Яковлев.

Начался официальный ужин.

Очередной тост Сталин поднял за полковника Пуйяда и, взглянув на него, поднял бокал. Пьер встал и твердой походкой, держа в руке наполненный бокал, подошел к Сталину, который поднялся ему навстречу.

— Вот, — сказал он, обращаясь ко всем сразу, — настоящий герой Франции...

Что говорил Сталин дальше, Пуйяд совершенно не мог потом вспомнить, потому что от невероятного волнения потерял способность что-либо воспринимать. Пришел в себя лишь тогда, когда Сталин предложил выпить за новые победы полка "Нормандия — Неман". Глядя друг на друга, осушили бокалы, и Пьер, под рукоплескания всех присутствующих, вернулся на свое место.

— Господин полковник, — обратился к нему, улыбаясь, один из маршалов, — вы, пожалуй, первый иностранец, удостоившийся такой высокой чести.

Постепенно все разговорились, начали вставать из-за стола, разбиваться по группкам. Сталин и де Голль что-то обсуждали.

Пуйяд подошел к Яковлеву. Он давно ждал случая, чтобы встретиться с этим талантливым авиаконструктором, высказать ему глубокую благодарность за прекрасные самолеты, особенно — за Як-3. Яковлеву в свою очередь не терпелось услышать из уст иностранца оценку своим детищам. Александр Сергеевич с одобрением отозвался о французских летчиках. Оказывается, он был сам свидетелем тому, как под Смоленском Альбер Дюран спас летчика 18-го гвардейского полка Анатолия Пинчука, выбросившегося с

парашютом. Немец хотел расстрелять его в воздухе. Но сам погиб от меткой очереди Дюрана.

— Долго вы работали над Як-3? — спросил Пуйяд.

— С сорок второго года. Была поставлена задача создать истребитель, который бы превосходил все немецкие. Это значило — быть ему самым легким, скоростным, маневренным и лучше вооруженным.

— Да, задача — не позавидуешь. У нас о таком идеальном самолете мечтал Литольф. Как же выполняли этот заказ?

— Такой же вопрос задал мне в следующем году и Сталин, когда я доложил о создании опытного образца Як-три.

— И что вы ответили?

— Деревянные лонжероны заменили дюралюминиевыми, переконструировали водяной и масляный радиаторы, фонарь, убрали хвостовое колесо — выиграли триста килограммов веса. Сталин тут же задал вопрос: "А скорость?" Отвечаю: "Семьсот километров". Он снова: "Вы что, заменили мотор?" — "Нет, мотор серийный".

— Что же дальше?

— Он спросил: "Значит, нет ничего невозможного?" Мне только оставалось согласиться с этим. Действительно, трудно, пожалуй, невозможно достичь предела в совершенствовании техники.

Тем временем Сталин и де Голль прохаживались по валу. Увидев беседующих Пуйяда и Яковлева, подошли.

— Что вы скажете, полковник, об истребителе Як-три? — спросил Сталин.

— Мои пилоты летали на американских и английских машинах. Но лучше Як-три они ничего не знают.

— Не надо так громко, — хитро прищурился Сталин. — Гарриман и Бэлфор услышат — обидятся.

Через несколько часов после окончания приема был подписан договор о союзе и взаимной помощи между Советским Союзом и Французской Республикой.

Пуйяд понимал, что волею судьбы явился свидетелем рождения важного дипломатического акта, знаменующего независимость Франции и ее возвращение в ранг великой державы.

10 декабря де Голль, попрощавшись с Пуйядом, Захаровым и пожелав им новых удач на фронте, поездом убыл с сопровождающими лицами на Кавказ, чтобы оттуда перелететь во Францию. С ними отправился и Мишель Шик, которого взял переводчиком на время переговоров генерал Жуэн, да так и оставил при себе. Шик уехал, украшенный орденами Почетного легиона, Военного креста, Красной Звезды, медалью Сопротивления. А в полк направлялись прибывшие с делегацией Морис Ромер — в качестве секретаря и Жорж де Фрид — в качестве переводчика.

Пуйяд вернулся к летчикам полка вместе с генералом Захаровым. Он намеревался рассказать о пережитой им удивительной ночи, но Георгий Нефедович опередил:

— Постройте полк, у меня есть экстренное сообщение.

Через несколько минут в зале разнесся его властный выразительный баритон:

— Возвращаемся в Восточную Пруссию шестнадцатого декабря. Все получают несколько дней отдыха. Тем, кто сражался в рядах "Свободной Франции" с тысяча девятьсот сорокового года, а также участникам первой и второй кампании на нашем фронте предоставляется месячный отпуск во Францию. Кое-кто покидает нас по состоянию здоровья и другим причинам. В полку временно будет организовано три эскадрильи по двенадцать человек во главе с офицерами Матрасом, Шаллем, де Сент-Марсо. Командование полком поручается майору Дельфино...

Вечером весь полк смотрел "Спящую красавицу". Весь, кроме Альбера, де ля Пуапа, Риссо и Лорана, которых, как самых старых друзей, пригласила на прощальный ужин Люсетт Моро. Из женщин были Жинетт, Люсиль Гийе — секретарь месье Гарро и... тулячка

Рита. Все они были в нарядных вечерних платьях, которые Люси и Жижи сшили из первого попавшегося материала буквально за ночь.

— Настоящие француженки! — сказал по этому поводу Жозеф Риссо. — Дайте мешок из-под картошки, и они сделают из него подвенечное платье.

Марсель Альбер, смеясь, спросил:

— Всю ночь готовились к помолвке? А мы — в свидетели?

Александр и Рита, не отходившие друг от друга, слегка смутились, но тут же взяли себя в руки.

— Мы уже давно помолвлены, — ответил Лоран.

— Тогда сыграем свадьбу! — обрадовался де ля Пуап.

— Не будем упреждать события, — вмешалась Рита. — Сегодня мы должны отпраздновать ваши награды, Золотые Звезды, ваш отпуск.

Она по-прежнему не соглашалась на замужество раньше окончания войны. Об этом все знали и к этой теме больше не возвращались.

Но весело было и без свадьбы.

В отпуск отправились небольшими группами через Иран, Египет, Алжир. Ив Фару, Пьер Жаннель, Жак де Сент-Фалль, Ив Мурье, Морис Амарже, Леон Кюффо, Ив Карбон, Жан Соваж, Эммануэль Бриэй, Андре Муа-не, Шарль Монье, Жорж Лебединский и Жан де Панж, как и все остальные, убывали в полной уверенности, что они вернутся в свой родной полк и совершат еще не один подвиг, но встретиться им со своими боевыми друзьями придется лишь после войны в Париже.

Последним покинул Россию, как и положено командиру, Пьер Пуйяд. Он проводил своих товарищей в Пруссию, долго-долго с грустью смотрел вслед удалявшимся красным огонькам поезда, увозившего его полк навстречу новым испытаниям.

18 месяцев командовал он "Нормандией — Неманом". Много было побед и потерь. Но достигнуто главное — завоеваны дружба и уважение великого советского народа, который, безусловно, будет всегда помнить небольшую группу французов, пришедших, чтобы вместе сражаться, не щадя крови и самой жизни, на его земле за свободу и своего отечества.

Именно это сказал Морис Торез, с которым встретился Пуйяд во французской военной миссии. В этих словах был заключен весь смысл существования полка "Нормандия — Неман", достойно завершившего вторую кампанию на советско-германском фронте.

О, ПАРИЖ, МОЙ ПАРИЖ!..

35 "нормандцев" во главе с майором Луи Дельфино возвращались в Восточную Пруссию. Все уже воочию убедились, что их новый командир полка — мужественный воздушный боец. Главное его умение — мгновенно оценивать складывающуюся обстановку и так же быстро принимать правильные решения. Для летчиков-истребителей это исключительно важно, для их командира — важно тем более.

Кроме того, Луи отличался безукоризненным внешним видом, был исполнительным и дисциплинированным офицером. Ему никогда не нужно было дважды повторять что-либо: все понимал с полуслова, схватывал, как говорится, на лету. Исключительно требовательный к себе, Дельфино не давал поблажек и подчиненным.

Пьер Пуйяд, отбывая в отпуск, мог быть совершенно спокоен. В конце января он собирался снова приступить к служебным обязанностям, будучи уверенным, что к тому времени "нормандцы" умножат свои победы.

Так оно и было: количество сбитых вражеских самолетов возрастало с каждым днем. Но Пьеру Пуйяду водить в бой своих орлов больше не довелось: в Париже объявили, чтобы он готовился возглавить авиационную дивизию "Франция", формируемую в Туле. Это воинское соединение должно было состоять из двух истребительных и одного бомбардировочного полков. Наконец-то переговоры между Лондоном, Алжиром и Москвой, которые велись с конца 1943 года, привели к конкретным результатам.

Многих из прибывших с Пуйядом в отпуск тоже назначили на новые должности в создаваемой дивизии, в их числе оказались Марсель Альбер, Ролан де ля Пу-ап и Жозеф Риссо.

Пьер, посетив своих родителей, вволю надышался целебным воздухом родины и уже с нетерпением ждал конца отпуска, чтобы отбыть в часть. Но и это ему не было суждено: когда ехал утрясать последние вопросы в министерстве авиации, попал в автомобильную катастрофу. Пришел в себя в госпитале Валь-де-грас в довольно плачевном состоянии.

В это время Луи Дельфино перебазировал полк в Гросс-Кальвеген — аккуратное, благоустроенное, но пустынное немецкое селение. Именно отсюда и предстояло начаться третьей, сравнительно недолгой, но очень ожесточенной кампании полка "Нормандия-Неман" на советско-германском фронте.

Тут Дельфино организовал тренировочные полеты новичков на Як-3. Но слишком коротким был световой день — с девяти до шестнадцати часов. Чем убивать остальное время? Сперва каждый вечер крутили переданный из Каира документальный фильм об освобождении Парижа. Потом увлеклись покером. Однажды Леон Углофф подстрелил зайца, и вся его эскадрилья занялась охотой. Другое подразделение приспособилось добывать из-под льда рыбу. Третье, помня трагедию Монсо, со всеми предосторожностями разыскивало в окрестных лесах немецкие склады с продовольственными запасами. А новички больше всего жаждали воздушных схваток, боевых приключений.

— Успеете нанюхаться пороха, — утешал Дельфино. — Это затишье перед бурей.

Он, конечно, не мог знать, как скоро грянет гром, но в том, что гроза вот-вот разразится, нисколько не сомневался.

И вдруг у союзников произошло событие, заставившее Ставку Верховного Главнокомандования Красной Армии внести большие коррективы в ранее разработанные планы. 16 декабря немецко-фашистское командование, пытаясь склонить США и Англию к сепаратному миру, нанесло им тяжелый удар в Арденнах. Черчилль обратился к Сталину за помощью. Верное союзническим обязательствам, Советское правительство дало войскам указание ускорить подготовку к наступлению.

Ничего этого не знали в полку "Нормандия — Неман", но догадывались, что не зря их 303-ю дивизию усилили 9-м гвардейским истребительным полком, который разместился на соседнем аэродроме.

Дельфино сразу же послал туда для установления связи Игоря Эйхенбаума.

— Представься, расскажи о нас, посмотри, что из себя представляет этот полк, — напутствовал он.

Переводчик вернулся, не совсем уверенно держась на ногах.

— Приглашают всех отужинать с ними.

— Вы, я вижу, уже попотчевались.

— Так, самую малость... за знакомство.

— Ну, что там увидели?

— Золотые звезды, одни золотые звезды.

— Вы что, господин аспирант, совсем спятили? Отвечайте по существу.

— Почти тридцать золотых звезд, — гнул свое Эйхенбаум.

— Идите проспитесь, потом расскажете.

— Да нет же, послушайте, мой майор, там больше двадцати Героев Советского Союза, а четверо из них имеют по две Золотые Звезды.

— Вам не померещилось?

— Сам командир, майор Лавриненков, а еще капитаны Алелюхин, Головачев, Амет-хан Султан — дважды Герои. Все отличные люди, еле вырвался от них. Поехали ужинать к ним.

— Вам, кажется, уже достаточно.

— А кто будет переводить? Жорж де Фрид ведь ангину подхватил.

Дельфино захватил с собой и Франсуа де Жоффра. По дороге соображал: сначала немцы бросили сюда эскадрилью "Мельдерс", теперь русские прислали полк героев-асов, но это только то, что мы знаем. С обеих сторон концентрируются отборные силы. Следовательно, предстоит грандиозное сражение. И нам выпадет честь в нем участвовать.

9-й гвардейский еще основательно не устроился, но гостям был безмерно рад. Дельфино сразу же повели на аэродром — осматривать новенькие Ла-7. Луи несколько раз обошел вокруг самолета, потрогал элероны, винт, заглянул в ниши стоек шасси.

— Тяжеловатый? — спросил.

— Нас устраивает, — ответил Головачев.

— По сравнению с нашим "яком", — сказал де Жоффри, — ваш "лавочкин" топорно выглядит.

— Зачем так сказал, зачем такое говоришь? — завелся горячий Амет-хан Султан. — Наш самолет легкий, как перышко, и силен, как лев!

— Так мы ни к чему не придем, — вмешался рассудительный Алелюхин. — Давайте перенесем этот спор в воздух.

— Верно! — подхватил Амет-хан Султан. — Пусть командиры устроят состязание. И все решится.

Тут же договорились: завтра пары Дельфино — де Жоффри и Лавриненков — Плотников устроят показательный воздушный "бой".

Авиационный народ — решительный: меньше слов, больше дела.

Утро принесло пасмурную погоду. Однако она не помешала Дельфино и де Жоффри появиться в условленное время над аэродромом героев-гвардейцев.

Желающие поглазеть на необычное состязание облепили края летного поля.

— Почему мешкают наши?

— Что-то не ладится у Плотникова.

— Смотрите, смотрите, Лавриненков взлетает один! Это было не по условиям игры, но, что поделаешь, если у ведомого закапризничал двигатель? Дельфино этого не знал и решил: тут кроется какой-то замысел.

На всякий случай он приказал ведомому стать в сторонке в круг, зорко наблюдать за всем происходящим и вязать своего "противника" боем, если тот появится.

20 минут в небе нутужно ревели двигатели. Дельфино и Лавриненков выжимали из машин все возможное. Это была воздушная акробатика высшего класса. Два летчика, еще вчера незнакомые, убеждались в том, что и они, и их самолеты стоят друг друга. Никто никому ни

в чем не уступал. Многочисленные самозванные судьи на земле не могли отдать предпочтение кому-то из них.

Приземлились вместе. Оба вышли из машин мокрые. Авиаспециалисты по вооружению извлекли кассеты фотопулеметов. Через четверть часа дешифраторы доложили:

— Майор Дельфино "подбил" майора Лавриненкова на вираже, а сам попал под огонь "неприятеля" при выходе из пикирования.

— Итак, друзья, нет ни топоров, ни перьев, — сделал окончательный вывод Луи, — есть два отличных истребителя. Мне бы самому хотелось попробовать Ла-семь.

— Можно устроить еще одно состязание, поменяв летчиков на машинах, — снова блеснул агатовыми глазами Амет-хан.

— Неплохая идея, — поддержал де Жоффр. Амет-хан Султан и Франсуа де Жоффр — темпераментные, легко увлекающиеся всем новым летчики — сразу приглянулись друг другу, быстро нашли общий язык. Этому можно было только радоваться — на земле закладывались прочные узы боевой дружбы в воздухе.

Новый 1945 год "нормандцы" и гвардейцы 9-го полка встречали вместе. Веселье было в разгаре, когда на пороге появился задержавшийся по службе Амет-хан. Дельфино, успевший проникнуться к нему любовью, решил по всем правилам представить гостя своим пилотам. Усадил слева от себя, ему подали все лучшее, что было на столе.

— Наш друг, — начал Дельфино, — дважды Герой Советского Союза, мастер высшего пилотажа, лучший снайпер полка, сбил более тридцати самолетов, таранил врага над Ярославлем.

Амет-хан не любил слушать похвалы в свой адрес, он ежился, втягивал голову в плечи, краснел, бледнел, а потом вдруг сердито проговорил:

— Ешь, мой халат, ешь.

Дельфино услышал эту фразу, но, не поняв ее значения, перешел к тосту: предложил выпить за здоровье доблестного летчика.

Как только все опрокинули рюмки, он спросил:

— Амет-хан, при чем тут халат, когда на столе разных яств предостаточно?

— Интересно? Могу рассказать.

— Пожалуйста, погромче — для всех.

— Хорошо, слушайте. Известный туркменский сатирик Кемине пришел на свадьбу в драном халате. Его усадили у порога, не дали угощения. В другой раз он надел дорогой халат — пригласили в красный угол, стали лестно говорить о нем. Тогда Кемине принялся размазывать еду по халату, приговаривая: "Ешь, мой халат, ешь! Видишь, какое почтение оказывают тебе?"

Эйхенбаум еще переводил сказанное Амет-ханом, а по залу уже катилась волна смеха. Французы — тонкие ценители юмора: им не нужно разжевывать смысл изречения.

Смех смехом, а за праздничным столом "нормандцы" и гости никогда больше не говорили о заслугах друг друга.

В новогоднюю ночь до утра звучали "Марсельеза", "Катюша" и прекрасно исполняемая штурманом дивизии майором Серегиным под собственный аккомпанемент на аккордеоне "Татьяна, помнишь дни золотые".

То, чем жили все последние дни, началось 13 января. В 9.00 тысячи орудий и минометов ударили по укреплениям врага. Целых два часа над его позициями бушевал огненный ураган.

Земля дрожала даже под ногами французов, находившихся в двадцати километрах от линии фронта.

У аспиранта Игоря Эйхенбаума лопнула барабанная перепонка. Это случилось потому, что Игорь находился непосредственно па НП артиллерийских батарей и батарей реактивных минометов — "катюш".

Накануне его вызвал генерал Захаров, приказал потеплее одеться и отправиться на передний край, откуда осуществлялось радионаведение самолетов на цели.

Эйхенбауму предоставили все лучшее: французскую штормовку, английские меховые куртку и штаны, русские толстенные унты на меху. Вручили также пистолет, автомат, планшет с необходимыми картами. Он захватил с собой флягу спирта.

От Мишеля (позывной Игоря) требовалось обеспечить передачу для полка "Нормандия — Неман" максимума информации о вражеской авиации. Она стекалась к нему по телефону с постов оповещения, разбросанных по фронту километров на двадцать. Кроме того, он мог получить команду от глубинной разведки обеспечить перехват группы самолетов противника, взлетевших где-то в его тылу.

Разумеется, подобную информацию по своим каналам получал и Дельфино. Однако штаб полка не был так близок к наземным советским войскам, не мог своевременно знать, что у них творится и в какой помощи они нуждаются.

13 января, когда в том была самая острая необходимость, ни одного самолето-вылета не состоялось. Летчиков накрепко прижал к земле густой, непроницаемый туман. Этот проклятый туман сыграл злую шутку с нашими штурмовыми группами. В 11.15, когда наступила мертвая тишина, они ринулись на вражеские позиции. Немцы, скрытые туманом, бешено отстреливались из всех блиндажей и окопов.

Траншеи, заваленные трупами и залитые кровью, без конца переходили из рук в руки. Лишь к вечеру нашим воинам удалось закрепиться на третьей линии обороны. А их было шесть.

Эйхенбаум, оглушенный канонадой, страдающий от боли в ухе, удрученный всем, что видел, не мог найти себе места. Он терзался от сознания собственного бессилия, от того, что во всей этой кутерьме для него не нашлось хоть какого-то мало-мальски стоящего дела. Нет погоды — он без работы.

Бои по взламыванию вражеской обороны продолжались.

Эйхенбаума сняли с НП, направили во 2-й Тацинский танковый корпус, с которым его полк взаимодействовал при форсировании Березины и Немана. Командир корпуса генерал Буркалин был краток:

— Полагаю, вы знаете свое дело. В одиннадцать ноль-ноль мои танки двинутся на прорыв линии фронта. Цель — Кенигсберг. Вот возьмите оперативную карту. В случае угрозы пленения — уничтожьте.

Игорь уже имел опыт наведения самолетов на цели с передовой линии. Но с танка, на ходу? Возникло много вопросов, только задавать их уже было некому — все занялись своими срочными делами.

"Хотя бы ветер поднялся, разогнал бы туман, низкие облака", — с тоской подумал Игорь. Природа как будто вняла его просьбам — к началу атаки наступило просветление.

Рев моторов и лязг гусениц возникли внезапно и как бы ниоткуда. Техника была так замаскирована под снегом, что никому и в голову не приходило, что здесь, на этом небольшом участке, находится целый танковый корпус.

Бронированная лавина рванулась вперед. За нею на радиомашине метнулся аспирант Эйхенбаум.

Случайный вражеский снаряд повредил ее. Пришлось пересаживаться на танк и, пользуясь его радиостанцией, настраиваться на нужную волну.

— Алло! Раяки! Я — Мишель. Квадрат четыреста сорок четыре — двести двадцать пять. Надо прикрыть наступление танков.

— Мишель! — раздался в ответ обрадованный голос Дельфино. — Ох и долго мы ждали твоего сигнала. Вылетаем!

Вызов пришелся в самый раз. В то время, когда наши танки сошлись в смертельной схватке с "тиграми" и "пантерами", над ними до сотни "яков" и "лавочкиных" сцепились в огненной карусели с "мессами" и "фоккерами".

Горели, взрывались, скрежетали земля и небо.

Игорю предложили пересесть на одну из машин, подвозивших снаряды. И только он покинул свой Т-34, тот напоролся на мину. От детонации взорвался боезапас, башня отлетела в сторону метров на тридцать ...

У Эйхенбаума не было времени даже на то, чтобы испытать чувство ужаса: справа заходила в бомбовую атаку стая "хейнкелей".

Фино — так сокращенно обращаются французы к своему новому командиру — связан боем с "мессами" и "фоккерами". Их столько же, сколько и "яков". Но кому-то надо спасать танкистов от бомб!

— Фино! Фино! Справа внизу — "хейнкели".

Дельфино не нужно растолковывать, что к чему. Понял: может произойти беда — удары "хейнкелей" ему хорошо известны.

— Матрас! Бери на себя истребителей. Остальные раяки — за мной!

Через пять минут Игорь, по его выражению, не знал, куда деваться: на землю один за другим валились вражеские самолеты. Они тут же взрывались, осыпая обломками и осколками наступающие танки.

Эйхенбаум заметил: появилась новая группа "мессеров" с желтыми полосами. "Мельдерс"! Настигает группу Дельфино.

— Фино! Я — Мишель. Берегись. Сзади — "мессы". Вдруг в эфирный хаос врывается бодрый, задорный голос Амет-хан Султана:

— Французы, бейте "хейнкелей"! Мы займемся "мельдерсами"!

Игорь с азартным интересом наблюдает за происходящим.

А происходит молниеносная, разящая атака.

Эйхенбаум, по номерам самолетов определяя их пилотов, только успевает загибать пальцы: "Лавриненков — сбил, Головачев — подбил, Амет-хан "сковырнул" двоих, Борисов - поджег. Ура-а-а! "Желтые" бегут, бегут!"

Радиопередатчик был включен.

— Мишель, спасибо за мастерский репортаж с места боя! — прозвучал голос Дельфино.

— Матрас, а Матрас, как дела?

— "Фоккеры" рассеяны.

В тот день войска 3-го Белорусского фронта прорвали вражескую оборону. Французы сбили восемь, гвардейцы 9-го истребительного авиационного полка десять самолетов противника.

К сожалению, "нормандцы" недосчитались Шарля Микеля.

Морис Робер занес его в длинный список пропавших без вести,

Теперь на Робера была возложена обязанность записывать личными вещами не вернувшихся с задания. Он произвел тщательную опись всего, что осталось у Шарля, сложил в мешок, готовился опломбировать его, чтобы с первой оказией отправить в военную миссию, когда подошел Дельфино.

— Не торопись. Может,ждемся...

Он надеялся на способности Эйхенбаума, которому лично поручил разыскивать следы тех, чьи койки оставались пустыми.

Игорь принялся опрашивать пехотинцев, местных жителей, военнопленных. Находились очевидцы падения самолетов. Но речь шла большей частью о немецких, реже-о советских, а вот с трехцветным коком видеть никому не приходилось.

Каким тяжелым ни был день, с наступлением ночи сон не сразу всех сваливал с ног. У каждого пилота накопилось много впечатлений, переживаний, просившихся наружу.

-Я веду огонь, - рассказывает Матрас, - и вдруг чувствую: "як" самовольно опускает нос. Что за чертовщина? Оказывается, заглох мотор. Осмотрелся, нет ни дыма, ни огня. Пробую подкачать бензин ручной помпой. А тут "фоккер", которого я преследовал, разворачивается, пристраивается в хвост. Что делать? Уже включил передатчик, чтобы предупредить о нависшей надо мной угрозе. И тут мотор заработал. Я свечой вверх — перебои. Стал одной

рукой качать насос, а второй заводить "як" в атаку. Вот как пришлось добивать зверя. Это стоило вот чего. — Матрас показал ладонь левой руки, на которой кровоточила мозоль.

Каждому слову комэска внимают его летчики — сдержанный Панверн, молчаливый Шалль-младший, недюжинной силы Монье, виртуоз пилотажа де Жоффри, беспокойный Пьеро, решительный Ла Мартело... То, что случилось с Матрасом, могло произойти с любым из них. Каждый думает: "Сумел бы я выкрутиться из такой ситуации да еще одержать победу?"

Пилоты знали, что их командир еще в мае 1940 года был сбит бошами над Парижем, знали, сколько невероятных лишений и невзгод пришлось испытать ему, пробираясь через Испанию и Африку в Советский Союз. Теперь он мстил за свою родину, за все свои страдания. Мстил мужественно, беспощадно.

Чуть брезживший рассвет обещал хорошую погоду, и значит, и напряженную работу.

За несколько дней фронт намного продвинулся вперед. Командиру полка приходилось думать о новом перебазировании.

— Гастон де Сент-Марсо! Вместе с Перрепом отправляйтесь на разведку. Ваша задача — найти невдалеке от переднего края более или менее подходящую посадочную площадку.

— Слушаюсь, мой майор!

— Рене Шалль, Пьер Матрас, наша задача прежняя — прикрытие советских войск, устремившихся к Кенигсбергу. Вылет — по сигналу Мишеля.

А Игорь-Мишель в это время вел разговор с танкистами.

— Вот из того леска бьют нам в борта пушки. Вызови пикировщиков. Да поскорее!

— У меня нет с ними связи, их наводит кто-то другой.

— Да как же так? Ты — представитель авиации, выручай, а то по-другому будем говорить.

Как быть? Як-3 мало пригоден для штурмовок. У Дельфино нет связи с полками Пе-2. Через штаб дивизии — долго. А, будь что будет!

— Фино! Я — Мишель. Надо подавить немецкую батарею, — дальше Эйхенбаум назвал квадрат. Недолгое молчание. Потом вопрос:

— Очень нужно?

— Из-за нее все стопорится.

— Вылетаем!

Пушки продолжали выплескивать вспышки залпов, выводя из строя то один, то другой Т-34.

Но вот в небе появились "яки". Две эскадрильи. От них отделилось несколько пар: ушли на высоту для прикрытия. Остальные выстроились левым пеленгом и, полого пикируя, устремились к леску. Снаряды накрыли батарею. Усилили эффект рвущиеся ящики с боезапасом противника: будто игрушечные, "подпрыгивали", переворачивались пушки, с корнем вырванные деревья.

Танкам путь открыт!

Дельфино окинул взглядом строй — все на месте. Всегда бы так. А что за точки виднеются на горизонте? Опять появляется до сотни бомбардировщиков в сопровождении "мессов".

— Гидо, от меня — ни шагу. Стрелять с дистанции не более ста метров, — передал Дельфино своему ведомому.

— Понял.

Гидо твердо решил держаться за командиром до последнего. Но быть с Луи в бою и не оторваться от него — для этого требовалось особое мастерство и немалая "притирка" друг к другу в совместных полетах. А Морис вылетел в паре с ним впервые. Поэтому выполнить приказ не смог. Оставшись один, ведомый в первую минуту растерялся, стал беспорядочно тыкаться туда-сюда, не в состоянии сориентироваться.

Его однажды уже сбивали. В октябре. Вражеские зенитки. Делал вынужденную посадку. И больше не хотел переживать такое.

Если бы в этой гуще найти командира, снова пристроиться к нему! Но вместо Дельфино перед глазами близко, хоть рукой пощупай, проплывает "месс" с желтой полосой. За остеклением фонаря Морис четко видит квадратное лицо с широкими летными очками на глазах, в злобе оскаленные зубы и поднятый вверх кулак в черной перчатке.

Вдоль желтой полосы на фюзеляже нарисованы кресты — свидетельства многих побед.

Наверняка этот зубр уже убежден, что сейчас у него появится основание еще для одного креста.

Морис бросил взгляд назад — а там еще два "мессера". Тогда, собравшись с духом, он дает полный газ и резко бросает свой истребитель на увенчанного лаврами "мельдеса". Тот в последнее мгновение взмывает ввысь. Но раздается какой-то треск, что-то вспыхивает над головой, а лихорадочно затрясшийся "як" начинает терять высоту.

— Ноль шестой! Гидо! — слышится в наушниках властный голос Дельфино, — Выходи из боя! Выходи из боя!

Командир вовремя подоспел па выручку ведомому. Зажатый тремя "мессами", он вряд ли смог бы уцелеть. Его "як" чиркнул винтом по бронированному днищу "желтого", но это ничего не изменило бы, не всади Луи в немца хорошую порцию снарядов.

Посадка. Отчаянно жестикулируя, яростно крича, Дельфино торопится к Морису. С его языка срываются слова, способные кого угодно покоробить.

— Ну, Бидо, — припоминая, как министр иностранных дел Франции при знакомстве с "нормандцами", не расслышав, принял Гидо за своего однофамильца, — ну, Бидо, если и впредь будете так прикрывать меня, оба досрочно отправимся к праотцам! А я покамест этого совсем не желаю...

Гастон де Сент-Марсо и Перрен, вернувшиеся с разведки с одной победой на двоих — сбили ФВ-190, — доложили, что полк можно посадить в Допинене, расположенном в восьми километрах от линии фронта.

Когда начали перелет, Дельфино обратил внимание на некое художество, появившееся на капоте "яка" Гидо: веселый простак лихо размахивает прашой.

Дельфино не любил подобных украшений на технике, хотел приказать смыть рисунок, потом, озабоченный более важным делом, махнул рукой. А напрасно.

Во время перелета началась оттепель. У Гидо во время взлета радиатор залепило грязью. Мотор перегрелся. Пришлось садиться у какого-то населенного пункта. Сразу же попал в руки пехотинцев. Те осмотрели самолет отовсюду и... арестовали Гидо.

— Немецкий разведчик, — решили твердо.

— Да почему же? — запротестовал Морис. Под русского парня замаскировал машину, а под кабиной — кресты.

— Какие кресты?

— Он еще спрашивает! Черные! Все усложнилось мизерными познаниями Гидо в русском языке.

— "Нормандия — Неман", Франция, смерть фашистам, — лепетал он, показывая на свою форму одежды, знаки отличия.

Но что непосвященные могли определить по ним?

Сделаем разъяснение. Морису достался самолет Жака Казанова, погибшего в октябре на другой машине — в то время его "як" ремонтировался. У Казанова было на личном счету несколько сбитых гитлеровцев, по числу их пилот велел механику нарисовать кресты. Но кресты были своеобразной формы — лотарингские!

А самое большое подозрение у старшины вызвало отсутствие у Мориса какого-либо удостоверения личности — его просто не успели выдать.

— Ишь, прашой размахивает! Знает, куда метать и в кого. Руки назад! Шагом марш впереди меня!

Гидо передавали по инстанциям, все больше и больше раздувая легенду о нем, как о пойманном немецком разведчике. А кончилось все тем, что Захаров связался с Дельфино.

— У кого из ваших на капоте самолета был нарисован пращеметатель?

— У Мориса Гидо, а что, он живой?

— Жив, бес ему в ребро, все штабы переполошил. Мориса привезли на белом трофейном "мерседесе".

— Ну, Бидо! — снова взъярился Дельфино. — Вы меня доведете! Отправлю вас в Африку. Тут Кенигсберг штурмуем, ни сна, ни отдыха не знаем, а он... Смыть эту дребедень! Немедленно!

Прозвище "працетметатель" будто прилипло к Морису. И он стремился хоть как-то оправдать себя в настоящем деле. Наконец, это стало ему удаваться. Сначала "фоккер", потом "месс" рухнули от его очередей.

Сегодня дежурит эскадрилья Рене Шалля.

Чуть свет от Мишеля поступил сигнал: у Гумбинена появились "фокке-вульфы". Рене решает взлетать только двумя парами. Но у его ведомого забарахлил мотор. К командиру присоединились только Марки и Ирибарн. Это великолепная пара, отличные, безупречные, скромные парни, на которых можно было всегда положиться. Именно они преподнесли полку прекрасный новогодний подарок — 30 декабря "распечатали" третью сотню вражеских самолетов, сбитых полком. Тогда они ходили именинниками. Да и потом удача не обходила их: Марки вогнал в землю десять фашистов, Ирибарн — семь.

Эйхенбаум не ошибся: действительно к северо-востоку от Гумбинена сквозь завесу зенитного огня к нашим передовым частям пробивались 15 "фоккеров".

— Атакуем! — командует Рене.

С малой дистанции, почти в упор, он расстреливает "фоккера". В прицел "просится" еще один. Но надо выручать Марки — по нему открыл огонь фашист. Рене повернул, дал длинную отсекающую трассу, враг, спасаясь, поспешно вошел в крутой вираж.

"Нет, не уйдешь", — решает Шалль. Но, крутнув головой, увидел сзади, метрах в шестистах, еще самолет противника. Его пилот был в неудобном положении для ведения огня. Это успокоило комэска, продолжавшего преследование. Палец его лег на кнопку огня, когда в кабине ярко вспыхнул огонь и раздался взрыв, от которого вдребезги разлетелся фонарь. Левая рука летчика бессильно повисла на секторе "газа". Машина сама по себе, выписывая полубочку, идет на снижение. Вот она уже почти над черепичными крышами домов. Но в последнюю секунду перед катастрофой "як" выравнивается — Шалль пришел в сознание.

Трассы "фоккера" непрерывно сопровождают его. По личному опыту Рене знает: главное сейчас — идти над самой землей, постоянно меняя курс.

Настырный ФВ-190 не отстает. Жаждет крови. И достиг бы своего, да только верные друзья Марки и Ирибарн, разделившись со своими противниками, ринулись на помощь. Они расстреляли гитлеровца, помогли командиру прийти на аэродром. Но после посадки Шалль сам выйти из кабины был уже не в состоянии. Механики, удивленные тем, что из самолета никто не выходит, помчались к нему. Прибежал и Агавельян.

Не приходящего в чувство командира эскадрильи бережно перенесли на командный пункт. Поблизости не оказалось ни одного санитаря. Сергей Давидович быстро разыскал медицинскую сумку, сделал Шаллю укол камфоры, перевязал ему раны.

— Как там наши? — был первый вопрос Рене, наконец открывшего глаза.

— Марки, Ирибарн, Соваж и Шаррас сбили по немецкому самолету. Не вернулся Жан Пикено.

— Что теперь будет со мной?

— Срочно отправим вас в полевой госпиталь. Через неделю-две вернетесь.

Рене Шалль заскрежетал зубами.

Он еще не так бы отреагировал, знай, что в полку его больше не дождутся.

Ранения оказались очень сложными, лечение — затяжным. Шалль нервничал, рвался в полк, но его, теперь уже вместе с Шарлем Ревершоном, доставленным в полевой госпиталь забинтованным с головы до ног, отправили в Москву.

Ревершон, лежа на носилках, крепко держал в торчащем из-под покрывала кулаке игрушечного медвежонка.

— Не выпускает с аэродрома, — сказала сопровождавшая медсестра.

— Это мой амулет, подарок Люси, — прошептал запекшимися губами Шарль.

А потом, помолчав, безо всякой видимой связи, продолжил:

— Командир, а Ирибарн погиб. Вчера. Рене как током ударила эта весть. Талант молодого летчика-истребителя только начал раскрываться. Комэск возлагал на него большие надежды. Изменчивы бойцовское счастье, удача. Рене взглянул на Ревершона, на его амулет. И вспомнил, как неделю назад Ирибарн в поисках какой-то потерянной вещи перевернул вверх дном все в комнате, где жил с летчиками.

— Шарль, ты не знаешь, что пропало тогда у Робера?

— Такой же мишка от Люси...

"Теперь понятно, почему Ревершон вспомнил о Ирибарне, — подумал Шалль. — Он уверен, что именно этот медвежонок спас ему жизнь".

Из госпиталя лишившийся ноги Шарль Ревершон отправился в Лондон, Рене Шалль — во Францию. Последний увез что ни есть горчайшую весть для матери;

27 марта в неравном бою погиб младший брат Морис. После того как им был подбит русский самолет, Морис все время жаждал собственной кровью смыть вину. Он смыл ее вражьей, сразив десять пиратов-гитлеровцев.

Через Шталупинен и Гумбинен пролегали шоссейные и железнодорожные магистрали, ведущие к Кенигсбергу и его порту. По ним днем и ночью двигались автоколонны и эшелоны противника в обоих направлениях. Две недели шли бои за эти жизненно важные для врага коммуникационные узлы. И конечно же здесь хватало работы авиации.

Мартен во главе четверки вылетел сюда с заданием "очистить небо от фашистских самолетов".

Когда вошли в нужный сектор, Игорь-Мишель запросил по радио:

— Сообщите ваше местонахождение?

— Три километра к югу от Шталупинена.

— Отлично. Шесть "фоккеров" идут от Гумбинена.

— Понял. Движемся навстречу. Через секунду:

— Восемь "фокке-вульфов" идут от Гумбинена. "Так сколько же их — шесть или восемь?"

— спросил себя Рене Мартен. — Собственно, какое это имеет значение! Захаров говорит, повторяя Суворова: врагов не считают — их бьют".

Все же их оказалось восемь. Они перестраивались выше "нормандцев", готовясь ринуться в пике на наши траншеи.

Надо осмотреться, нет ли еще где вражеских машин. Батюшки! Сзади еще шесть "фоккеров" идут своим навстречу. Что за чудеса? Тактическая хитрость? До сих пор немцы — твердые приверженцы раз и навсегда установленной методики действий — не проявляли подобной гибкости. Что, жизнь заставляет? Извлекают уроки из горького опыта?

Как два поезда на параллельных рельсах, обе группы противника разминулись, едва не зацепив друг друга крыльями, и стали удаляться каждый в свою сторону. Что это значит? Почему они уходят? "Высота! — мелькнуло в голове Мартена. — Знают о слабости "яка"; выше пяти тысяч метров он хуже управляется. А, черт, как же я сразу не сообразил этого? Фашисты, имея большой запас горючего, дождутся, пока мы будем вынуждены уйти, а потом приступят к своему черному делу. Ну что ж, придется ответить на хитрость хитростью".

— Курс — на аэродром! — передал он ведомым. Те, недоумевая, развернулись и последовали за командиром.

Молча, на максимальной скорости шли минут десять. "Достаточно", — решил Мартен:

— Боевой разворот — на обратный курс!

Четыре истребителя, как привязанные друг к другу, круто взмыли вверх до предельно возможной высоты, там стали в горизонтальный полет и полным ходом устремились туда, откуда только что ушли.

"Фоккеры", уверенные в том, что перехитрили "яков" — теперь никто им не будет мешать, — сошлись, снизились, стали перестраиваться для нанесения бомбового удара.

Камнем с неба па них свалились "яки". Мартен, поджигая замыкавшего строй "фоккера", обратил внимание, что его противник отличается от тех, с которыми приходилось иметь дело до сих пор. Чем же? Ага, у него длиннее нос, что существенно меняет силуэт. Поставлен более мощный мотор. Зачем? Чтобы лучше вооружить. Сколько пушечных стволов торчит у него? Раз, два, три... шесть!

— Раяки! Будьте осторожны — "фоккеры" модернизированные, — передал своим.

А они уже по очереди в хвост и в гриву лупят стаю и вырывают из нее то одного, то другого хищника.

Замысел командира воплощался как нельзя лучше. Но вдруг увидел пикирующую на него шестерку "мессеров". Начали разворачиваться и "фоккеры". Немцы образовывали хорошо знакомые клещи, начисто лишаящие истребителей свободы маневра. Куда бы ни устремлялись "яки", повсюду свои хвосты подставляли под огонь. Шесть пушек у каждого ФВ-190 — трудно укрыться от них. Да и в лоб тут не возьмешь — это равносильно самоубийству.

— Раяки, все ко мне!

Блетон, Менью, Делен, почувствовав угрозу, быстро подтянулись к командиру.

— Правый полупереворот. Полный "газ". Все — в пике!

Этот малоизвестный прием Мартен испробовал еще в Африке на "спитфайрах".

Кажется, клещей удалось избежать. Но бой не окончен.

— Все — в вираж!

Рене буквально поставил "як" на дыбы, отчего он зарычал, как бы возмущенный грубым обращением с ним.

— Потерпи, милый, потерпи, — произнес Мартен, осматриваясь, оценивая обстановку.

Теперь можно снова навязывать свои условия. Мартен повел четверку на высоту, оттуда — в атаку на "мессеров". Все смешалось, спуталось. Рене остался один на один с двумя вражескими истребителями. Сражаясь с ними, следил за "фоккерами". Те, почувствовав безопасность, опять начали строить маневр для бомбометания.

— Менью, Делен, Блетон! — звал командир. Но никто не отзывался — случайная пуля угодила в передатчик.

Приемник работал. В нем раздался радостный возглас Менью:

— Браво, Делен, и этот сбит!

"Все это хорошо, — подумал Мартен, — но дело идет к развязке. У нас кончаются бензин и снаряды. Положение безнадежное".

Он всаживал в одного из "мессов" свою последнюю очередь, когда над ним промелькнул краснозвездный Ла-7. "Наверное, почудилось, — подумал Мартен, — откуда здесь взяться ему?" Но услышал в приемнике возбужденный голос Блетона:

— Русские! Группа Лавриненкова! Как всегда вовремя.

— Мартен, — донесся голос Игоря-Мишеля. — Фини приказывает выходить из боя. Он поднимает группу.

Игорь из-за дымки плохо видел, как разворачивались события, но по времени боя, да и по неравенству сил мог судить, в каком положении оказались его собраты. Именно с помощью Эйхенбаума через Дельфино и Захарова группа Ла-7 была переброшена на выручку французам из другого района действий. Продолжение боя дорого обошлось гитлеровцам — недосчитались еще семи самолетов.

Лишенный связи, Мартен вышел из боя, встал в круг, ожидая ведомых. Пришел Делен, за ним — Блетон.

Менью все нет. И нигде не видно его.

Надо уходить. Хотя бы хватило горючего. Уже приближались к аэродрому, когда в наушниках раздалось:

— Не двадцать пять! Не двадцать пять! Это что есть силы кричал капитан Луничкин. Он не знал французского языка. Обычно его распоряжения кто-то переводил. "Двадцать пять" означает "посадка разрешена". "Не двадцать пять" — видимо, садиться нельзя. А вдруг он что-то путает? Куда идти на последних каплях бензина? Ответить без передатчика не могу. Как поймут меня ведомые?" — думал Мартен.

— А черт вас побери, не двадцать пять, не двадцать пять! — снова загремел Луничкин и добавил несколько крепких русских слов.

Тут уже сомнения рассеялись — надо уходить на ближайшую точку. Но что там внизу произошло? Мартен присмотрелся — на аэродроме вспыхивают султаны взрывов. Артиллерийский обстрел! Вот те на! Хорошо, что еще хоть немного можно продержаться в воздухе.

Сели на запасную площадку с остановившимися винтами.

На основном аэродроме было повреждено несколько самолетов. Это уже не первый артобстрел по нему. Тут что-то нечисто. Начальник штаба майор Вдовин послал своего заместителя капитана Профателюка с группой солдат "прочесать" близлежащий лес. Они вернулись, ведя под конвоем переодетого в гражданское немца, имевшего при себе рацию для корректирования огня.

Дельфино понял, что здесь, в Восточной Пруссии, нужны особые меры предосторожности. Это прибавило забот: начали перекочевывать с места на место чуть ли не каждую неделю и всякий раз приходилось начинать все заново.

Вернулись разведчики — Дешане и Углофф.

Немцы бегут через пролив, — доложили они. Оттепель, лед ненадежный! — удивился Дельфино. Проложили дощатые переправы. Любопытно.

Рядом с "нормандцами" на аэродром Витенберг приземлился 139-й истребительный полк во главе с полковником Александром Петровцем. Быстро все перезнакомились, узнали, что командир еще в начале войны был сбит, взят в плен, бежал, проделав дыру в вагоне, партизанил, вернулся в полк.

— Надо же! — удивился тогда Дельфино. — У тебя почти такая же судьба, как у Лавриненкова.

А узнав от Дельфино, каким образом переправляются через пролив немцы, Петровец попросил:

— Надо моим ребятам ударить по переправам! Наши Як-девять больше приспособлены для этого.

Стартовала четверка во главе со старшим лейтенантом Долголевым. Пробившись сквозь завесу зенитного огня, они пулеметными и пушечными очередями прошли по переправе, а когда двинулись на второй заход, ведущий отвалил в сторону, стал снижаться: в самолет попал вражеский снаряд. Долголев садится на лед с убранным шасси. Пилот выскакивает из кабины, видит, что к нему отовсюду бегут гитлеровцы, и извлекает из кобуры пистолет. Ведомый лейтенант Михеев доложил Пет-ровцу о случившемся.

— Прикрыть Долголева, — последовал его приказ. — Не дать врагу возможности взять его в плен.

Комполка тут же послал к месту происшествия еще одно звено самолетов. Фашисты, несмотря на ураганный огонь с неба, приближались к советскому летчику.

У его ведомых кончается бензин. Они торопятся домой, чтобы тут же вернуться. Но уже без Михеева. Тот по разрешению Петровца пересел на По-2, на котором собрался снять со льда своего командира.

— Над заливом появились "желтые", — доложили летчики.

Александр Кузьмич звонят Дельфино:

— Луи, подними дежурное звено, прикрой моего По-2, нужно спасти Долголева.

— О чем разговор! Сделаем!

Дельфино поднял эскадрилью. Под ее эскортом Михеев благополучно приземлился возле машины Долголева, взял его на борт, доставил домой. А французы сцепились со старыми "знакомыми" — "мельдерсами".

"Нормандцам" давно хотелось захватить в свои руки хоть одного из них. Кажется, сейчас такая возможность представится. Четверка — Шаррас, Анри, Дешане, Блетон, плотным клином врезавшись в строй "мессов", отбила одного из них, зажала сверху, снизу, сзади и повела к своей территории. Остальные ринулись ему на выручку, но перед ними стеной встали французские и советские "яки", подоспевшие на помощь.

"Пленник" забился, как рыба в сети, бросался из стороны в сторону, чуть не врезался в Дешане и, не находя спасения, взвивался вверх, потом, теряя скорость, заваливался в штопор.

— Хитрая bestия! — говорит Шаррас. — Блетон, отруби ему крылья, а то уйдет у самой земли.

Из последнего пополнения Пьер Блетон считался лучшим стрелком. И на этот раз он подтвердил свою репутацию — превратил "месса" в щепки. Над летчиком раскрылся купол парашюта. Он садится прямо в распоряжение наших пехотинцев.

"Вот и поговорим", — подумал Шаррас.

На следующий день пленного по просьбе Дельфино доставили на аэродром. Он был щуплый, беловолосый, средних лет.

— Что интересного расскажете нам? — спросил комполка.

Переводил Жорж де Фрид, немного знавший немецкий.

— Мне нечего сказать.

— Сколько на вашем счету сбитых самолетов?

— Ни одного.

— Как же так? Ведь вы в отборной эскадрилье.

— Все сбитое мной принадлежит великому асу ему командиру барону фон Бренделю.

— Как это понимать?

— Все победы, почести и награды принадлежат тому, кого мы призваны защищать в бою.

— И вас это устраивает?

— Я — ведомый, тень своего командира, делаю все ради него.

— До каких же пор?

— Пока сам не стану командиром. Слушали это с удивлением. Нигде, кроме немецкой армии, такого не встретишь, А он, этот щуплый плюгавец, еще и гордится тем, что обеспечивал победы своему "великому асу".

Стало, наконец, проясняться, почему эскадрилья "Мельдерс" не оправдывает надежд Геринга. Если ведомые только защищают ведущего, если им ничего не перепадает от пирога славы, откуда же братья инициативе, дерзости, отваге?

После этого у французов снизился интерес к "желтым": отнесли их к разряду обычных "мессов".

Допрос немца подходил к концу, когда примчался запыхавшийся Ромер:

— Командир, пришла радиограмма. К нам летят генералы Пети, Захаров и Левандович.

— Прекрасная новость, Морис! Приготовь данные о нашей работе с января.

— Уже готовы, мой командир.

— Тем лучше. Передайте всем: пусть приведут себя в надлежащий вид. А то я видел сегодня в воздухе небритого.

— По тревоге поднимались, не успел...

— Сейчас должны все сделать.

Но что тут можно было успеть, если Ли-2 уже показался на горизонте.

А генералы приехали не смотреть устраивать — привезли награды. Полку вручили орден Красного Знамени;

Луи Дельфине, Рене Шаллю и еще семнадцати летчикам — ордена Отечественной войны 1-й степени. Всего 44 летчика получили высокие советские награды. Старший лейтенант

Жозеф Риосо, еще не вернувшийся из отпуска, удостоен ордена Александра Невского. Печально было слышать имена Казанова, Панвена, Ирибарна, Менью, Микеля, Монжа, Пикено, Вердые, Керна, Гастона, значившихся в Указе Президиума Верховного Совета СССР. Их уже не было в живых. Но за них фашисты заплатили шестьюдесятью самолетами.

Генерал Пети с особым удовлетворением прикреплял французские награды к гимнастеркам советских механиков. Пидулов, Сальников, Крайнев, Филимонов, Румянцев, Котельников, Федорин, Бобриков, Кулаков, Нестеренко, Капралов и другие авиаспециалисты были рады: это означало признание их нелегкого, далеко не простого труда.

Настоящий восторг вызвало у всех награждение орденом Военного креста лейтенанта Якубова, который в октябре прошлого года спас от верной гибели Эмоне. Раненный, Жан выбросился тогда с парашютом. Он наверняка истек бы кровью или замерз — надвигалась холодная ночь. Но вскоре над ним склонился незнакомый советский лейтенант-авиатор:

— Я искал вас и очень рад, что вы живы. Сказал, уложил Жана на парашют и поволок.

— Я с Пе-2, — объяснял он по дороге, — нас тоже сбили. Я так же, как и вы, воспользовался парашютом. А мой командир и стрелок-радист погибли.

Узнав об этом, Дельфино немедленно обратился во французскую военную миссию с ходатайством — по достоинству отметить действия лейтенанта Якубова; взаимовыручка на войне всегда ценилась превыше всего.

После торжественного обеда высокие гости улетели. Вместе с ними отбыл и капитан Матрас. Ему предстояло следовать в Тулу и принять там под свое командование вновь создающийся полк.

Прощаясь, Дельфино обратился к генералу Пети:

— Лучшие комэски уходят. Сначала Рене Шалль, теперь Пьер Матрас. Когда же наши отпускники вернутся?

— Они уже в дороге. Но все будут направлены в Тулу. Сами понимаете, дивизия требует много людей.

— Значит, никакого пополнения не ожидать?

— Нет, Луи, придется обходиться наличными силами.

— Тяжело придется.

— Знаю. Даст бог, вольетесь в дивизию, станет легче. Ли-2 ушел. Дельфино построил полк:

— Ле Мартело, Шаррас, подбирайте себе заместителей, назначаю вас командирами эскадрилий. Де Сент-Марсо, готовьте свою эскадрилью к вылету — война продолжается.

Неудержимая огненная лавина катилась к Кенигсбергу. Юго-западнее его ценою огромных усилий и многих уертв удалось ликвидировать мощную группу врага. -а Здесь, на поле брани, 18 февраля был смертельно ранен командующий фронтом дважды Герой Советского Союза генерал армии И. Д. Черняховский. Его сменил ;, Маршал Советского Союза А. М. Василевский. По бездорожью, преодолевая болота, разлившиеся Щ реки, наши войска стягивались к Кенигсбергу, гарнизон которого насчитывал 130 тысяч человек, имел на вооружении 2000 орудий, свыше 100 танков. Полевая оборона опиралась на 15 крепостных фортов вокруг города и девять — на его территории.

Когда подлетали к Кенигсбергу наши самолеты, у пилотов создавалось впечатление, что каждый метр его земли утыкан зенитками. Приходилось подниматься выше досягаемости их снарядов. А там стаями ходили "мессеры".

— Господин полковник, господин полковник! — закричал пораженный увиденным Мишель-Эйхенбаум. — Вы посмотрите, что они делают?! Что творят!

Начальник штаба Тацинского танкового корпуса полковник Черников спокойным взглядом окинул разворачивающуюся перед ним панораму боя на подступах к Кенигсбергу. Танки, крушившие опоры линий электропередач, па которые показывал Игорь, не задержали на себе его внимания.

— Таков приказ, мой дорогой, город нужно лишить энергии. А вы лучше вызывайте своих орлов. Сейчас в самый раз поддержать нашего брата.

Игорь склонился над радиостанцией, начал вызывать "Нормандию — Неман".

Вскоре все 25 "яков" с трехцветными коками проследовали на Кенигсберг. Чуть правее шел 9-й гвардейский, еще правее — 18-й гвардейский, а там, дальше, — бомбардировочные, штурмовые полки.

Такого налета Игорю еще не приходилось наблюдать.

Полковник Черников сказал:

— Похоже на то, что было под Сталинградом. Только сейчас, пожалуй, больше.

30 минут город-крепость содрогался от бомб и снарядов, На его улицы рушились сбитые самолеты — немецкие и советские. Казалось, ад — ничто по сравнению с тем, что творилось на земле и в небе.

Одна волна самолетов уходила, другая приходила на Смену.

— Все вернулись? — было первым вопросом Дельфино перед повторным вылетом.

— Нет Блетона.

— Кто его видел?

— Я, — отозвался Кюффо. — Он сбил одного "мессершмитта". Потом увидел "желтого", бросился ему наперерез, а что было дальше, не знаю, начал сам, отбиваться.

— Подождем, может, объявится. Еще раз напоминаю, — обратился ко всем, — держаться друг за друга, не увлекаться. Иначе нас перещелкают поодиночке. По самолетам!

Полк снова двинулся на Кенигсберг, а в это время раненного в руку и ногу Блетона допрашивал сам командир эскадрильи "Мельдерс" полковник Брендель. Он по-джентльменски представился, сказал, что у него 189 побед и что сам Гитлер вручал ему Железный крест с бриллиантами.

"Так вот какой ты, барон фон Брендель! — подумал про себя Пьер. — Теперь-то я знаю цену вашим победам;

хорошо, если наберется десяток лично сбитых..."

— Кто сразил моего ведомого? — вдруг безо всякого перехода резко спросил полковник.

Блетон не нашел нужным скрывать правду:

— Ваш покорный слуга.

— Ну вот, вы моего ведомого, а я — вас. Возмездие, так сказать. А Вальтера мне жаль. Он был лучшим из моих ведомых.

— Сбивал вам самолеты? — совсем осмелел Пьер.

— Да, сбивал. Я собирался назначить его командиром звена. Он стал бы настоящим асом.

— В том случае, если бы другие стали работать на него?

— А как иначе? Все — ради командира. Мой ведомый его хорошо понимал. Жаль его. Что вы с ним сделали?

— Отправили в тыл.

— А как быть с вами? Я вижу, вы мужественный летчик. А вас должны расстрелять как партизана. Мне не хочется этого.

Едва не убив в воздухе Блетона, полковник Брендель спас его на земле тем, что не передал в руки гестапо. Пьера бросили в лагерь для военнопленных русских летчиков, сбитых в Прибалтике. Из-за решеток они видели в полнеба зарево-это горели Пиллау и Кенигсберг. И от сознания собственного бессилия яростно сжимали кулаки.

— С боеприпасами не возвращаться, сбивать самолеты, нет их — громить врага на земле! — ставил Дельфино задачу перед очередным вылетом.

Курс прежний — Кенигсберг.

Пока что небо пусто, если не брать во внимание бессчетное количество огненных шариков — взрывов зенитных снарядов. К ним уже приспособились, приловчились маневрировать между ними, избегая попаданий. Дельфино остался с группой наверху, в готовности к встрече с "мессерами" и "фоккерами". Остальным предоставил право свободного выбора наземных целей.

Пьер Дуарр устремился к железнодорожному вокзалу, где скопилась масса эшелонов. За ним последовали еще три "яка". Буквально продравшись сквозь зенитные трассы, четверка

нанесла удары по стоящим под парами паровозам. Они тут же взлетали высоко вверх обломками, затем один за другим начали рваться вагоны. Огонь метнулся к платформам с танками, орудиями, автомашинами. Вскоре внизу все было охвачено пожаром.

В другом конце города медленно, словно нехотя, начало оседать трехэтажное заводское здание. Стены расползались, валились, как в замедленной киносъемке, и наконец окончательно рухнули, подняв огромные столбы пыли. Это "поработали" Робер Кастен и его друзья. Потом на окраине города с ослепительным блеском взорвалась огромная цистерна. За ней — вторая, третья. Там орудовали летчики де Сент-Марсо.

Дельфино бросил взгляд на часы. В распоряжении — 40 минут. Потом их сменят другие. Непрерывность воздействия с воздуха на упорно сопротивляющегося врага — такой была задача, поставленная командармом и командиром дивизии. Не дать фашистам возможности поднять голову вверх, не позволить им опомниться — значило намного облегчить участь войск, штурмующих эту "неприступную крепость", как внушала геббельсовская пропаганда.

Дельфино всматривался в разворачивающуюся под ним страшную панораму, когда в наушниках раздалось:

— Командир, на горизонте — "мессы"!

— Раяки! Все ко мне! — тут же, распорядился он. "Мессеров" было много. Они в последнее время только так и летали — сплошной тучей. То ли с целью психологического воздействия на русских летчиков, то ли в интересах собственной безопасности. Возможно, и то, и другое.

Однако никакие тактические ухищрения не спасали врага. Гордость авиации Геринга была уже выбита. На фронт посылали летчиков-инструкторов из летных училищ и безусых юнцов, не имевших боевого опыта. Дрались они остервенело, но допускали много различных просчетов. Этим пользовались советские летчики и летчики полка "Нормандия — Неман", когда бой шел на равных с более или менее приемлемым преимуществом неприятеля. А в той ситуации, какая назревала сейчас — пять или шесть на одного, — тут думай, как не ошибиться самому.

Дельфино распределил силы: сам с эскадрильей де Септ-Марсо пойдет на противника в лоб. Ле Мартело ударит по нему сверху. Шаррас, разделив своих на две группы, свяжет "мессов" боем на флангах. Таким образом, у врага будет один выход — вниз. А бить в хвост всегда проще.

В считанные секунды произошло перестроение. А еще через минуту Дельфино и де Сент-Марсо, ворвавшись в гущу "мессеров", пошли "врукопашную". И французы, и гитлеровцы били в упор, слышался треск отваливающихся крыльев.

Кто из фашистов пытался уйти вверх, чтобы, собравшись с духом, снова ринуться в гущу боя, того тут же, как куропаток на взлете, подстреливали истребители Лб Мартело. То же самое происходило на флангах, где мастерски действовали летчики Шарраса.

Один из крестоносцев ринулся вниз. За ним увязался Робер Кастен. Пике на полной скорости для "яка" рискованно. Поэтому Робер занял "мертвую зону" — сектор, в котором обнаружить преследователя не так просто, не зная особых приемов осмотрительности. Гитлеровец не воспользовался ими. Решив, что сзади никого нет, резко переломил траекторию полета, пошел в набор высоты — и тут же получил несколько оставшихся в распоряжении Кастена снарядов.

Это была седьмая победа Робера.

Уже было сбито около десятка вражеских самолетов, когда нахлынула новая черная туча — "фоккеры".

Дельфино знал: вот-вот будут на исходе боезапас и горючее. Пожалуй, больше ввязываться в бой не следует, надо уходить. Он собрался было отдать по радио команду, когда услышал в наушниках:

— Раяки! "Соколы" идут на помощь". Лавриненков. Ну, держитесь теперь, боши!" — облегченно вздохнул Дельфино.

Рядом с Дельфино возник Амет-хан Султан. Его худощавое, скуластое, обрамленное иссиня-черными волосами лицо было полно мужественной решимости сокрушить все и вся на своем пути.

"Как это здорово, что есть на свете такие вот люди!" — восторженно подумал Дельфино, и оба на предельной скорости вонзились в строй "фоккеров". Где-то выше вел в атаку своих орлят Павел Головачев, откуда-то доносились обрывки аеллюхинских распоряжений. Эфир переполнился русскими, французскими, немецкими командами, выкриками, ругательствами. Смелое маневрирование, непрерывные атаки, меткий огонь делали свое. Уже пять "фоккеров" полыхали на земле, несколько "мессов" ушло, потянув за собой дымные шлейфы.

Амет-хан услышал голос своего друга де Жоффра и, нанося разящие удары, стал искать его, чтобы сразаться крылом к крылу.

В этот момент от самолета к самолету радиоволна понесла тревожную весть: "Де Жоффр сбит!" Где, как, куда упал?

Разве поймешь что-либо в этой неразберихе? Внизу дымится много машин. Где "як" де Жоффра? Кто может сказать?

Амет-хан в жгучей ярости чуть ли не винтом рубил вражеские самолеты и увлекал за собой других.

Наконец, небо над Кенигсбергом на какое-то время очистилось. "Нормандцы", покачав крыльями гвардейцам 9-го полка, ушли восполнять боезапас и бензин.

Теперь им надлежит приземляться в Либау. Их уже встречают русские механики. Удивительно, когда успели сюда перебраться! И все у них с собой.

В моторе самолета Перрена что-то повредила вражеская пуля.

— Через полчаса неисправность устраним, — заверил Агавельян.

Летчики не успели перекусить, когда Игорь-Мишель передал:

— "Соколы" вступили в бой с превосходящими силами.

— По самолетам! — скомандовал Дельфино, на ходу дожевывая бутерброд.

Французы подоспели вовремя.

— Фино, смотрите, семнадцатый сразу с тремя сражается! — закричал Шаррас.

— Прикрой, — приказал Дельфино, — Это — Лавриненков. Надо помочь.

Луи с лета сразил одного — своего пятнадцатого — "месса". Два других тут же ушли в сторону.

Снова "як" и "лавочкин" стали рядом, устремились в атаку, сзади их надежно защищали Шаррас и Борисов.

Видя, как мастерски их ведущие расправляются с врагами, оба думали; "И чего было спорить, какой самолетов лучше? Вот где проверка. И летчики, и техника — высший класс!"

Из полета Дельфино вернулся последним.

Все слышали, как он передавал: "Собирайтесь, собирайтесь, уходим!" А собрались — командира нет. Так и пришли на аэродром без него.

Полк загудел, как растревоженный улей. А Дельфино в это время незаметно ткнулся в самый край полосы и зарулил на стоянку. Обрадованный механик бросился на крыло, стал помогать Дельфино выбраться из кабины.

Тут же прибежали пилоты, обступили Дельфино.

— Что случилось, командир?

— Куда вы пропали?

— Отдав команду о сборе, я увидел "месса".

— Раз вернулись, значит сбили его! — воскликнул кто-то радостно.

— Нет, не совсем так. Мне никак не удавалось зайти ему в хвост.

— Почему же, командир?

— Причина простая: это была тень моего самолета на облаках, которую я принял за "месса". К счастью, быстро осознал ошибку.

Все рассмеялись.

А через три дня в армейской газете был помещен снимок поверженного на землю "мессера" с желтой линией и ста двадцатью крестами на фюзеляже. "Этого, одного из крупных немецких асов, сразил командир полка "Нормандия — Неман" подполковник Луи Дельфино. Это его шестнадцатая победа", — гласила текстовка.

— Командир, почему умолчали об этом?

— Не хотел кормить свой халат, — отделался он шуткой.

Все было бы хорошо, да никто не мог забыть о Франсуа де Жоффре. Кто-то видел, как пошел он в сторону залива Фриш-гаф. Кому-то показалось, что выпрыгнул с парашютом. Ходило много всяких версий, но никто ничего достоверно не знал.

Лишь один человек мог совершенно точно рассказать, что случилось с французским летчиком, да он находился слишком далеко.

Он — командир стрелкового батальона капитан Г. Назарян — наблюдал с земли, как в воздушном бою загорелся наш истребитель, как из него выбрался летчик, выпрыгнул, раскрыл парашют и его понесло в сторону залива Фриш-гаф.

А между батальоном и берегом окопался враг. До самого вечера шел яростный бой, пока, наконец, враг не был рассеян и уничтожен.

Начинало темнеть, а беспокойство за летчика не давало покоя командиру батальона. Он приводнился утром — между десятью и одиннадцатью. Смог ли столько держаться в ледяной воде? Пока было хоть что-то видно, рассматривал водную поверхность в бинокль. Трупы, бочки, разные обломки, но никаких признаков жизни.

Наступила ночь. Измотанный боем, не спавший много суток подряд, весь обросший, грязный, Назарян тем не менее не пошел отдыхать — уселся на берегу моря. И вдруг послышался еле различимый зов. "Галлюцинация, наверное", — решил Назарян. Но снова раздался неясный крик. Потом еще. Засевшие где-то справа немцы открыли по нему огонь.

Назарян заметил человека, мертвой хваткой уцепившегося за бревно. Летчик это, конечно, летчик! Один из солдат бросился в воду — на помощь. Человек был в полубессознательном состоянии.

Солдат стал толкать бревно к берегу, чувствуя, что от пронизывающего до костей холода силы начинают покидать и его. Однако с упорством греб и греб, решив во что бы то ни стало достичь берега.

Их обоих подхватили на руки солдаты. Влили спирта во рты, раздели, растерли им тела.

На комбинезоне спасенного тускло мерцал орден Отечественной войны 1-й степени. А когда пришел в себя, все удивились незнакомой речи пилота.

Услышав наименование "Нормандия — Неман", обрадовались тому, что им довелось спасти мужественного француза.

Кенигсберг пал.

В полк прибыли дорогие гости-гвардейцы 9-го истребительного. Прибыли отметить взятие "неприступной крепости", за которую вместе сражались, и попрощаться:

они, временно приданные 303-й дивизии, убывали на другое, берлинское направление. "Нормандцы" оставались в Восточной Пруссии до окончательного решения вопроса о формировании дивизии "Франция".

На торжественном вечере де Жоффр и Амет-хан сидели рядом.

Обязанности переводчика выполнял Игорь Эйхенбаум, на груди которого ярко горел орден Военного креста, врученный Дельфино по поручению генерала Пети.

— Всю эту кампанию мы прошли рядом, дружба наша закалилась в совместных сражениях, где мы десятки и сотни раз выручали друг друга. Я и все мои друзья благодарны судьбе, что она свела и породнила нас с героями советского неба — Владимиром Лавриненковым, Павлом Головачевым, Амет-хан Султаном, Алексеем Алелюхиным и многими другими советскими соколами. Нашу святую боевую дружбу мы пронесем в себе до конца своих дней, — говорил командир полка "Нормандия — Неман".

И разлетались друзья в разные края. Разлетались, унося в сердцах великое чувство братства, рожденного в годину суровых испытаний.

Вроде и близок конец войны, а здесь, в Восточной Пруссии, он пока не чувствуется: гремит, грохочет, огрызается враг, сопротивляясь.

Неужели третья кампания затянется до лета? В это не хотелось верить. Однако 22 апреля де Сент-Марсо записал в своем дневнике: "Капитан Агавельян прочитал нам лекцию об эксплуатации Як-3 в летних условиях. Не слишком ли мы надеемся, что не придется пользоваться рекомендациями предусмотрительного капитана?"

Полк уже неделю практически без дела сидит на аэродроме Бладиу. Луи Дельфино вызвали в Москву, вместо него остался Гастон де Сент-Марсо.

Все думали, что больше не придется вылетать по тревоге, да только противник сам позаботился о том, чтобы найти "нормандцам" работу. Невесть откуда стали появляться группы в пять-шесть "мессов", наскакивать на наши транспортные самолеты, которые по указанию Советского правительства доставляли продукты питания и медикаменты сильно пострадавшему населению Кенигсберга.

На перехват одной из таких групп де Сент-Марсо послал пару во главе с Жаком Андре. Он с ходу сбил ведущего "месса", остальные сразу же повернули обратно.

Еще один перелет — на аэродром Эльбинг. Задача прежняя: перехватывать любые немецкие самолеты. Теперь в основном приходилось иметь дело с "транспортниками", на которых высшие гитлеровские чиновники спасали свои шкуры. Как правило, маршруты этих самолетов завершались на дне Балтийского моря.

Однажды Дельфино, возвращаясь на аэродром, заметил за собой "хвост" — советский "як". Идет, молчит. Может, летчик ранен? Или рация отказала? А вдруг на нем враг? Дельфино круто взял вверх, развернулся, очутился у "яка" сбоку. Глянул на бортовой номер — глазам своим не поверил: захаровская машина! Как попала сюда? Почему никто не предупредил? В полном недоумении идет следом на посадку, подруливает к машине комдива.

На землю соскакивает и, взяв под козырек, к Дельфино направляется худой, со впалыми щеками и желтизной под глазами летчик:

— Мой командир, лейтенант Пьер Блетон вернулся в ваше распоряжение... из плена.

Можно было упасть от удивления. Дельфино удержался. Он обнял Пьера, потряс его высохшую, легкую фигуру.

— Но, дорогой, как ты очутился на самолете Захарова?

— Освободили из плена американцы. Мы с одним русским летчиком прикатили на трофейной машине прямо в штаб генерала Захарова. Он захотел сделать вам сюрприз.

— Узнаю, узнаю генерала! А ты, Пьер, герой, только похудел сильно.

— Летного пайка там не выдавали.

— Ладно, поправишься, главное — вернулся. В этот момент резко открылась дверца радиомашин, раздался одновременный крик Жоржа де Фридо и Игоря Эйхенбаума:

— Господин полковник, скорее сюда, скорее сюда!

— Что там еще? — пробурчал Дельфино, зашагав крупными шагами.

"Передаем сообщение о капитуляции гитлеровской Германии", — доносилось по радио.

— Вот теперь все, — облегченно вздохнул Дельфино и устало опустился на скамейку...

Письмо И. В. Сталина де Голлю:

Французский авиационный полк "Нормандия — Неман" находится в Москве и готов вернуться во Францию... Этот полк вернется в свою страну как победитель, со своим боевым оружием, т. е. на боевых самолетах со всем снаряжением и вооружением, пролетев над Эльбой на запад, во Францию. Я считаю совершенно нормальным оставить в полку все боевое снаряжение, которым он так успешно и мужественно пользовался на Восточном фронте. Пусть этот скромный подарок Советского Союза французской авиации станет символом дружбы между нашими народами. Прошу вас принять мою глубокую благодарность за отличную работу полка на русском фронте против немецких вооруженных сил.

Ответ Шарля де Голля И. В. Сталину:

Мы с гордостью встретим возвращение наших летчиков из полка "Нормандия — Неман" на тех самолетах, на которых они сражались бок о бок со славными советскими армиями. Вы можете быть уверены в том, что французское правительство и народ высоко ценят дар, сделанный Франции Советской Россией. Они видят в нем яркое свидетельство глубокой дружбы наших обоих союзных народов.

На торжественное собрание в ЦДКА прибыли все "нормандцы" из Восточной Пруссии и Тулы. Пьер Пуйяд, Марсель Альбер, Ролан де ля Пуап, Жозеф Риссо, Александр Лоран и другие были счастливы снова встретиться со своими однополчанами. Расспросам, разговорам не было конца.

Первое, что всех волновало, — как там, на родине?

— Дома все налаживается. О нас знают, нас ждут. Правда, находятся и такие, которые спрашивают: "Они не стали там коммунистами?" А встреч неожиданных было много. Одна из них — с Альбером Мирле. Он возглавляет сейчас службу научно-технической информации страны. Ему довелось беседовать со взятым в плен в Арденнах Мессершмиттом. Любопытный был разговор. Немцы готовили что-то получше Як-3, да не вышло, — отвечал Пьер Пуйяд.

— А как будет теперь с дивизией "Франция"?

— Этот вопрос сам по себе отпал. Уже был собран костяк для трех полков, даже проводили тренировочные полеты. Но Франция возрождает свои национальные ВВС у себя в стране, и полк "Нормандия — Неман" станет их основой.

— У русских есть пословица: что ни делается, все к лучшему, — сказал Дельфино. — Пришла победа, она расставляет последние точки над "i".

— А поставил ли последнюю точку Лоран? — спросил Эйхенбаум.

— Скоро будем поздравлять Александра и Риту с законным браком.

На торжественном собрании на "нормандцев" посыпался золотой дождь наград. Советских и французских. Указом от 4 июня 1945 года Жак Андре и Марсель Лефевр (посмертно) удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Время торопит события. На 11 июня назначен отлет полка на подаренных Як-3 во Францию. А тут решены не все вопросы по оформлению брака Александра и Риты. Большая часть этих забот легла на Люсетт, оставшуюся без уехавшей в Париж Жинетт. Она подняла на ноги все французское посольство, чтобы как можно скорее разрешить этот не простой по тем временам вопрос. Наконец все было утрясено. Рита получила право выйти замуж за иностранного подданного. Лорану вручено разрешение на брак за подписью генералов Катру, Пети, полковников Пуйяда и Дельфино.

Летчики уже паковали чемоданы, когда в загсе на Петровке в присутствии всего одного свидетеля — Люсетт Моро — произошла церемония регистрации брака. Рита стала мадам Лоран, чтобы тут же расстаться со своим возлюбленным — через час полк стартовал в Эльбинг.

Там авиаспециалисты под руководством офицера Александра Рыжова проделывали последнюю операцию на самолетах полка "Нормандия — Неман": красили в цвета французского флага уже не только коки, но и обтекатели моторов. Красили не для боев, для парада. А 30 советских механиков подгоняли на себя новейшее обмундирование, подбирали лучший и надежнейший инструмент — готовились к отправке во Францию, где им предстояло в течение месячного турне по стране продолжать обслуживание Як-3, передавать свой опыт французским коллегам.

И вот наступил самый волнующий, самый долгожданный момент, к которому каждый "нормандец" стремился с первой минуты вступления на советскую землю. Момент возвращения на родину победителем. Каким долгим, тяжелым и кровопролитным был путь к нему! Кто дошел до него, тот может считать, что родился в рубашке.

Последний запуск мотора.

Последние метры советской земли под колесами...

И незабываемый, навсегда врезавшийся в память образ генерала Захарова, собственноручно дающего красным флажком команды на старт. Образ бесстрашного, отважного комдива со слезами на щеках...

20 июня полк "Нормандия — Неман" впервые появился в небе Парижа.

Это был триумф, какого Франция давно не знала. Ее доблестные сыновья с честью и славой возвращались с поля брани. Нарушив все правила, они пронесли над крышами любимой столицы, сверкая алыми звездами победы на крыльях.

Собор Парижской богородицы, Сена, Елисейские поля, Эйфелева башня...

— Эй, парни! — кричит по радио Марсель Альбер. — А все-таки приятно, черт возьми, вновь увидеть эту железку!

На аэродроме Бурже их встречает сам Шарль де Голль. Влажнеют его глаза, сердце наполняется гордостью. Ведь это его мужественные посланцы, лучшие из лучших бойцов движения Сопротивления, армии "Сражающейся Франции". Франтиреры? Да, франтиреры. Для врага — вне закона, для Франции — гордость нации!

Вон как шумит, бурлит, ликует, торжествует Париж, чествуя летчиков "Нормандии — Немана", вон с каким восторгом следят за высшим пилотажем Робера Марки! Шпага чести, которой он мастерски сражался с врагом, теперь сверкает в зените славы под яркими лучами солнца.

Вся Франция жаждала видеть своих героев. Из города в город перелетал полк, и всюду его появление превращало обычные рабочие будни в большой праздник.

Всюду первое слово предоставляют Луи Дельфино.

Вот он в своей родной Ницце. Здесь на памятнике погибшим в войнах горожанам начертаны имена его прадеда, деда, отца, отдавших жизни за Францию.

С балкона мэрии командир полка "Нормандия — Неман" представляет летчиков, затем механиков, вкратце рассказывает об их заслугах, победах.

— Василий Ефимов! — объявляет Игорь Эйхенбаум, читающий список.

Русский сержант появляется на балконе. Дельфино обнимает его, громко сообщает?

— Мой механик. Раздаются аплодисменты.

— Мой боевой товарищ, — продолжает командир полка.

Овация усиливается.

— Мой брат!

Площадь взрывается рукоплесканиями, которые вспугнули с деревьев голубей.

— Да, я говорю — мой брат! На русских аэродромах в тридцатиградусный мороз он укрывал радиатор самолета подушками для того, чтобы его командир мог в любую минуту подняться в воздух. Он всегда был у машины, спал на ее капоте, подложив под голову кулак. Вот он каков, дорогие мои сограждане, человек, которого имею честь вам представлять. А Василий Ефимов не один такой — все наши механики поступали так же, как он... У нас бывали затруднения с продовольствием. Однажды на завтрак мне достались две котлеты и два куса хлеба. Вторую порцию я спрятал в карман и отдал на стоянке Ефимову. Василий поблагодарил, но есть не спешил. Я решил понаблюдать, что он будет делать со вторым скромным завтраком. Ефимов позвал своих друзей и разделил все на троих. Каждый день, — продолжали разноситься слова Дельфино над притихшей, внимавшей ему площадью, — каждый день Василий, Ефимов утром докладывал мне:

"Товарищ майор, самолет к полету готов!" Однажды в шутку я спросил его: "Послушай, Ефимов, ты что, больше никаких слов не знаешь? Каждое утро ты говоришь мне одно и то же". "Нет, товарищ майор! Пока враг топчет землю моей страны, пока он терзает Францию, пока он не побежден, других слов не услышите от меня". Граждане Ниццы! Скажите, можно ли после этого удивляться, что с такими людьми полк "Нормандия — Неман" выстоял и победил?!

Шквал аплодисментов, возбужденные выкрики "Вива "Нормандия-Неман"!" были ответом на вопрос Дельфино.

А потом, когда он спустился с балкона в море цветов, к нему обратилась маленькая, худенькая пожилая женщина;

— Я ищу Анри. Где Жорж?

Она смотрела печальными, полными надежды глазами. Рядом стоял Морис Гидо — верный друг Жоржа. Она повернулась и к нему:

— Скажите же, где он?

Как сообщить? Какие слова найти? Разве скажешь, что Жорж Анри стал последней жертвой полка в войне?

Все знали, что он сирота, воспитывался в доброй французской семье, приютившей его. Жорж был сердечный, откровенный, терпимый к недостаткам друзей, преданный товарищ. Хороший пилот. Сбить за короткий срок пять самолетов противника не каждому удавалось. И надо же случиться...

Это было 12 апреля 1945 года. Полк примостился на маленьком клочке земли невдалеке от залива Фриш-гаф. Напротив, в шести километрах, с трех сторон омываемый водами Балтики, находился небольшой полуостров. Там закрепились остатки дивизии "Рейх". Громадные пушки береговой артиллерии прикрывали их со стороны Кенигсберга.

Эти пушки однажды подвергли обстрелу площадку, на которой приземлились французские "яки". Сначала они подняли на воздух цистерну с горючим. Потом разрушили аэродромный командный пункт. Сожгли воздушную машину Мориса Гидо.

Нужно было что-то предпринимать. Договорились с Захаровым, что он пришлет штурмовиков.

Гитлеровцы, как бы почуяв скорый конец, повторно начали интенсивный, массированный обстрел аэродрома. Весь личный состав полка успел укрыться в предусмотрительно отрытой траншее. Не оказалось там лишь Дельфино и Анри. Они находились недалеко от радиомашин, когда прямым попаданием снаряда ее разнесло в щепки.

— Бежим! — скомандовал Дельфино, но Анри постоял с секунду с застывшим взглядом и начал падать.

Командир подхватил летчика на руки и побежал к землянке медицинского пункта.

— Ничего, мой полковник, ничего, это пройдет, - шептал белыми губами Жорж.

К полудню он скончался.

Картина воспоминаний промелькнула в сознании Дельфино. Женщина почувствовала: с Анри произошло что-то ужасное, но не хотела верить этому.

— Вы здесь не все? — спросила дрожащим голосом. — Еще одна эскадрилья не прилетела?

Спазмы перехватили горло Мориса Гидо и Луи Дельфино.

— Да, — ответили они, — здесь не все. Еще одна эскадрилья осталась... в России.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

4 декабря 1942 по 9 мая 1945 года полк "Нормандия — Неман" совершил 5240 боевых вылетов, налетав 4354 часа, провел 869 воздушных боев, сбил 273 и подбил 80 фашистских самолетов.

В общей сложности в полку служило 96 пилотов-истребителей. Из них погибли 42 человека: 35 — в воздушных боях, 7 — при исполнении служебных обязанностей. Имена всех павших на поле брани золотом выбиты на мемориальной доске, установленной на доме № 29 по Кропоткинской набережной в Москве, где когда-то находилась французская военная миссия.

Из первого заезда — пятнадцати человек — в живых остались только Марсель Альбер, Ролан де ля Пуап и Жозеф Риссо.

Трое — Константин Фельдзер, Раймон Бейсад и Пьер Блетон — были освобождены из плена.

Награды полка: орден Красного Знамени, орден Александра Невского, Крест Почетного легиона, Крест участника Освобождения, Военная медаль, Военный крест, почетное наименование "Неманский".

Четыре летчика — Марсель Альбер, Жак Андре, Ролан де ля Пуап, Марсель Лефевр (посмертно) удостоены звания Героя Советского Союза.

Полк "Нормандия — Неман" по возвращении во Францию стал ядром ее военно-воздушных сил. Первые послевоенные годы это воинское формирование имело на оснащении советские Як-3, затем — совершенствующуюся реактивную технику. В 1977 полк прилетал в Советский Союз с дружеским визитом на сверхзвуковых истребителях "Мираж".

С глубокой скорбью встретили советские люди в сентябре 1979 года сообщение о кончине видного общественного деятеля Франции, президента Ассоциации французских ветеранов полка "Нормандия — Неман" генерала Пьера Пуйяда. ;

Как же сложились судьбы остальных оставшихся в живых "нормандцев" — главных героев нашей книги (по данным на 1980 год)?

Жозеф Пуликен — первый командир эскадрильи "Нормандия". Дослужившись до полковника, ушел из ВВС, стал антикваром в городе Сент-Поль-де Ване.

Луи Дельфино — бывший генеральный инспектор ВВС Франции — скончался в 1968 году в звании генерала армии. В 1964 году Луи Дельфино присутствовал в Москве на церемонии перезахоронения останков неизвестного французского летчика, найденных следопытами города Орла вблизи деревни Каменка.

Во время бесед с русскими ветеранами полка "Нормандия — Неман" Дельфино спросил: — Почему я не вижу Владимира Лавриненкова? Мне говорили, что он в Киеве.

Тогда же, почти через двадцать лет разлуки, состоялась волнующая, незабываемая встреча.

— А мы так и не поменялись тогда самолетами, — шутил Луи. — Не поздно ли сейчас это сделать?

— Поздно, дорогой, нет уже тех машин.

— Да, — подтвердил гость, — у нас остался один-единственный Як-3, хранящийся в Парижском авиационном музее как наша самая дорогая боевая реликвия.

На церемонии перезахоронения останков неизвестного французского летчика выступали Луи Дельфино, Владимир Лавриненков, Георгий Захаров. Это была последняя встреча с мужественным сыном французского народа Луи Дельфино.

Герой Советского Союза Марсель Альбер после войны — французский военно-воздушный атташе в Праге. По окончании службы переехал в США, где проживает и сейчас.

Герой Советского Союза Ролан де ля Пуап — сменил воздушную стихию на морскую: в Средиземном море в специальном океанариуме изучает жизнь дельфинов. В одном из номеров журнала "Техника — молодежи" за 1977 год опубликована его статья "Разумные животные".

Герой Советского Союза Жан Андре — с 1968 года персональный пенсионер, технический и коммерческий директор садоводческого предприятия в городе Вансе. В 1960 году вместе с Леоном Кюффо присутствовал в Москве на премьере кинофильма "Нормандия — Неман".

Жозеф Риссо — бригадный генерал авиации в отставке, директор национального Митинг-центра. В 1977 году посетил СССР вместе с летчиками полка "Нормандия — Неман".

Пьер Матрас — бригадный генерал авиации в отставке.

Гастон де Сент-Марсо — генерал, был помощником военно-воздушного атташе Франции в Вашингтоне, затем — военно-воздушный атташе в Москве.

Леон Кюффо — генерал авиации в отставке, директор Французского национального аэроклуба.

Франсуа де Жоффри — генерал авиации в отставке.

Константин Фельдзер — персональный пенсионер. В 1963 году после выступления по советскому телевидению он встретился в Киеве с Иваном Грязновым и Филиппом Гуреевым, с которыми бежал из фашистского плена.

Раймон Бейсад - в 1960 году ушел из армии, занялся сельским хозяйством в своих родных местах.

Альбер Мирле — после войны заведующий отделом Азии и Африки службы технического сотрудничества министерства финансов и экономики Франции, в последнее время — советник по финансам министерства внешней торговли.

Жан де Панж — ответственный сотрудник Французского бюро по экспорту авиационной техники и оборудования.

Мишель Шик — генеральный президент-директор Общества по изучению декоративно-прикладных искусств.

Жорж Лебединский — хирург.

Игорь Эйхенбаум — генеральный секретарь Ассоциации французских ветеранов полка "Нормандия — Неман".

Альбер Анри — механик Жозефа Риссо — после войны технический и хозяйственный руководитель института Пастера в городе Гарш. Разыскал семью Тюляна. Узнал его дочь по той же блуждающей улыбке, которая всегда светилась на лице Жана, когда он занимал место в каби-не истребителя.

Перед демонстрацией фильма "Нормандия — Неман" по французскому телевидению на голубых экранах появился генерал Жозеф Риссо. Он рассказал об истории полка, очень хорошо отозвался о работе механиков в условиях жесточайших русских морозов. Анри тут же нашел в справочнике телефон Риссо, позвонил ему:

— Рад был увидеть вас, мой генерал.

— Анри, — раздалось в ответ, — дорогой мой Анри, ты что, свихнулся? Когда столько времени люди были друг с другом на "ты", они никогда не переходят на "вы". Сейчас же приезжай ко мне.

— Спасибо, Жозеф, еду. Это самое дорогое, что подарила нам с тобой Россия.

Раймон Тролле — работник службы навигации гражданской авиации во французской администрации Берлина.

Однажды в "русской" зоне попал в автомобильную катастрофу. Советский полковник начал говорить с ним

в довольно резких тонах. Но вот ему передали потертое удостоверение капрала полка "Нормандия — Неман". И в ту же секунду все изменилось.

— Господин Тролле и его семья находятся под защитой советской администрации, — решительно заявил ваш полковник.

Присутствовавший американский офицер стал возражать против этого. Однако полковник не уступил. Семью Тролле отправили в советский военный госпиталь, где всех ее членов очень быстро поставили на ноги. Несколько раз состоянием их здоровья интересовался сам главнокомандующий Группой советских войск в Германии. Раймон Тролле, уезжая, был тронут до слез тем огромным вниманием, которое оказали семье "маленького капрала" "Нормандии — Немана" советские люди.

Люсетт Моро после войны вернулась во Францию, привезла с собой спичечный коробок земли, взятый с могилы Анри Фуко, переслала его матери и стала для нее как бы родной дочерью.

Разыскала она также и Александра Лорана, чтобы передать ему от матери Риты бутылку "Столичной", любимый им самодельный торт "Наполеон" и банку клюквенного варенья. А потом они вместе встречали Риту.

Александр и Рита Лораны — наконец соединили свои судьбы в 1946 году. Сначала вместе с сыном Жан-Полем жили в Западной Германии. Там Рита родила Сержа, крестной которого стала Люсетт Моро. Алекс Лоран стал летчиком-инструктором в школе подготовки резервистов. В июне 1957 года его не стало. Генералы Катру и Пуйяд помогли Рите в

устройстве на первых порах. В настоящее время она живет в Версале, имеет небольшой книжный магазин.

Иван Васильевич Шурахов — бывший начальник штаба полка "Нормандия — Неман". Сейчас полковник в отставке, работник службы движения Латвийского производственного объединения гражданской авиации. Посетил в Париже мать де Сейна. Там увидел висящие рядом портреты Мориса де Сейна и Владимира Белозуба, что до глубины души взволновало Шурахова.

— Оба они — мои сыновья, — заявила мадам де Сейн. Точно такие же портреты видел и точно такие же слова слышал Иван Васильевич в селе Покровское Днепропетровской области, где жили Елена Семеновна и Леонтий Степанович Белозубы — отец и мать Владимира...

Сергей Давидович Агавельян — полковник-инженер в отставке, председатель совета советских ветеранов полка "Нормандия — Неман". Живет в Москве. Несколько раз бывал во Франции. В частности, в 1946 году руководил работами по профилактическому ремонту "яков" полка.

Георгий Нефедович Захаров — Герой Советского Союза, генерал-майор авиации в отставке, член совета ветеранов полка "Нормандия-Неман", автор книги "Повесть об истребителях", часть страниц которой посвящена боевому взаимодействию русских и французских летчиков.

1 июля 1960 года Министром обороны СССР Маршалом Советского Союза Р. Я. Малиновским был подписан приказ, который гласил:

"Героя Советского Союза французского летчика старшего лейтенанта Марселя Лефевра зачислить навечно в списки первой авиационной эскадрильи Н-ского гвардейского истребительного авиационного полка".

С тех пор каждый вечер на перекличке личного состава полка звучит:

— Герой Советского Союза старший лейтенант Марсель Лефевр пал смертью храбрых в боях за Родину!

...Август 1979 года. Шестерка "миражей" авиаполка "Нормандия — Неман" приземлилась на одном из подмосковных аэродромов — так начался очередной дружественный визит подразделения ВВС Франции, возглавляемого бригадным генералом авиации Ю. Куто. В составе делегации были полковник в отставке Жак Андре — Герой Советского Союза и командир эскадрильи майор Жан-Пьер Жоб. Французские авиаторы побывали в городе-герое Волгограде, где посетили Дом Павлова, Мамаев курган, а также побывали в Качинском высшем военном авиационном училище летчиков имени А. Ф. Мясникова. Потом они были дорогими гостями Звездного городка, где их встречали летчики-космонавты СССР В. Шаталов, А. Николаев, П. Климук, Ю. Глазков. Позже гости возложили венок к мемориальной доске в честь погибших пилотов полка "Нормандия — Неман" на здании по Кропоткинской набережной, где в годы войны размещалась Французская военная миссия.

Четвертый день гости провели в Ленинграде: осмотрели крейсер "Аврора", штаб Великого Октября — Смольный, Дворцовую площадь. На Пискаревском мемориальном кладбище и у памятника героям города на площади Победы возложили венки.

31 августа визит завершился.

— До новых встреч! — напутствовал летчиков полка "Нормандия — Неман" командующий авиацией Московского военного округа генерал-лейтенант авиации В. Андреев.

Еще 8 мая 1945 года глава Временного правительства Французской Республики Шарль де Голль говорил:

— В то время как лучи славы вновь заставили сиять наши знамена, родина с любовью думает прежде всего о тех, кто погиб за нее. О тех, кто сражался и страдал за нее. Ни один порыв ее солдат, моряков, летчиков, ни один акт самоотверженности ее сыновей и дочерей, ни один траур, ни одна жертва, ни одна слеза не будут забыты!

И Франция помнит своих сыновей, отважно сражавшихся против общего врага на советско-германском фронте.

Свято чтит их память и наш народ.

— Нет крепче дружбы, чем та, которая скреплена совместно пролитой кровью! — скажет советский руководитель генералу Пуйяду спустя много лет после победы.

Когда Пьеру Пуйяду — убеленному сединой ветерану полка "Нормандия — Неман" приходилось отвечать на вопрос молодежи: "Чем вы занимались тогда в России?", он начинал свой рассказ простыми, мудрыми словами:

— Мы занимались там, ребята, настоящим мужским делом...

СОДЕРЖАНИЕ

- Трудные сборы
- Полет в неизвестность
- Большое русское приключение
- Боевое "крещение"
- Новый командир
- Тульские самовары
- Вторая кампания
- О, Париж, мой Париж!..
- Послесловие

Лавриненков В.Д., Беловол Н.Н.

Шпага чести. Документальная повесть о полке "Нормандия-Неман".- М.: Воениздат, 1988

— 270 с.

ISBN 5-203-00224-X

Книга посвящена боевому содружеству французских и советских авиаторов.

Один из авторов произведения, дважды Герой Советского Союза В Д Лавриненков на заключительном этапе Великой Отечественной войны крылом к крылу с французскими летчиками сбивал хваленых гитлеровских летчиков.

В основу книги положены воспоминания французских и советских ветеранов полка «Нормандия — Неман».

Книга рассчитана на массового читателя.

4702010200-272

-108-89

068(02)-88

ISBN 5-203-00224-X

ББК 84Р7 Р2

Владимир Дмитриевич Лавриненков Николай Николаевич Беловол

ШПАГА ЧЕСТИ

Документальная повесть о полке "Нормандия — Неман"

Редактор А В. Кирюхин Художник Ч К. Путилов Художественный редактор Т. А

Тихомирова Технический редактор О И. Камышанова Корректор И. А. Цеханова

ИБ № 3417

Сдано в набор 12.05.87. Подписано в печать 27 09 83. Г-12942. Формат 84X108/S2. Бумага тип. № 1. Гарн обыкн. новая. Печать высокая. Печ. л. 8'/i. Усл. печ. л. 14,28. Усл. кр.-отт. 14,28. Уч.-изд. л. 15,52. Тираж 65 000 экз. Изд. № 4/3487. Цена 95 к. Зак. 363.

Воениздат, 103160, Москва, К-160. 1-я типография Воениздата 103006, Москва, К.-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3